

Денис Яруллин

Январские ивы

Книга I

Содержание

Предисловие к первой книге.....	4
Правда — зверь с печальным ликом.....	5
Диалоги: сестра, брат, сестра.....	15
Один день Эрика Густафссона	17
Вечер у леди Скорбь	27
Диалоги: мастер и координаторы	39
Сестре.....	41
Неотправленное письмо, найденное в пустом доме	42
Звери острова Скарагосс.....	43
Диалоги: два короля	51
Адам	53
Цвета тишины	55
Дебют	63
Яна.....	66
Предвидение	73
Неловкий разговор на полпути между Эгерией и Храйсвельгом.....	75
Деловые люди	78
Возвращение	81
Пустой дом.....	90

Черные пески	93
Диалоги: двое с Синдвари	96
Январское небо	98
Да не судимы будете	106
Караульный	109
Лихие пришли времена.....	112
Сумерки светоносных, часть 1	115
Сумерки светоносных, часть 2	124

Предисловие к первой книге

Здравствуйтесь, дорогой читатель. Так или иначе к тебе попала первая книга «Январских ив», то ли сборника историй, то ли слишком вольнодумствующего романа о Круге Имен — мире, где войну все считают вполне нормальным состоянием вещей, а Имена ходят среди людей (и не только людей).

С одной стороны — скандинавский стимпанк, где и Скандинавии, и стимпанка не так уж и много. С другой же стороны — постмодернистское произведение о мире, где постмодернисты победили на уровне законов бытия. Причудливое сплетение всего этого и дало в итоге текст, который вы, дорогой читатель, сейчас наблюдаете.

Не стоит также забывать, что «Январские ивы» — живое произведение, и новые истории можно найти в Сети по адресу <https://willows.is>.

Также важно предостеречь юные и впечатлительные умы от необдуманного знакомства с текстом: здесь встречаются эпизоды, к которым внутренне нужно быть готовым. Лучше всего текст подойдет совершеннолетним с твердыми ценностными ориентирами.

И на этом осталось пожелать вам, дорогой читатель, приятного чтения!

– Д.

Самое страшное в ночи — ее наступление.

Правда — зверь с печальным ликом

Шел дождь. Надоедливо бил по подоконнику, рассыпая по стеклам осколки капель, стыдливой вуалью мороси укрывал грязные улицы, скрадывал редких прохожих и машины, глушил остатки света, убивая всякую надежду разглядеть за Завесой тусклый диск солнца, упрямым пауком вползал в комнату, сплетая в углах серую паутину прогорклой зябкости и напивая воздух холодной сыростью.

Она лежала, накрывшись с головой одеялом, слушая этот нескончаемый стук капель снаружи. Здесь почти всегда шел дождь, сколько она себя помнила, с самого детства, но до сих пор она при пробуждении часто не могла себя заставить сорвать эту тяжелую пелену дремотной грусти, которой заботливо укрывал ее дождь. Она лежала и слушала, как капли бьются в своем отчаянии о подоконник. Ей очень не хотелось вылезать из свитого за ночь гнезда уютной теплоты, но вставать все равно было надо. Нехотя она высунула одну руку из-под одеяла, которая тут же покрылась мурашками, и вслепую пошарила ею по тумбочке в поисках очков. Очки рука не нашла, зато наткнулась на радиоприемник. Включила.

—... Контрнаступление на Северо-Западном фронте захлебнулось, как сообщают нам...

Нет. Никаких новостей сейчас. Не время для новостей. Покрутила ручкой.

*а я не знал, что есть такая нежность,
литая бездна, горькая бравада.
я видел свет, удушливый и вешний,
зерно асфальта, город бесноватый;
сминал всё это в слепок безымянный,
смеялся с непокрытой головою,
не ведая, что есть такая память,
денная, беглая, о нас с тобою.*

Это уже приятный негромкий женский голос нараспев читал стихи. Она даже узнала его. Дина Ивинская, Дина-Ива, ее стихи сейчас звучали во многих местах. Она, наверное, могла бы сказать, что стихи Дины ей нравились, но пока что она просто снова затащила руку обратно в одеяльное тепло, и, закрыв глаза, думала, что никогда же не видела эту самую Дину, даже не представляла, какая она из себя, всегда был только этот голос — приятный негромкий женский голос, бестелесный, невесомый, немолчно скользящий где-то в томных токах меж Завесой и Эфиром.

Пересилив себя, она все-таки выползла из кровати, ежась и фыркая, тотчас же закуталась в свой домашний теплый халат и пошла умываться. Горячая вода на какие-то минуты вернула ускользающее ночное тепло, этого ей хватило, чтобы согреть чайник, сделать себе пару бутербродов, а потом юркнуть обратно под одеяло, шумно прихлебывая из своей большой белой чашки. У нее оставалось около получаса до того неприятного момента, когда надо было окончательно покидать уют, влезать в свитер и брюки, натягивать белый халат и топать на работу.

Каждый день у нее были эти полчаса, когда она просто сидела в одеяле с чашкой чая и думала обо всем подряд. Сегодня это была Дина-Ива. Где она жила? Дотянулась ли до нее война? Шел ли у нее за окном дождь по утрам? Готовил ли ей кто-нибудь завтрак? Или, может, это она кому-то его готовила? Видела ли она когда-нибудь истинный свет? Какой цвет она любила? Про какой город она писала, что он «бесноватый»? Кому она писала эти стихи?

Все эти вопросы оставались безответны, разве что дождь, по-прежнему постукивающий снаружи, мог что-то сказать по этому поводу, но она не слушала дождь. Из дождя был так себе собеседник.

Раздумные полчаса прошли, и она все-таки потянулась одеваться. Обесцветив себя темным теплым свитером и серыми брюками, она завершила монохромный образ белым лабораторным халатом. Убрав волосы в строгий пучок и водрузив на нос найденные все-таки очки, она, чуть не забыв кошелек и документы, направилась на работу в соседний корпус института.

Иногда ей казалось, что она провела в институте всю свою жизнь, редко покидая его лабиринт коридоров, переходов, лестниц, холлов и лабораторий. Замкнутый, герметичный, настоящий город в городе, оплетенный сетью связующих нитей, институт позволял существовать в себе, не обращая ни малейшего внимания на дождливый мир за окнами. Она привычно отмеряла ступени, повороты, спуски, подъемы, даже один лифт, замыкая свой ежедневный контур пути. Выйдя из последнего коридора, расступившегося взметнувшимся на титаническую высоту потолком, она, погруженная в какие-то свои мысли, все еще вращавшиеся где-то около современной поэзии, начала лавировать между такими же белыми халатами, наполнявшими холл. Миновав его и вновь скрывшись в очередном коридоре, она испуганно вздрогнула, увидев рядом с собой высокую фигуру Ольшанского. Выглядел Ольшанский неважно, сухая сероватая кожа плотно обтягивала скулы, он часто облизывал тонкие бескровные губы, глаза, и без того вечно выглядящие будто воспаленными, совсем были красны, даже серебристые бакенбарды, обыкновенно боевито торчащие в стороны, как-то печально повисли.

— Сколько можно ко мне подкрадываться? — слегка ворчливо спросила она. Ольшанский лишь пригладил пятерней топорщащиеся волосы, открыв высокий лоб с залысинами, и аккуратно парировал:

— Я не назвал бы это подкрадыванием, Яна, ибо такой цели я перед собой не ставил.

— Да, извини, Ольшанский, просто я сегодня какая-то рассеянная, — Яна почувствовала себя немножко виноватой, Ольшанский и так был очень уставшим, еще она тут со своими дурацкими придирками. — Ты не выспался?

— Было много работы, — бесстрастно отозвался Ольшанский. — Но я еще в норме.

— Точно?

— Да, разумеется.

— Как скажешь.

Пошли дальше вместе. Какое-то время шли молча, потом Ольшанский негромко спросил:

— Ты слышала о неудаче под Хьяртборгом?

— А, нет, кажется, — Яна даже сначала не сообразила, о чем это Ольшанский, но потом поняла, что он, должно быть, говорил о той самой захлебнувшейся контратаке на Северо-Западном фронте. Решила уточнить:

— Или ты о том, что было в утренних новостях на радио?

— Первые «светляки» пришли уже ночью, — заметил любивший точность Ольшанский. — Я как раз работал над корректировкой третьего коэффициента, предыдущий коэффициент вновь оказался слишком большим, я был несколько раздосадован этим и слишком сильно надавил на бумагу, у меня сломался грифель, я поднялся из-за стола, чтобы найти, чем очинить карандаш, тут ко мне в кабинет вбежал дежурный, знавший, что я все еще работаю, поскольку я предупреждал его о том, что задержусь допоздна, и сообщил о пришедших в институт новостях. Он выглядел растерянным, слегка напуганным и, пожалуй, печальным. Я поспешил уточнить детали, положив карандаш в правый карман лабораторного халата...

— Ольшанский, не увлекайся, — напомнила ему Яна. Ольшанский, как и все его сородичи, редко следил за тем, насколько подробно он воспроизводит свои воспоминания. Благодаря их памяти им не приходилось делить события на важные и не очень.

— Да, конечно, — исправился тот. — Не вдаваясь в подробности, это был полнейший разгром. Едва ли не самая неудачная операция со времен Ирлинского котла. Множество бессмысленных смертей.

Яна плохо запоминала все эти бесконечные битвы, операции, наступления и отступления, для нее война оставалась просто чем-то огромным, страшным и неостановимым, и это всегда вызывало у нее какую-то иррациональную, глубинную тревогу. Еще ее действительно печалили все эти сотни и тысячи перемолотых войной жизней.

— Разве не каждое такое сражение заканчивается огромными потерями? — спросила она вместо ответа.

— Не спорю. Потери здесь сопоставимы с другими крупными операциями, они действительно немногим выше среднего в количественном отношении. Но я сейчас говорю скорее о неудачах стратегических. Сообщают также, что сбили «Холодное море», но это пока остается на уровне слухов. Его точно серьезно повредили, больше никаких достоверных сведений не поступало.

По спине Яны пробежал холодок, когда она представила себе жутковатую, почти что апокалиптическую картину гибнущего дредноута. Она видела один из них однажды, когда была еще подростком, и он произвел на нее большое впечатление, поэтому гибель дредноута в ее воображении представлялась чем-то очень и очень страшным. Ольшанский продолжил:

— Еще пара таких неудач, и Третий союз развалится точно так же, как первые два. Кайзер Годенбурга подпишет какое-нибудь соглашение о прекращении огня, на какое-то время может даже наступить затишье, пока кто-нибудь из этих лампоглазых вновь не заставит войну выйти на новый виток жестокости.

Ольшанский, обычно спокойный и бесстрастный, только в одном случае не упускал воз-

возможности выразить свое искреннее презрение — когда говорил о светоносных и их роли в этой бесконечной войне. И Яна, в общем-то, Ольшанского достаточно хорошо понимала. Несколько смущенный тем, что дал волю редким для него эмоциям, Ольшанский замолчал. Мысли Яны тем временем повели ее куда-то дальше, инстинктивно унося разум прочь от ужасов войны и мерзости политики. Сознание снова зацепилось за женский голос, нараспев читавший стихи.

— Ольшанский, тебе бывает одиноко? — спросила вдруг Яна.

— Нет, — коротко ответил тот. — Одиночество типично для нашего вида. Почему ты спрашиваешь?

— Да так, — ушла от ответа Яна. — Любопытство.

— Хорошо, — кивнул Ольшанский. — Узнавать новое всегда полезно.

— Однозначно, — улыбнулась Яна. Иронию Ольшанский, похоже, предпочел пропустить мимо ушей. Пока она думала об этом, пришли наконец в лабораторию. Яна мотнула головой, настраиваясь на рабочий лад, Ольшанский первым делом отправился проверять показатели на экране исчислителя.

— У субъекта а-три на этот раз скачет давление, — заметил он. — Причем синусоидально.

— Бездна его побери, — Яна тоже, нахмурившись, смотрела на числа, ползущие по экрану. — Что же с ним такое происходит...

— Остальные в норме, — сообщил Ольшанский, заканчивая проверку на соседнем терминале. — Кое-какие незначительные отклонения есть, но все укладываются в погрешность.

Яна рассеянно кивнула, все еще думая над тем, почему у Аз такая нехорошая динамика. Очевидной разгадки на ум не приходило. Это ее нервировало. Раздраженный стук пальцем по столу. Она не любила, когда загадка не хотела решаться.

— Дополнительные тесты? — спросил Ольшанский. Яна кивнула снова, медитируя на медленно обновляющийся график на экране и по-прежнему машинально стуча длинным тонким пальцем по столу. Субъекту Аз было нехорошо. Будь он в сознании, ему было бы еще хуже. Исчислитель давал среднесрочный негативный прогноз почти по всем группам органов. Если она не поймет, как исправить его состояние, у него скоро начнется каскад отказов жизненно важных органов.

— Помрет пациент, — констатировал Ольшанский, делая забор крови для тестирования. — Где-то мы ошиблись, но я не могу ухватить момент ошибки. Возможно, дело все-таки в третьем коэффициенте.

— Он почти не влияет на этом сроке испытаний, сам же знаешь, — машинально обронила Яна. — И мы не ошибались. Со всеми остальными все в порядке. Тут что-то еще.

Ольшанский лишь бесстрастно кивнул и поинтересовался только:

— Меняет ли это наш график на сегодня?

— Нет, нет, — рассеянно отмахнулась Яна. — Все по плану, работаем.

И первую половину дня все действительно шло размеренно, и Яна отвлеклась от странностей с Аз. Ее основной специальностью была биохимия, и белковые соединения Яну увлекали куда сильнее. До самого обеда она почти что не отрывалась от микроскопа, краем глаза замечая, как Ольшанский, бормоча что-то себе под нос, продолжал что-то менять в бесчисленных формулах сложнейших реакций. Наверное, опять правил несчастный третий коэффициент.

В обед пошли привычно в институтский кафетерий, чьи высоченные панорамные окна выходили аккурат на старый Людлин. Полуразвалившиеся крыши домов иссохшими остовами утопленников поднимались там и тут из заболоченных вод вместе с осокой и камышами. Новый Людлин, сбежавший от затопления чуть западнее, старался не смотреть на труп предшественника. Только махина института, соединенная с городом единственным длинным мостом, осмеливалась находиться здесь, в месте триумфа природы над человеком. Или не природы, как говорили некоторые, после чего многозначительно молчали, поднимая взгляды кверху.

Яна любила смотреть на серо-рыжий пейзаж, раскинувшийся во все стороны: сквозь дождливую дымку поздней осени гардвельдского юга упрямо пробивалась ржа старого мира, умирающий металл, пожираемый темной стоячей водой, смешиваясь в своих оттенках с упрямыми деревьями на горизонте, позже всех сбрасывающими огненную листву. Тлеющие угли юга, эстетическое упадничество в лучших традициях современного искусства.

— Все наблюдаешь? — скептично поинтересовался Ольшанский, быстро закончивший свою трапезу.

— Эстетствую, — хмыкнула Яна в ответ. Ольшанский мертвый город не любил, в чем признавался легко. В причинах нелюбви признаваться не спешил, а Яна не рисковала спрашивать. Сейчас не рискнула бы точно. Ольшанский к середине дня стал раздражительным, что ему не было свойственно. То ли действительно сказывался недостаток сна, то ли все упиралось в ту проблему с вычислениями. Лучше его было не трогать. Сам Ольшанский, поняв тем временем, что Яна не намерена ускоряться с обедом, бесшумно ускользнул из кафетерия.

Ему надо было поспать. И, вероятно, не только поспать. Яне было немного неловко так считать, но она по-прежнему думала, что для маров употребление известной субстанции все-таки не роскошь, а необходимость. Находила оправдание в том, что это все-таки связано с их биологией. Но при Ольшанском все равно не хотела даже косвенно поднимать эту тему.

Посмотрела на часы. Пора было возвращаться в лабораторию. Она неторопливо шла по коридорам института, погруженная в свои мысли, и до лаборатории оставался последний поворот, когда услышала басовитые крики Ольшанского, в которых раз через раз слышались и звериные нотки. Он был в ярости. И раздавал указания.

— Да быть такого не может, — Яна вздернула одну бровь и поспешила в лабораторию. Там действительно оказался взбешенный Ольшанский, кучка младших сотрудников. И умирающий пациент с индексом Аз.

— Зови медиков! Ты же заведующая, зови медиков, эти гребанные бюрократы отказываются что-либо делать без твоей санкции! — прорычал Ольшанский, едва она показалась в дверях. Яна поспешила к телефону.

Медицинская бригада действительно прибыла весьма скоро. Все это время Яна, Ольшанский и призванные на помощь лаборанты пытались хоть как-то стабилизировать состояние, но системы организма отказывали одна за другой. Как и прогнозировал исчислитель. Только вот ошибся со сроками. Все развивалось куда быстрее. Медицина тоже оказалась бессильна. Накрыв тело на каталке белой простыней, старший в бригаде обратился к Яне:

— Доктор, вы понимаете, что я должен буду сообщить об этом случае руководству института. И надзорным органам.

Яна сухо кивнула, поджав губы. Весть о том, что у нее умер пациент, была неприятной, но довольно будничной для ее коллег-ученых. Никто в институте не умел творить чудеса. Неудачи случались. Но вот реакцию военных и, что самое неприятное, светоносных, которые по случаю военного положения надзирали за работой института, она предсказать не могла. И хотя у нее не было явной неприязни ни к кому из них, в отличие от того же Ольшанского, хорошего ждать все равно не приходилось.

Ольшанский постепенно успокаивался, смущенный теперь больше обычного. Тихонько сев за свой стол, он вернулся к своим расчетам. Яна хотела было что-то у него спросить, но потом передумала. Просто вышла из лаборатории и пошла бродить по институту. Остановилась в коридоре с большими окнами. Окна, подобно собратьям в кафетерии, тоже давали обзор на затопленный город. Упрямо чертил дождь. В смутной сумеречной дымке легко было потерять зыбкие ориентиры. Легко было забыться. Яна просто стояла так, наблюдая за жизнью мертвого города. Человек рано или поздно проиграет эту войну. Как бы они ни цеплялись за цивилизацию, мир возьмет свое. Уже доказали, что даже Завеса существовала не всегда. Что когда-то солнце светило одинаково ярко для всех. Яна попробовала поискать тусклый диск в небе, но на сей раз ей это не удалось. Солнце, если оно и светило где-то, светило явно не для нее.

Когда темнота начала ползти с болота к институту, и яркие сферы ложного света зажглись по периметру, а в коридорах загудели лампы, Яна вздохнула и решила вернуться к себе в лабораторию. Прошло достаточно времени, чтобы руководство и надзор что-нибудь да вынесли в отношении нее.

В лаборатории было тихо, только гудели приборы и исчислители. Горела одна маленькая лампа на столе Ольшанского, который по-прежнему что-то очень-очень аккуратно выводил на бумаге. Еще в помещении столь же молчаливо сидел человек в военной форме. Когда он увидел ее, то встал, поправил мундир и надел фуражку, лежавшую до той поры у него на коленях.

— Доктор, — негромко поприветствовал он Яну. — Ваш коллега любезно разрешил мне подождать вас здесь.

— Слушаю вас, — равнодушно отозвалась Яна.

— Вас хочет видеть начальник военного контингента института полковник Тополевский. Господин полковник просил вас посетить его незамедлительно при первой же возможности.

— Могу ли я это сделать сейчас?

— Так точно, доктор. С вашего позволения, могу сопровождать вас.

Яна кивнула. Покосилась на Ольшанского. Тот не подал вида, продолжая методично работать над своими бесконечными формулами. Каждый успокаивался, как мог.

Снова петляли по коридорам. Военные занимали пустовавшую прежде из-за недостатка финансирования часть комплекса, и Яна туда и прежде-то редко заходила, а теперь, когда там везде дежурили люди в темной военной форме с тяжелыми взглядами, желание посещать это крыло отпало окончательно.

Сейчас она шла, опустив взгляд и стараясь не особо смотреть по сторонам. Яркие холодные лампы ложного света придавали людям и стенам какую-то излишнюю болезненность. Еще Яне было неуютно быть единственным белым пятном в этом царстве темно-синих, почти что черных мундиров. Да и сама мысль разговора один на один с Тополевским, о суровости характера которого ходили слухи по всему институту, тоже не добавляла радостных ожиданий.

— Доктор, прошу вас, — голос сопровождающего разрушил иллюзию защищенности. — Полковник ждет.

Тополевский занимал небольшой кабинет, в котором нашлось место столу, паре стульев и небольшой скамеечке, а также исполинскому шкафу, на фоне которого полковник, массивный, широкоплечий, грузный седоусый мужчина с гладко выбритой головой, выглядел сущим ребенком. Холодный свет резкими тенями выхватывал многочисленные шрамы разнообразных оттенков, которыми были покрыты руки и голова полковника. Мохнатые брови нависали над усталыми сероватыми глазами. Тополевский поднял взгляд на Яну и жестом пригласил ее присесть. Яна приглашение приняла.

— Рад, что вы нашли время заглянуть ко мне, доктор, — голос Тополевского оказался на удивление тихим и даже в чем-то приятным. — Хотел лично вас поздравить.

— Поздравить? — Яна даже очки сняла от удивления. — С чем, прошу прощения, вы хотели меня поздравить?

— С тем, что ваши разработки оказались успешными с обеих сторон, — продолжил Тополевский. — Биологическое оружие, способное также стабилизировать состояние тяжелобольных, является по-настоящему уникальной находкой. Вы превзошли наши ожидания, доктор.

— Б-биологическое оружие? — с трудом выговорила Яна. — Что вы хотите сказать этим?.. Я всю жизнь посвятила тому, чтобы спасти людей, чтобы в конечном счете сделать жизнь лучше... О чем вы сейчас вообще можете говорить, я никогда даже близко не была связана ни с какими вашими мерзкими программами и никогда не работала на армию... Да, сегодня у меня умер пациент, но если вы хотите сейчас просто надо мной поглумиться, полковник, то Бездна вас побери, нет у вас права сейчас смеяться мне в лицо за мою неудачу!

Сдали нервы. Плохо. Тополевский примирительно поднял руки и тихо ответил:

— В моих словах была лишь правда, доктор. Полагаю, от вас ее частично скрыли. Когда был поднят вопрос о финансировании и охране вашего — теперь уже нашего — института,

первым же пунктом была его польза армии Третьего союза.

— Повторяю, я не имею ничего общего с армией! Ничего общего с вами!

— Доктор, мы на войне. Каждый из нас имеет что-то общее с армией. Руководство института предложило несколько направлений разработки, которые могли заинтересовать верховное командование и, — Тополевский на секунду осекся, — наших партнеров. В их числе была и ваша работа, доктор. Вы биохимик, верно? Ваши идеи высоко были оценены, особенно двойное назначение конечного продукта. Полагаю, не у всех ваших тестовых субъектов были отраженные в их медицинской карте заболевания. Оставим в стороне этическую сторону вопроса, поскольку результат нас поразил. Избирательный яд, убивающий здорового человека и помогающий выживать больным.

— Поверить не могу, — вырвалось у Яны. — Вы серьезно?

По лицу Тополевского иное предположить было сложно. Но Яна все равно пробормотала:

— Да быть этого не может, таких соединений в природе-то быть не может, это же ошибка настоящая, это я просто ошиблась, просто ошибка, ошибка все это... Я всегда хотела просто помогать людям, это какая-то ошибка!

— Я думал, вы давно выросли из идеализма, доктор. Наш мир — очень жестокое место. Более того, наш мир — постоянная борьба, и здесь даже нет места метафоре. Мы живем в состоянии вечной войны, доктор. И нам нужно чем-то воевать.

— Но даже на войне есть место гуманизму!

— Послушайте, доктор, я многие годы воевал на стороне тогда еще Второго союза. Я каждый день видел, как наших парней, молодых, необстрелянных парней рвет на куски шрапнель, как им отрывает руки и ноги, как залповый огонь артиллерии оставляет одни лишь куски мяса вместо целых подразделений! Как дредноуты своими автоматическими орудиями, не знающими промаха, шпигуют свинцом напуганных юнцов, которым просто не повезло оказаться не в том месте не в то время. Поэтому, доктор, во время обсуждения лично я оценивал ваши разработки как *слишком гуманные*.

Яна сердито мотнула головой. Слова Тополевского привели ее в чувство. И она рассердилась.

— Доктор, пожалуйста, постарайтесь меня выслушать. Армия хотела бы, чтобы вы продолжили вашу работу. Мы увеличим финансирование. *Существенно* увеличим. И предоставим тестовых субъектов. *Различных* субъектов.

При слове «различных» Тополевский на мгновение поднял глаза кверху. Яна уловила этот жест. Партнеры партнерами, а биологическое оружие против них разработать не помешает, значит.

— А если я откажусь? — задала она обязательный в таких случаях вопрос.

— В таком случае я вынужден буду напомнить, что институт сейчас почти полностью финансируется армией Третьего союза. Кроме того, к нему ведет ровно один мост, круглосуточно охраняемый дирижаблями опять-таки Третьего союза. Ваша разработка после сегодняш-

него успеха — ключевая для армии. Не будет вас — не будет и нужды в институте.

— Нравится быть злым человеком, полковник? — ехидно поинтересовалась окончательно пришедшая в себя и осмелевшая Яна. — А если я изобрету яд против злых людей, а?

— Миру нужны злые люди, доктор. Мир на злых людях стоит. Кому-то же надо доводить всякое дерьмо до конца, пока у счастливых людей все хорошо. Не думайте, что мне нравится все, что мне приходится делать на этой войне, доктор.

— Но вы продолжаете это делать.

— Оставим философский спор для другого раза. Мне от вас нужен ответ. Да или нет.

Яна нахмурилась.

— Да, — сухо бросила она в ответ. — Только ради института.

— Конечно, доктор. Как и я делаю это только ради нашей общей родины.

— Я могу идти?

— Да, я свяжусь с вами, если будет необходимо. В скоро времени ожидайте гостинцев в лабораторию.

— Всенепременно, — одними губами улыбнулась Яна.

Обратно она шла быстро и зло, отмеряя широким шагом полупустые по вечернему времени пространства. Ольшанский все еще был в лаборатории, уже тоже пришедший в себя. Он пил чай и задумчиво качал длинной ногой.

— Вечер, — сказала ему Яна, привлекая внимание.

— Как ты? — спросил тут же он.

— Ольшанский, как ты справляешься с плохими воспоминаниями? — вместо ответа откликнулась вопросом Яна. Ольшанский понимающе хмыкнул и ответил:

— У нас не бывает «плохих» или «хороших» воспоминаний, Яна. Есть просто воспоминания. Зачем вновь оценивать то, что давно стало прошлым? Мы ясно помним все, что с нами случилось в течение жизни, но никогда не смешиваем это с настоящим. А только в настоящем — в этом кратком мгновении между былым и грядущим — нам всем бывает хорошо, плохо, печально, весело, гневно или страшно. Мгновение уходит, настоящее становится прошлым, которое никак не может на нас повлиять, равно как и мы не можем его изменить. Его должно помнить, ведь лишь в воспоминаниях заключен бесценный опыт. Это, если можно так выразиться, ключ к лучшему будущему. Но нельзя давать им подменять собой момент здесь и сейчас. Нельзя вечно оглядываться, не замечая дороги впереди себя. И, если я правильно ухватил твою интенцию, замечу, что плохие поступки не перестанут быть плохими, если ты будешь терзать себя ими снова и снова, и это терзание лишь сделает плохим твое настоящее безо всякой на то причины. Смотри вперед, Яна, и не давай прошлому омрачать твое грядущее.

— Спасибо, Ольшанский.

— Налить чаю?

— Всенепременно.

Яна включила радио. Снова попала на запись — или не запись — стихов Дины.

*вагон гремел, земля ко мне клонилась,
ушибся лист о вытертый рукав;
я помню всё — сухую пыль аниса
и наши тени в плоскости зеркал,
рубец на платье.
Давнее бездомье
окутало усталое чело,
и я ступаю в сумрак однотонный,
чтоб больше не увидеть ничего.*

Лаборатория была погружена в полумрак и тишину, в тот самый однотонный сумрак, в котором действительно не хотелось ничего больше видеть и замечать. Яна взяла в руки теплую чашку и закрыла глаза. Видимо, и до Дины дотянулась война. Видимо, война дотянулась до всех. Видимо, такова была наша общая правда. Ее. Тополевского. Дины. Ольшанского. Живых и мертвых.

— Ольшанский, а расскажи еще раз вашу историю о правде.

Ольшанский улыбнулся и, вытянув ноги, мечтательно проговорил:

— Говорят, что Правда — крылатый зверь с лицом мара. Он сидит на высочайшей из вершин мира, и от взора его не скроется ничего, и он мудр и справедлив. И мары ищут его, чтобы спросить совета, и никому Правда не отказывает в том. Но лик Правды печален, ведь мары не делаются счастливыми от его советов. Однако же Правда не покидает своего поста и не отказывает в совете. Правда терпелив и Правда умеет надеяться. И надеется Правда, что однажды мир изменится, и мары будут становиться счастливее от советов, что он дает им. Но для этого, знает Правда, нужно дать много советов, от которых будет много печали и сожалений. Так сидит на вершине вершин Правда — зверь с печальным ликом, терпеливо ожидая дня, когда он скажет последний свой горький совет, после которого поменяется мир.

Ольшанский закончил рассказывать и непроизвольно зевнул. Яна улыбнулась в полутемноте. На душе стало легче.

Ведь кто знает, вдруг Правда уже дал свой последний горький совет...

Диалоги: сестра, брат, сестра

Царила тишина. Лишь ванадиевые токи Дальнего Эфира тензорным перезвоном едва тревожили ее покров. Дым, в котором то не было ни одного цвета, то вдруг переливались все сразу, лениво вытекал из тонкой сигареты, закрепленной в длинном черном мундштуке, по которому кружились замысловатые узоры. Дым сворачивался облаком где-то под высоким белым потолком, в его завихрениях можно было при желании увидеть дурманные образы и грезы, существующие лишь мгновение и рассыпающиеся мгновением позже. Хотя стороннему наблюдателю, найдись таковой, могло показаться и так, что комната — лишь видение, а дымные образы более реальны, чем его собственная жизнь. Темноволосая владелица мундштука, чье молочно-белое тело словно бы освещало полумрак вокруг, выдохнула сизое колечко и негромко проговорила, прищулив серые глаза, обращаясь к лежащему рядом мужчине, слегка растягивая гласные:

— Нынешняя Скорбь совсем не та, что прежняя.

Мужчина, чьи темные волосы разбавляла собой лишь единственная возмутительно-белая прядь, пожал худыми плечами и, с ленцой слегка изогнув тонкие бледные губы в привычно задуманной усмешке, ответил:

— Эта Скорбь, кажется, вообще забыла, что она Скорбь. Она научила их видеть в увядании, упадке и самой скорби красоту. И посмотри на них, они же действительно приняли и впитали это. Декадентство, это ж надо было выдумать!

— Мой милый брат, скажу тебе более, они научились скорбью наслаждаться. Я не так давно была среди них, наблюдала. Ты не поверишь, но все это «темное кабаре», все эти «Пестрые лилии», весь этот гротеск, весь декаданс, все только начинает цвести. Подумать только! Увядание — и начинает цвести, оставаясь при этом увяданием. Это определено новая Скорбь постаралась. И, более того, Страх на нее насмотрелся, и, пожалуйста, экспрессионисты полезли один за другим, особенно на севере — там есть у них один, довольно известный, ты тоже его знаешь. Так вот они и в страхе углядели искусство и эстетику, научились выражать страх на холстах, любоваться страхом. В чем-то восхищаться страхом. Удивительно.

— Если бы Война...

В комнату вошла вторая женщина, неотличимая от первой во всем, кроме слепяще-белого цвета волос и неизбежно-черного цвета глаз. Но сторонний наблюдатель, моргнув, мог бы поклясться, что в дверях стояла темноволосая и сероглазая. А лежала беловолосая и черноокая. Вошедшая устроилась рядом и, взяв мундштук у своей сестры, заметила:

— Если бы Война не манкировал свои обязанности, то, да, может быть, все было иначе. Но Война разочаровался и ушел в это свое изгнание. Я даже не знаю, где он сейчас. А мир, соответственно, устал от войны. Поэтому все, что происходит сейчас, мы заслужили. В той или иной мере.

— Но все же стоит нанести Скорби визит, как думаешь, сестра моя? — он задумчиво пробежался пальцами по ее обнаженной спине. Ее сестра тоже кивнула:

— Все-таки она Скорбь, она не перестала быть нашей Скорбью, хоть она и не та, что прежде.

Сестра улыбнулась и ответила им обоим:

— Конечно, милый брат, милая сестра, мы обязательно навестим нашу дорогую Скорбь. Я так давно ее не видела, даже успела соскучиться.

Он чуть-чуть улыбнулся. Она — или она? — выпустила еще колечко дыма. Вновь уютным змеем свернулась вокруг тишина. Лишь Дальний Эфир все чего-то тихо-тихо-тихо шептался сам с собой.

Или же кому-то это все только показалось?

Один день Эрика Густафссона

Эрик Густафссон проснулся за пять минут до подъема от того, что липкий влажный холод туманного утра бесцеремонно и особенно сильно схватил за нос и уши. Из чувства внутреннего протеста он все-таки долежал до зычного звука рога, будящего оцепенелый лагерь. Эрик скрипнул зубами и, пока другие в палатке только лениво ворочались, встал и пошел отлить.

У подножья холма, который облепил со всех сторон их лагерь, в низине, действительно вовсю клубился достаточно густой туман. Густафссон устроился у чахлах кустов, наблюдая за тем, как туман стелется дальше, туда, где квартировали артиллеристы и воздушники, и еще дальше, в сторону Хьяртборга. После освобождения города они встали лагерем южнее, в предместьях, но с их холма город по-прежнему был отлично виден. Когда-то Эрик был в Хьяртборге, но совсем маленьким, поэтому сказать, сильно ли изменился город за прошедшие годы, не мог. Да уже и не смог бы, сейчас же от Хьяртборга мало что осталось. Когда несколько дней назад они вошли в город, следы разорения, бомбардировок и обстрелов были на каждом уцелевшем здании, а еще больше кругом было стылых руин. Большая часть населения либо эвакуировалась, либо попряталась по окрестным лесам, оставшиеся жили в ужасных условиях, каждый день рискуя, что во время очередной вылазки за пропитанием их накроет артобстрелом. Проходя через агонизирующий город, Эрик думал только о том, что никто не заслужил такого в жизни. Он знал, что города по ту сторону линии фронта лежат в таких же руинах. И их жители тоже не заслужили ничего из этого.

Стуча зубами, Эрик худо-бедно умылся и, нахлобучив каску и подхватив свою винтовку, пошел к кострам в поисках завтрака. Само по себе утро выдалось достаточно ясным по здешним меркам, если не считать этого низинного тумана, и можно было даже разглядеть тусклый краешек солнца в пелене Завесы. Но все равно Густафссону здесь не нравилось. Поздняя осень на юге Свартриге была слякотным, влажным и дождливым предприятием, хотя, судя по ночным заморозкам, скоро должен был лечь первый снег. Впрочем, легче от этого не становилось. На родине Эрика, в северном Эстресунде, уже наверняка хозяйничала полноценная зима, и Густафссон предпочел бы ее здешней переходной неопределенности, взявшей, казалось, все самое противное от обоих времен года. После освобождения Хьяртборга Эрик думал, что они расквартируются в городе или в одной из близлежащих деревень, но командование погнало их сюда, где из жилья были лишь вырытые в стылой земле влажные землянки и продуваемые тенты, точно не рассчитанные на зиму.

Когда он устроился у костра и зачерпнул порцию из котелка, добавился еще один повод не любить здешнюю осень. Из еды была только лишь прогорклая пустая каша на воде да жесткая, как подошва, солонина. Из-за разбитых проселочных дорог поставки продовольствия опять задерживались, железные дороги почти все были подорваны своими и чужими в ходе наступлений и отступлений, а транспортные дирижабли попросту не рисковали так близко подлетать к линии фронта. Дерганные интенданты лишь разводили руками. Эрик пробормотал себе под нос очередное проклятие и устроился на свободном месте у огня, тщательно пытаясь ухватить все, что было питательного, в своем нехитром завтраке.

Неподалеку от Густафссона сидел Профессор и молча жевал ту же прогорклую кашу, время

от времени тщетно поправляя перекошенные очки. Звали его Ари, и до призыва он был всего лишь скромным молодым преподавателем университета в Геталейде, не успевшим еще даже защитить диссертацию. Однако на фронте он получил едва ли не самое быстрое повышение в истории высшего образования, став Профессором в первый же день по прибытии. Профессор считался в их подразделении человеком действительно важным: он был связистом, и именно в его ведении, видимо, благодаря высшему образованию, находился единственный в их части «светляк». Профессор, кажется, даже спал с ним, а когда бодрствовал, то либо держал рюкзак с ним на спине, либо ставил перед собой, не выпуская из поля зрения ни на мгновение. Ари можно было понять: с одной стороны, это действительно было важнейшее средство связи, от которого могли зависеть десятки жизней, с другой стороны, один «светляк» стоил столько, что бедняге Ари, случись что, вовек было не рассчитаться за него.

— Кто добровольно в наряд на рытье окопа, тому по полбанки тушенки на рыло сверх пайка! — пророкотало над кострами. Эрик вытянул голову и ожидаемо углядел огромную фигуру Торстейна, их сержанта.

— Ух, Суртова мать, знает, чем брать, — сказал кто-то рядом с Эриком. — Жрать-то после этой каши дрянной чет с каждым днем все больше и больше охота, а тут аж полбанки!

— Но земля-то промерзла уже, ее долбить — что Хель трахать, умаешься ж, — возразил ему Магнус, рыжий детина из какой-то рыбацкой деревушки в восточной части Аусге. — Торстейн-то просто так жратву раздавать не будет.

— Ай, все веселее, чем тут с вами задницу морозить, — все-таки остался при своем мнении первый солдат и замахал руками, привлекая внимание сержанта. — Эй, Торстейн! Торстейн! Я в наряд пойду!

Густафссон не успел съесть и пары ложек, как исполинский сержант оказался уже у их костра. Достав карандаш и блокнот из внутреннего кармана шинели своей черной и металлической правой рукой, он, аккуратно держа блокнот скелетоподобными пальцами протеза, неловко принялся вписывать фамилию добровольца левой. Руку Торстейн потерял, спасая светоносного, который оказался натуральным координатором. Поэтому, собственно, сержант и щеголял столь искусной заменой. Кто светоносных не спасал, тому из запчастей был положен в лучшем случае крюк. Эрик глубокомысленно покивал своему выводу и спросил:

— Торстейн, а почему вдруг народ на окопы потребовался? Инженера же по графику шли, сам же говорил.

— Да из разведки вернулись наши тарахтелки, говорят, южане сегодня особенно много суеются. Командование распорядилось набирать пока что добровольцев помогать с укреплениями.

— Контратаку готовят поди, — заметил сидевший до этого тихо Профессор. — Даже отсюда видно, они стягивают бронетехнику — я лично видел штуки три годебургских «Курфюрстов». Им речку форсировать — и до наших укреплений. Ничейная земля сильно ужалась после того, как мы вернули Хьяртборг, дистанции никакой не осталось толком.

Торстейн нахмурился. Ари частенько делал правильные заключения. Эрик интереса ради

тоже напряг зрение и вперился в сторону предполагаемого противника. Но утренний туман внизу надежно сокрыл танки южан, если таковые были. Сержант крикнул и, лязгнув о бляху своей железной рукой, приказал поторапливаться с завтраком, а тем, кто записался, сказал подойти к сержанту третьего взвода, который, видимо, занимался организацией помощи инженерам, после чего продолжил свое шествие по лагерю.

Доев наконец уже поостывшую кашу, Эрик зачерпнул жестяной кружкой чая с чабрецом из вовремя поставленного на огонь котелка и начал перебрасываться сальными шуточками с Профессором, Магнусом и прочими парнями из его взвода, слегка даже согрившись и перестав так ненавидеть местную погоду. Пару раз приходили еще какие-то сержанты, набирали добровольцев — Эрик только все думал, где ж они наберут столько жратвы сверх пайка, если подвоз продовольствия будет. Сурт знает когда. Сам он долбить основательно промерзшую уже землю как-то не рвался, предпочитая довольствоваться тем, что есть. Где-то часа полтора спустя, когда подраसेялся туман, вдруг начала бахать их артиллерия. Артиллерии у здешней армии Третьего союза после битвы за Хьяртборг толком не осталось, Эрик лично видел оставленные и развороченные орудия, когда они были в городе. Поэтому ответа артобстрелу со стороны южан не последовало.

— Наши пощупать решили, как у них там, — Магнус лениво почесал бороду и лысую голову. — Эх, сходить бы в баню сейчас. И пожрать что-нибудь приличное.

— Угу, — согласился Эрик. — Мне проще сказать, в каком месте я пока не чешусь.

— И ведь у южан точно такая же бодяга, тоже сидят вот так же, мерзнут, чешутся, клянут здешнюю погоду. Им-то поди даже тяжелее нашего приходится, мы ж все-таки к попривичнее к холоду. И ведь знаешь что, Эрик, вот эта вся война — она ж никому не сдалась. Нам она сдалась? Да Сурту в глотку эту войну. Южанам что ли сдалась? Да им бы домой упереться бы уже с наших морозов. Королю нашему? Или кайзеру годебургскому? Или гардвельдскому императору? У них у всех своих проблем хватает, чтобы еще что-то тут делить, че делить-то, если от года в год везде все хуже только становится, смысл-то хапать себе куски чужой плохой земли, когда у самого этой плохой земли хоть удавиться. И чем мы от тех же годебургцев или там гардвельдов отличаемся? Да ничем же! Из одного все теста слеплены, одной требухой набиты. И ведь скажи кто — пойдем и побратаемся без всяких там претензий с тем же Годебургом за милую душу. Песни вместе горланить будем. Так что вот и выходит, что война эта нужна только этим, — Магнус показал на небо. — Это они все что-то между собой делят, делят, поделить не могут, адохнем из-за этого мы. Им-то что, мы им как букашки, наверное, сверху-то. Знай летают туда-сюда да пальцем тыкают: отбери, мол, этот кусок, а потом тот кусок, а потом еще вот тот. И ведь приходится делать! Это подумать только, если так, это они за яйца ж держат целые государства со своим этим истинным светом, чуть заартачится кто, так сразу поставку обрубят и все, и трындец. Подлюки они все ж таки, ой какие подлюки...

Густафссон, согласно кивавший Магнусу, который все правильно говорил, хотел было уже зачерпнуть еще чая, как вдруг на весь лагерь затрубили сигнальные рога, и все поспешили залечь на землю и, по возможности, в укрытия. Над головами на бреющем полете просвистело несколько бомбардировщиков, грохнули взрывы, одиноко застрекотал пулемет, после чего грохнул еще один взрыв — один все-таки сбили. Эрик поднялся и принялся оглядываться. В

лагерь попала, кажется, всего одна бомба — мимо уже пробежали люди с ведрами воды в сторону столба дыма в дальней части лагеря. Окопам в низине досталось куда основательней, на месте нескольких теперь зияли раскуроченные воронки. В воронках лежали целые и не очень тела, слегка присыпанные землей. Вот тебе и доппак, подумал Эрик, вот тебе и инженерные войска, вот тебе и отсутствие артиллерии. Ари, первым делом при налете накрывший собой «светляк», шарил в поисках слетевших очков. Магнус, отряхнув шинель, лишь нахмурился, провожая силуэты бипланов.

— Прав был ты, Профессор, южане че-то готовят сегодня. Так просто бомбардировщики бы не отправили. Готовься, братва, ща в окопы полезем.

Эрик лишь недовольно сплюнул. Вслед бипланам неприятеля пронеслась тройка легких разведчиков, быстро взмывших выше, чуть поближе к скрадывающей все Завесе. Бомбардировку явно никто сегодняшним утром не ожидал. Все-таки после битвы за город южная армия была порядком ослаблена, и именно в расчете на это командование, похоже, решилось на передислокацию. Вот как бы не вышло сейчас так, что кто-то основательно просчитался.

С лагеря постепенно спадали последние остатки сонной лености, возвращалась повседневная суэта, к которой волей-неволей примешивалась легкая тревога из-за неожиданного утреннего привета южан. Эрика, впрочем, это пока мало касалось, они втроем так и сидели у костра, наблюдая, как из развороченных траншей убрали тела убитых, после чего спешно принялись их восстанавливать. Вскоре вернулись разведчики, к удивлению Эрика, все три самолета. Магнус проследил их тяжелым взглядом и пробурчал:

— Вот и кончилась передышка, мужики. Постараемся не сдохнуть еще разок?

— Постараемся, а то грязным помирать никакого удовольствия, — невесело усмехнулся в ответ Ари. Эрик просто молча кивнул. Он предпочитал лишний раз не испытывать судьбу.

Прошло еще сколько-то времени, час, наверное, или около того, когда над лагерем воздушников поднялись первые дирижабли, накрыв их своими огромными серо-стальными теньями. Торстейн тоже не заставил себя долго ждать. Эрик успел только еще разок сбегать до кустов вместе с Ари, после чего их взвод поспешил через лагерь к окопам на правом фланге.

— Че, контратаку планируют? — спросил Осмунд, самый молодой в их взводе, едва поспевая за Торстейном, размеренно идущим своим широченным шагом. Сержант пригладил усы металлической рукой и ответил:

— Что они там планируют, не докладывали. Но раз уж премся в окопы, то что-то да будет. Поэтому крепче винтовку держи, Магнуссен, поди и пострелять из нее придется.

Взвод весело хохотнул во главе с самим Осмундом. Когда подошли к окопам, Эрику окончательно стало ясно, насколько был прав Профессор, когда говорил о сильно сократившейся дистанции. Узенькая и неглубокая речка, за которой располагались силы южан, находилась в буквально под носом. На дне самих окопов их ждала жидкая грязь, в которой вязли сапоги, и каждый шаг отдавался сочным чавканьем. Эрик занял свою позицию рядом с Магнусом и привалился к земляной стене. Взвод лениво размещался в траншеях, недовольно бурча о сорвавшейся передышке. То, что южане атакуют, было вроде бы и очевидно, но солдаты

по-прежнему до последнего надеялись, что все обойдется.

Час холодного безделья спустя Густафссону начало казаться, что все и правда обойдется. Многие из его соратников дремали, кое-как приткнувшись в стесненных окопах, кто-то начал травить байки, сидящий рядом Магнус считал пролетающих над ними птиц. Даже Торстейн тер глаза и маялся от тягостного безделья ожидания.

Но все, разумеется, не обошлось.

Самое начало они откровенно прозевали. Лишь когда тишина безлюдности нарушилась утробным ревом дизельных двигателей, а небеса расчертили тени аэропланов, Эрик сотоварищи поняли, что южане пошли в контрнаступление. Густафссон украдкой выглянул из окопа и увидел не меньше десятка «Курфюрстов», тащивших свои грузные ромбовидные туши прямо на них и алчно вращавших дула пулеметов в спонсонах. Нырнув обратно, Эрик облизал вмиг пересохшие губы и спешно перезарядил винтовку. По взводу прошелестела тревога и страх. Все их танки уже были переброшены в другой район. Кто-то в командовании явно просчитался.

— Пылающая задница Сурта, вот это мы попали, братва, — пробасил Магнус, затыкая за пояс несколько противотанковых гранат. — Кто ж знал, что они умудряются пригнать их столько так быстро.

Начала вести огонь артиллерия, но основные силы противника перемещались быстрее. В небесах тем временем завязывался воздушный бой, подтянулись дирижабли обеих сторон, а вокруг сновали легкие бипланы, поливая друг друга свинцом. Торстейн, кое-как собрав взвод, давал последние наставления:

— Ну, мужики, нам хоть обосраться, но ни шагу назад раньше времени!

— Обижаешь, Торстейн, — был ответ. — Уж умирать-то мы умеем, наловчились.

Последовал общий невеселый смешок. Несколько минут спустя противник оказался в зоне досягаемости, и солдаты Унии открыли огонь. Орудия танков не заставили себя ждать, а вскоре и сами стальные чудовища достигли траншей, сея смерть. Несколько полыхнуло, разорванные гранатами, какие-то остановились, лишённые гусениц, но многие продолжали методичное уничтожение слабозащищенной пехоты.

Эрика, согнувшегося в три погибели, накрыла тень уверенно и обыденно переваливающегося через окоп очередного «Курфюрста», осыпая его землей с гусениц. Он сорвал с лежащего рядом тела гранату и закинул вслед танку. Граната рванула рядом, но даже гусениц не задела, а Густафссону пришлось спешно перебежать, пригнувшись, в другое место, по его позиции немедленно открыла огонь добравшаяся до веселья пехота южан, уже вовсю занимающая оставленные войсками Унии траншеи. Увидев, что Торстейн и еще несколько человек из его взвода перебрались в другой окоп, Эрик решился на рывок и, кляня всех на чем свет стоит, понесся туда, его заметил кто-то и начал по нему палить, но Густафссона спасло то, что между ним и неприятелем рухнул горящий остов биплана, укрыв его дымом. Упав в грязь рядом с сержантом, Эрик выдохнул и, поправив каску и перезарядившись, продолжил вести огонь. Сражение переходило в свое основное состояние полнейшей неразберихи. Находясь

в каком-то окопе, Эрик слабо себе представлял, что вообще творится сейчас на этом изрытом окопами и воронками поле, где он, где основные войска противника, где их войска, что происходит в небе, кто побеждает, в конце концов. Везде лишь были трупы, части трупов, будущие трупы, истекающие кровью и криками, убитая земля, убитые машины, убитый воздух, заставляющий кашлять, отплевываться, тереть грязной рукой лицо. В такие моменты голова Густафссона словно бы отключалась, и он лишь методично стрелял, стрелял, стрелял, заряжал винтовку и продолжал стрелять, надеясь, что его в процессе не подстрелят. Все сводилось к этой одной простой задаче, этой одной точке, одной маленькой личности во всем этом театре военных действий, отчаянно пытающейся прожить еще один свой день, еще один день Эрика Густафссона.

Намек на солнце пропал — или это его закрыли дирижабли, кружащие в смертельном танце высоты. Эрик не знал, сколько уже прошло времени, время перестало иметь значение — да и в чем его теперь измерять, в выпущенных пулях? В подстреленных южанах? В убитых товарищах? Похоже, наступление начало буксовать, злые северяне не давали противнику существенно продвинуться, но и отбросить его тоже не могли, и две армии вцепились друг другу в глотки на этом клочке мерзлой израненной земли, и ни одна не желала здесь остаться на прокорм вечно голодным крупным воронам, что уже с аппетитом начинали расправляться с погибшими.

— Патроны кончаются! — прокричал Эрик Торстейну, но тот лишь выругался в ответ. Патроны кончались в принципе, а подвоза что-то было не видать. — Профессор где?

— Пытается подкрепление вызвать! — ответил Торстейн, снимая новую обойму с тела какого-то парня с продырявленной башкой. — Без подкрепления мы в полной Суртовой заднице.

— Ну, там хоть тепло, — прорычал Магнус. Судя по виду, он побывал во всех значимых замесах сегодняшней битвы. Его все-таки легко ранили, и при каждом движении он непроизвольно морщился. — Нам тут ловить нечего, Торстейн, пора отступать ближе к лагерю! Не угробь парней, прошу тебя.

— Танки нас растопчут, — бросил сержант, пригибаясь. Над ними просвистели пули.

— Хера с два там осталось этих танков, все-таки это тебе не меранские монстры, у них броня похлипче и до экипажа добраться попроще. Нам скоро своим говном и грязью в них кидаться придется, тут боеприпасов нет и не будет, потому что подвозить тоже уже особо некому. Народ жметя, нас разбили по кусочкам, благо, их самих не так много, они тоже рассредоточились. Годенбуржцы же, ты ж знаешь их любимую тактику, «быстрая война», Сурт их побери, рассчитывали, что танками да чем нас передавят сразу, а вот не прокатило. Однако у них со снабжением дела получше. Поэтому в конечном итоге они нас пережмут чисто из-за этого.

Торстейн нахмурился, но все-таки дал команду отходить на заранее приготовленные позиции. Эрик присоединился к сержанту. На открытой местности, где не было даже иллюзорной безопасности окопа, было очень, очень неудобно. Хотелось побыстрее убраться оттуда, хотя Магнус и был прав — пехоте южан, размазанной по всему полю, было не до них. Эрик

уже видел спасительную траншею, когда голова бегущего рядом парня оказалась буквально откушенной — а перед Густафссоном, которого обдало кровью из перебитых шейных артерий, вырос мар с безумными алыми глазами. Из оскаленной клыкастой пасти текла свежая, дымящаяся на холоде кровь, а в качестве дополнительного оружия на предплечьях мара были закреплены по три длинных клинка-когтя. Но испугало Эрика не это, а совершенно безобидная багровая нарукавная повязка с двумя белыми вытянутыми треугольниками. Перед ним стоял самый настоящий солдат влахынского спецбатальона «Длинные клыки», полностью состоявшего из моривших себя голодом и тем самым доводящим до боевого безумия маров. Как водится, печально известного. Сам Эрик, конечно же, не успел все это подумать, образы и страх едва успели пронестись в его сознании, когда мар зарычал и собрался прыгнуть на Густафссона. Но клыки лязгнули о металл — Торстейн подставил свою железную руку, прокричав: «Беги!». Эрик побежал, вскоре оказавшись в спасительной грязи. Высунув голову, он увидел, как сержант врукопашную сражался с маром — сначала сержант сорвал когти с левой руки противника, после чего, парируя ими выпады, вцепился в нее своим протезом, на котором даже стали неярко светиться от перегрузки вентиляционные выходы блока питания, и, рыча не хуже мара, оторвал его руку начисто. Мара, впрочем, это не сильно затормозило, и оскаленные клыки сомкнулись бы на шее Торстейна, если бы не вмешался Эрик, попавший мару прямоиком куда-то в щеку. Этого хватило, чтобы сержант проткнул мару голову насквозь, а затем и оторвал ее на всякий случай, после чего Торстейн поспешил в укрытие. Им еще повезло, что пехота Годенбурга тоже не любила оказываться рядом с этими психами, и огня в их сторону почти не было. Тяжело дыша, сержант уселся прямо в грязь, от его металлической руки валил пар.

— Долго так продолжаться не может, мы все измотаны, — проговорил он, не особо заботясь о том, слышит ли его кто-то. — Есть связь с другими подразделениями? Будут подкрепления? Где Профессор?

Профессора нигде поблизости не было, и у Эрика проскользнула нехорошая мысль. Но он поскорее отмел ее. Ари просто где-то потерялся в этой суматохе. Найдется. И подкрепление вызовет. Торстейн, видимо, подумал то же, что и Густафссон, и лишь стиснул зубы в бессилии усталости.

— Гардвельдов нет, кстати, — заметил Магнус. — На всех только годенбургская форма. Ну и еще эти психованные влахины скачут туда-сюда.

— Значит, подтянуть новые войска не успели, это бывшие защитники оккупированного Хьяртборга да решившие повеселиться «клыки». Только без подкреплений это нам погоды не сделает.

Эрик тем временем поднял глаза к небу, где по-прежнему кипел бой, хотя остались в основном только крупные дирижабли, спустившиеся достаточно низко. Из-за усиливающегося ветра, наверное. Они неуклюже маневрировали, рискуя задеть друг друга оболочками, и вяло перестреливались. Боеприпасы кончались и у одной, и у другой стороны, но отступить первым никто не собирался.

Вдруг один из дирижаблей вспыхнул, разорванный напополам словно бы шаровой мол-

нией, после чего всех оглушила звуковая волна, напоминающая раскат грома. Глаза Эрика расширились от ужаса. Выстрел из пушки Грейса перепутать с чем-то было сложно. Внутри, где-то в районе то ли сердца, то ли желудка, все предательски сжалось. Эрик что есть мочи заорал, не надеясь, Впрочем, что его кто-то услышит:

— Там дредноут! Светоносные! — У Эрика перехватывало дыхание, но все-таки он продолжал кричать. — С ними светоносные! *Ljósberar!*

Очень хотелось заплакать и очень не хотелось умирать сегодня.

Уцелевшая авиация начала отступление, вспыхнул еще дирижабль, после чего незваные гости переключились на сухопутные войска. Пара выстрелов из пушек Грейса разворотили поле в нескольких шагах от окопа, где укрывались Эрик и остатки его взвода. Торстейн среагировал первым и приказал всем валить оттуда — следующий выстрел превратил бы их в обожженные тела посреди кратера, оставленного разогнанной до безумных скоростей болванкой. Бросились врассыпную, вылетели напрямик на отряд годебуржцев. Дредноут тем временем развернул в их сторону теперь уже пулеметы, которые равнодушно застрочили мгновения спустя, выкашивая всех без разбору. Беднягу Осмунда просто разорвало пополам, кому-то оторвало руку, замешкавшийся пухлый годебуржец получил порцию металла прямо промеж глаз, Торстейн получил пару вмятин на протезе, прежде чем залечь в малоприметное укрытие, а Эрик с Магнусом в последний момент успели укрыться за взорванным остовом «Курфюрста», по которому смертельным градом застучали пули.

Они надеялись перевести дух, но прямо перед ними вырос «длинный клык», уже оставшийся без своих когтей, но все еще голодный и злой. Эрик судорожно начал стрелять, пока Магнус кое-как заткнул ему винтовкой рот. Вмиг опустошив небольшой магазин, Эрик смог замедлить мара, после чего Магнус, изрыгая ругательства и проклятия, сбил его ногой и с упоением добил штык-ножом.

Впрочем, передышки им не светило — в Магнуса попал оказавшийся рядом годебуржец, и тот тяжело рухнул в грязь. Эрик понимал, что не успевает перезарядить винтовку, поэтому зарычал, придавая себе храбрости, и бросился в штыковую. И то ли противник оказался не готов к этому глупейшему поступку, то ли Эрику просто повезло, но его штык-нож вонзился на всю длину во вражескую грудь прежде, чем противник успел выстрелить еще раз. Рычащий Эрик попытался поднять противника на штыке, но годебуржец оказался слишком грузным, и Эрик завалился вместе с телом. Не без усилия выдернув штык, Эрик откатился от прочь от трупа, не обращая внимание на забившуюся в рот и нос холодную жидкую грязь, быстро поднялся, боковым зрением успел заметить еще одного бегущего к нему солдата и, вновь не имея возможности перезарядить оружие или хотя бы прицельно ударить штыком, просто с размаху огрел того стволом. Годебуржец, получив знатный удар в ухо, свалился. Эрик вернулся к Магнусу, тот был жив, но второе ранение его доконало. Достав из внутреннего кармана чистые бинты, Эрик кое-как постарался остановить кровь. Надо было вытаскивать Магнуса оттуда.

Дредноут вроде пока перестал интересоваться именно этим участком поля, поэтому Эрик пробежал немного по направлению к Торстейну, но вскоре растянулся на земле, над голо-

вами засвистели пули. Стараясь прятаться за лежащими тут и там телами, Густафссон наконец-то снова зарядил винтовку и принялся отстреливаться, не давая неприятелю сокращать дистанцию. Одна из пуль задела его в плечо, Эрик выругался, но импровизированную позицию не оставил, хотя надежда, что он выберется отсюда живым и снова увидит родной Эстресунд, таяла на глазах. Нет, Густафссон, лежать тебе в твой последний день в холодной грязи, вымазанным в ней, в чужой и в своей крови, никому не нужным и всеми забытым.

Но голенбуржцы почему-то перестали стрелять и принялись что-то кричать, показывая наверх. Эрик, шипя от боли в раненном плече, перевалился на спину и тоже посмотрел вверх.

Из серого неба показались два дредноута, шедших, видимо, в Завесе, чтобы их нельзя было засечь раньше времени. На темных металлических боках Эрик разглядел знакомые названия, освещаемые бортовой иллюминацией и светом двигателей: «Дыхание севера» и «Гнев принцессы Мод». Его захватило внезапное ощущение восхищения, эйфории и, наверное, той самой надежды. Это все Профессор, подумалось Густафссону, это все Ари, он все-таки вызвал подкрепление, все-таки все получилось. Тут Эрик все-таки заплакал от радости.

«Гнев», вынырнувший из темного покрова лишь для маневра, сразу же ушел вверх, в Эфир, а второй дредноут скользнул вдоль нижней кромки Завесы. Голенбуржцы тем временем побросали оружие и начали чересчур уж быстро отступать, не дожидаясь, пока новоприбывшие дредноуты откроют огонь по ним.

Вверху же начиналось действие. Достигнув нужной позиции, «Дыхание севера» взревел нижними маневровыми двигателями, ярко осветив клубящееся небо вокруг, и, продолжая расцвечивать Завесу, на полном ходу практически вертикально пошел вверх, одновременно заряжая все бортовые орудия.

Прошли несколько томительных минут неведения, лишь где-то отдавались громом выстрелы да светилось порой клубящееся небо. И тут оно разверзлось, исторгая из себя поврежденный дредноут. «Дыхание» и «Гнев» спустились следом, начиная зачистку.

Эрик заворуженно смотрел на эту картину, пугающе красивую и до красоты ужасную. В Эрике просыпалось странное, ни с чем не сравнимое чувство, которое невозможно было выразить одним или даже двумя словами, это было что-то совершенно новое, когда прямо ощущаешь, как холодный воздух дрожит, как пробирает ужас, когда ты видишь, что сквозь облака, пробивая их огромным корпусом, стремительно падает исполинский воздушный корабль, натужно гудя пылающими двигателями, пытаясь как-то уберечь себя от превращения в изувеченный металлолом, как зрочки людей на земле расширяются в ужасе, как падает символ превосходства, символ мощи, а вместе с тем — просто большая здоровая металлическая банка, которая готова рвануть от удара и разметать ошметками экипаж и тех, кому не посчастливилось оказаться на земле рядом, и в холодном воздухе стоит запах дизельного топлива, огнестрельного оружия, мертвецов, сырой холодной земли, близкой зимы, и слышно, как испуганно кричат птицы, убирающиеся подальше от низвергающегося титана, как гнутся и ломаются деревья, как хлупает в сапоге грязь из окопа, как сводит заковчневшие пальцы, сжимающие бесполезное уже ружье, а дредноут все падает и падает — обманчиво медленно, но неотвратимо.

Похоже, это был конец. «Контратака захлебнулась», скажут по радио скоро. Не скажут только, что захлебнулась она в крови Эрика и его товарищей, в этой грязной осени юга Свартриге, в упрямстве и безрассудстве всех этих людей вокруг. Эрик поднялся, опершись на винтовку. К нему медленно шли Магнус и Торстейн, который его поддерживал.

— Вот и пережили еще один день, — прохрипел Магнус.

— Глядишь, и завтрашний переживем, — ответил Эрик.

— А так и надо, жизнь-то она из дней и складывается, — подытожил Торстейн.

Эрик Густафссон был с этими словами полностью согласен.

Вечер у леди Скорбь

Дредноут медленно втягивал себя в узкое для машины таких размеров пространство причальной станции. Его броня, впитывающая длинные лучи закатного солнца, носила следы недавнего сражения, местами она была исцарапана, потрепана и измята, местами на ней чернели подпалины, в нескольких местах она даже была пробита и наскоро залатана металлическими пластинами. Шум воздухозаборников двигателей постепенно утихал, ослепительное сияние тускло, дредноут осторожно, будто на цыпочках, преодолевал последние метры. Со стороны станции вытянулись причальные захваты, надежно зафиксировавшие остановившееся воздушное судно, которое чуть-чуть качнуло вперед напоследок.

Стоявший на мостике Рейнир в очередной раз поправил серебристую цепочку на шее. Она то казалась ему слишком легкой, и он боялся ее потерять, то, напротив, давила и врезалась в воротник, и ее хотелось поскорее снять. Но дело было не в цепочке и даже не в висевшей на ней блестящей новизной инсигнии. Рейниру до сих пор казалось, что он какой-то самозванец, по ошибке стоящий сейчас здесь в своей темной форме.

— Никак не можешь привыкнуть к инсигнии? — к нему подошел Лиам. Бьющий сквозь бронированное стекло свет изрывал его немолодое лицо морщинистыми тенями. Солнечная корона в его глазах, впрочем, сияла не хуже. — Или кажется, что ты получил ее по ошибке? Это нормально, мы все через это проходили. А кто не проходил... В основном, заканчивали они плохо. В нашем деле важно никогда не забывать, что свет безопасен до тех пор, пока ты не приближаешься к нему слишком близко. Ты получил эту инсигнию по праву. Но забывать о том, кем ты был, тебе тоже не следует. Бери пальто, невежливо опаздывать на прием к одной из Старших Имен.

Лиам хлопнул Рейнира по плечу и удалился. Сам Рейнир еще постоял пару минут, собираясь с мыслями и ощущениями, и действительно направился в свою каюту за пальто. Время не ждало.

Потом у выхода его перехватил Лиам, а проводить их вышел бессменный командир дредноута — весьма молодой полковник Хеннингсен.

— Точно не желаете составить нам компанию, полковник? — спросил того Лиам. — Мы не ограничены в количестве спутников на сегодняшний вечер.

— Спасибо, координатор, но нет. «Дыхание» нуждается в отдыхе и основательном ремонте, а последний требует моего пристального внимания. Да и не люблю я все это притворство и интриги, если уж начистоту. Я лучше побуду со своим кораблем.

«Дыхание севера», дредноут, который Лиам и Рейнир использовали в качестве своей передвижной базы, был построен на производственных мощностях заводов Унии и посему был обязан оказывать ей военную поддержку в случае необходимости. Совсем недавно, когда координатор и его тогда еще ассистент были на очередном задании по просьбе Бюро, дредноут как раз принял участие в сражении где-то над ничейной землей на границе Свартриге и Годенбурга, где и получил нынешние повреждения. По итогам того задания Рейнир получил-таки полноценную инсигнию координатора, но все-таки был слегка раздосадован тем,

что побывать в настоящем воздушном сражении ему так и не довелось. Лиам, бывавший в них не раз, лишь только грустно усмехался на сетования бывшего ассистента.

Прощавшись с Хеннингсеном, координаторы спустились по трапу и, пройдя граничный контроль причальной станции, оказались наконец на свежем воздухе. Вокруг раскинулся вечный осенний пейзаж, играющий золотом и медью в лучах уходящего светила, в воздухе ощущалась легкая прохлада и запах отцветающих цветов, а с деревьев летели алые и желтые листья, укрывая дорогу шелестящим покровом. Впереди лежало обширное поместье, словно сотканное из ажурных переплетений, в которых пел свои песни ветер. Таков был Закатный край и его сердце — Шепчущий дом, где обитала хозяйка этих мест, леди Скорбь, одна из Старших Имен. Сегодня леди устраивала пышный званый вечер, и приглашения на такие события не принято было отвергать.

Лиам и Рейнир шли по широкой аллее вместе со многими другими гостями. Их окружали дамы в платьях, заказанных у лучших портных Эфира, статные господа в безупречных вычурных костюмах, и лишь Рейнир и Лиам были облачены во все черное с единственным серебром инсигний на груди. Координаторы обязаны были выделяться даже там, где выделялись все.

После вежливой, но совершенно лишенной эмоций встречи у ворот Шепчущего дома, Лиам и Рейнир прошли в центральный холл здания, который по случаю сегодняшнего торжества был восхитительно украшен — повсюду парили тончайшие лиловые сферы, издающие мелодичный перезвон при прикосновении и излучающие мягкий свет. Пока что зал был иллюминирован куда богаче, и сферы явно призваны были создавать атмосферу позже, когда окончательно догорит здешний необычайно долгий закат. В дальней части стояла большая сцена, вокруг которой расположились столики и кресла.

Рейнир, бывший на подобном мероприятии впервые, смотрел во все глаза. Его, родившегося в маленьком городке на Синдвари, здесь поражало многое, если не все. За то время, пока он был ассистентом Лиамы, он повидал кое-какие диковины Эфира, но светская сторона жизни светоносных была до поры вне его поля зрения. В конце концов, у него было достаточно работы, чтобы всяческие праздности его не касались. Правда, сюда его занесла опять-таки работа.

Лиам коротко приветствовал знакомых, иногда дергал за рукав Рейнира, и тогда он тоже вежливо склонял голову в ответ на очередное приветствие. Вечер только начинался, гости все прибывали и прибывали, и Рейнир начал чувствовать себя несколько потерянно. Смотря по сторонам, его взгляд выхватил среди прочих молодую девушку с темной умеренно короткой стрижкой, в ярко-алом платье, чуть-чуть надменной и ехидной полуулыбкой, ямочками на щеках и едва склоненной в мягкой уверенности голове. Девушка была умопомрачительно красива, от ее образа у Рейнира даже перехватило дыхание. На нее хотелось смотреть и смотреть. Рядом с девушкой стояла властная дама, явно старше нее, в чем-то они были похожи, но молодая затмевала своей красотой всех. Когда Лиам дернул Рейнира за рукав, тот даже не сразу отреагировал, но после второго раза все-таки отвел взгляд. Перед ним стояла сама леди Скорбь, в темном лиловом платье, с ее безразлично-хищными глазами цвета штормового неба, отраженного в беспокойном море.

— Леди, — сделал глубокий поклон Лиам, Рейнир последовал его примеру.

— Координаторы, — чуть-чуть кивнула им леди. — Вижу, Бюро приняло мое приглашение.

— Разумеется, леди.

— И, как я вижу, вы захватили ваши любимые украшения, — она указала украшенной кольцами рукой на рукояти, висевшие на поясах координаторов. — Готова поспорить, стоят они больше многих колец и коле дам вокруг.

Лиам поджал губы. Тон леди и тема разговора ему не нравились.

— Но ваше исключительное право носить их здесь точно не означает, что их *использование* будет приветствоваться, — продолжила Скорбь. — Вы меня поняли?

Лиам молча кивнул, снова Рейнир повторил его движение.

— Желаю вам приятного вечера, координаторы, — прошелестела леди и удалилась к другим гостям. Лиам мрачно потер рыжую с проседью бороду.

— Ну, все прошло не так уж плохо, — резюмировал он. — Но леди не вняла предостережениям Бюро, это немного осложняет нам задачу.

— Координатор, координатор, — подошедший камердинер поклонился сначала Лиаму, затем Рейниру. — Позвольте показать вам ваш столик.

Они, как оказалось, сидели недалеко от сцены, на достаточно почетном месте. Да и найти их столик было легко — он единственный был украшен черной скатертью с серебряной окантовкой. Лиам снова поджал губы. Леди явно приняла близко к сердцу последние рекомендации Бюро. Расположившись за столиком и взяв по предложенному бокалу вина, координаторы принялись наблюдать. Точнее, наблюдал Рейнир, а Лиам с высот своего опыта комментировал.

— Вот делегация геометров, все из себя аскетичные, — указывал он на одну группу светоносных. — Цапаются уже с натуралистами.

Натуралисты, напротив, были довольно ярки, но как-то беспорядочны. Неподалеку плели интриги различные ветви Ордена, похожие друг на друга и одеждой, и манерами, вызывая у Рейнира какую-то иррациональную неприязнь. В сторонке стояли Угасающие, одетые подчеркнуто невзрачно, но не сказать, что небогато.

— На таких вот приемах начинаются и заканчиваются войны, Рейнир, — негромко проговорил Лиам после того, как основных делегатов фракций они рассмотрели. — Не на полях сражений, не в кабинетах стратегов, не в покоях монархов, а так, проходя, между первым и вторым бокалом вина. Я не разделяю этого подхода, но мы не должны вмешиваться в политику сверх необходимого. Однако я считаю и буду продолжать считать это совершенно порочной практикой делать грязную работу чужими руками.

Рейнир кивал, нахмурившись. Он редко бывал внизу после того, как стал светоносным, но по-прежнему помнил о том, как многие его земляки уходили на войну к дальним рубежам

Унии, чтобы никогда больше не вернуться на родные берега Синдвари. Поэтому с теперь уже бывшим учителем он был согласен.

Внимание Рейнира вновь привлекла девушка в красном платье, и он спросил у Лиамы о ней. Тот пригладил волосы и, сощурившись, проговорил:

— Дана фон Химмельсберг. Годенбургская дворянка по происхождению. Ненулевая вероятность изречения Старшего Имени, аналитики склоняются к «Страсти». Приближенная герцогини Соммервальд. Скорее всего, ее любовница. Герцогиня вот, рядом.

Ей оказалась та самая женщина постарше. Рейнир многозначительно хмыкнул.

— А кто этот невзрачный мужчина, с которым герцогиня говорит?

С горделивой герцогиней действительно стоял невысокий мужчина в круглых очках, с зачесанными назад тонкими волосами, клочковатой щетиной, вздернутым носом, большими ушами. Одет он был во что-то серенькое.

— «Невзрачный», — передразнил Рейнира Лиам. — Это Максимилиан Форнхофт, самый искусный интриган и манипулятор по обе стороны Завесы. С ним либо стараются не иметь никаких отношений, либо пытаются поддерживать хорошие. Проблема в том, что хорошие ли это отношения, определяет сам Макс... Порой представления не сходятся. С плачевными результатами — не для Макса, разумеется. Если коротко, он руководствуется только своими интересами и готов пожертвовать кем и чем угодно ради них. Его иногда называют опаснейшим светоносным нашего времени, и я не спешил бы это опровергать.

Рейниру стало не по себе, он перевел взгляд снова на Дану — и, к своему испугу и удивлению, встретился с ней глазами. У нее они были точно такие же, «затменные», как говорили среди светоносных, очень темную радужку окружала очень яркая корона пылающего внутри логоса. Дана улыбнулась ему и пошла к их столику. Рейнир почему-то занервничал и, когда она подошла, немного неловко поднялся навстречу.

— Координатор, — улыбнулась Дана. Ее голос был чуть ниже, чем думалось Рейниру изначально, и приятно обволакивал собеседника.

— Леди, — поклонился Рейнир в ответ. — Чем имею честь вас лицезреть?

— Тем, что несколько мгновений назад вы уже меня лицезрели, и мне стало интересно, чем же я привлекла внимание координатора.

— Я, кхм, наблюдал, — не очень удачно постарался вывернуться Рейнир. Дана игриво улыбнулась вновь и поинтересовалась с толикой ехидства:

— И за многими дамами вы так *наблюдаете*, координатор?

Дана говорила, выразительно артикулируя, и Рейниру даже захотелось узнать, как это звучит в оригинале, на годенбургском, без чуть-чуть смазывающего оттенки перевода логоса внутри него.

— Только за теми, что представляют интерес, — попытался пойти в контратаку Рейнир. Дана парировала, качнув бедрами:

— И какой же интерес представляю я?

— Скажем, почему молодая красивая светоносная, не состоящая ни в одной из множества фракций, вдруг оказалась здесь, на вечере, политизированном от начала и до конца?

— У меня сегодня день рождения, — попытка укола разбилась об ослепительную, чарующую улыбку. — И я считаю это своим подарком.

— Неужели вам не подарили, скажем, замок?

— Увольте, координатор, зачем же мне еще один? — Дана любила, когда за ней оставалось последнее слово. — Как же ваше имя?

— Координатор Рейнир Ингварссон, к вашим услугам.

— Вы из Унии? Интересно! Дана фон Химмельсберг, к вашим услугам. Приятно было с вами познакомиться, *Рейнир*, желаю вам с пользой провести сегодняшний вечер.

— Желаю и вам того же, леди, — Рейнир предпочел пропустить фамильярность мимо ушей. Напоследок его одарили еще одной игриво-ехидной улыбкой и удалились, выразительно покачивая бедрами.

— Не отвлекайся, — прошипел вдруг Лиам, про которого Рейнир умудрился забыть. — И не стой уже идиотом. Говорю же тебе, очень высока вероятность, что перед тобой стояла будущая Страсть. Возвращайся давай к работе, мы сюда не ради вина и девушек пришли. Аналитики говорили о почти стопроцентной вероятности провокации сегодняшним вечером.

— Со стороны какой-то фракции?

— Это как раз-таки неизвестно. Может, кто-то из присутствующих. А может, Дикая Охота решит повеселиться, и пьяный Вуотайн будет горланить со сцены похабщину. В любом случае, будь начеку. Нам нужно, если что произойдет, минимизировать последствия как можно скорее.

Закатный край погрузился в темноту тихой осенней ночи. Одновременно начала гаснуть потолочная иллюминация, осталась лишь узкая дорожка у входа в зал. Ярче засияли лиловые шары.

— Начинается? — спросил Рейнир.

— Нет, ждем кого-то, похоже, — был ему ответ. На сцене тем временем установили микрофон, рояль и вынесли руннемарскую арфу.

Огромные часы, которые прежде били негромко, на этот раз оглушительно принялись бить полночь. Двери зала распахнулись, в них стояли две девушки, абсолютно похожие одна на другую, исключая цвет волос и платьев, но взгляд никак не мог поймать, где же стоит темноволосая в светлом платье, а где светловолосая в темном — или темноволосая в темном, а светловолосая в светлом? За ними стоял высокий и очень худой мужчина в длинном фраке с зачесанными назад очень темными волосами с одной пронзительной белой прядью.

— Вот кого мы ждали, — прошептал Лиам. — Старшие Имена! Да какие — леди Смерть, леди Жизнь и мастер Сон!

И действительно, стоило троице переступить порог, как весь свет окончательно погас, и зал погрузился в лиловый полумрак.

На сцене вспыхнули софиты. К арфе подошла синеволосяя женщина, за рояль сел мужчина с собранными в хвост волосами. Вышла огненно-рыжая скрипачка. Трио начало играть убавляющую, спокойную мелодию.

Следом на сцене появилась худенькая девушка с очень короткими светлыми волосами, в брюках и блузке. Она подошла к стоящему посреди сцены микрофону и бархатным голосом проговорила с придыханием:

— Здравствуйте. Меня зовут Дина, я из далекого дождливого Гардвельда. Я пишу стихи о своем нескончаемом наблюдении этой жизни. Некоторыми из них я хотела бы поделиться сегодня с вами.

Дина подняла с пола листы, вынесенные, видимо, вместе с инструментами, и начала мелодекламацию.

*Это я опадаю на землю, на душный вечер,
На былое, на плечи людей, каменистые берега
Балконов, на сердце бумаг, сушь искалеченную,
Где живая когда-то текла река.
Река эта сохраняла рыбацкие лица и поступь
Лодок, плотное покрывало зелени и песка,—
Потом всё исчезло, выветрилось за вёсны,
Так покидают комнату сбивчивость, жар, тоска.
Там, на моей высоте, шелестят как прежде,
Что со мной случилось—сверху не увидали,
Пусть; и не раз еще дерево будет в иной одежде,
И музыка птичья цвести продолжит, не увядая.
Эта чуждая ночь на небо взойдет сырою
И дождливым шипением тёмный покров застелет—
Будто бы это река ведёт диалог со мною,
А я её вижу прозрачное, тонкое тело.
И какой-то поздний прохожий, пропахший солнцем,
Вдруг замедлит шаги у негромкого серого дома,
Он заметит меня, до прохладной земли нагнётся
И еще долго будет держать в ладонях.*

Рейнир заворуженно слушал этот ни с чем не сравнимый голос. Он слышал о Дине до это-

го, но все как-то мельком, все как-то урывками, и никогда не доводилось ему послушать ее стихи, услышать ее. И это совершенно неожиданная для молодого координатора возможность отозвалась в нем полнейшим восхищением. Голос Дины был на сцене четвертым инструментом, завершая и облекая в подлинную форму сопровождавшие его звуки. Он словно бы ощущал в его переливах все безудержные токи Эфира, струящиеся денно и ночью, оббегающие и оберегающие мир. Если Эфиру понадобился бы когда-то голос, это определенно был бы голос Дины.

*Ведёшь меня, и дома громоздятся отдельной ротой,
Плещется свет в них и оживляет камень,
Сверкающий монолитом, застывшей своей породой,
Небо заполняется бумажными облаками;
Во следах твоих замирает земная мягкость,
Поздняя сырость с измятыми в ней цветами,
И музыка твоей поступи кажется густую мякоть
Истоптанного пространства, его чертежи и тайны.
Звучание это произрастает под шелест юбок,
Зовы дворян, беспорядочный южный говор,
Хмель телефонного смеха в квартире людной,
Где воздух парной укрывает тебя по горло.
Вдоволь пройдя вдоль ведомой воды нарядной,
Шаг умиряешь скорый перед дождем речистым —
Точно реки стекаются к влажной твоей парадной,
К сумеречным пролётам, волнообразным выступам.
Ты не ведаешь, музыка длится и вне холостых маршрутов;
Узнаваема в старых авто
и выжженных травах красных,
В тамбуре дымном, сердцевине словесной, крупной,
Слух облекает заученным ритмом, слепыми гласными.
Так на изнанку домов оседает свет,
долгожданный, смутный
И вопреки не гаснет.*

Последние строчки отозвались в Рейнуре — или же не имеющий голоса логос внутри вдруг толкнулся в груди, восприняв мысль, резонирующую с его призрачной и непознаваемой природой. Все они, светоносные, были всего лишь домами, на чьих изнанках осел истинный свет,

ждущий, когда же придет время, и он обретет положенное ему имя. И молодой координатор аплодировал, что было сил.

— Спасибо, спасибо, — поклонилась Дина, сходила за сцену за стаканом воды и продолжила, попросив музыкантов перейти к следующей мелодии.

Падал безмятежностью на колени

Бронзовый рваный лист,

Дети отцветшего поколения

Лежали в цветах земли.

Время настигло их в том режиме,

Когда они прятались от отцов

В травах. Стук умиряя в жилах,

Они кричали себе «бежим!» и

Дразнили стрелки—ну покажи мне

Своих ловцов.

Ночной и строгий небесный таймер

Всегда глушился под смех возни:

«Пожалуйста, только теперь не дай мне

Проснуться утром одним из них,

Скупым, не тверёзым, и, как стемнеет,

Черкающим цифры в календаре».

Никто, им казалось, не постареет

Средь тех, кто давно уже постарел;

Никто, им казалось, не тронет лето,

Стекавшее с белого мезонина,

И если однажды придут за кем-то—

То точно уж не за ними.

И если найдут, то в дурмане вин

Какой-нибудь бог вдруг одарит шансом

Закрыться руками и отдышаться,

И быть живым.

И плыть по волнам, захлебнувшись ветром,

Вернувшиеся выдумать корабли,

*И им казалось—час смерти светел,
Если он их не развединит.
Часы громыхали в колючих ветках,
Но время еще не зашло в зенит.
Они лежали в сырых соцветьях
И слушали шум земли.*

Лиам вздохнул и проговорил себе под нос:

— Все так, девочка, все правильно говоришь...

И Дина читала нараспев свои стихи, отзывающиеся во многих собравшихся здесь самозванных и самовольных властителях мира, рабах обстоятельств. И каждый думал о чем-то своем, и лиловый полумрак хранил таинство мысли. Рейнир перестал следить за временем, следить за тем, когда кончалось одно произведение и начиналось следующее, погруженный в эту всеобъемлющую атмосферу размышления. Перед началом очередного Рейнир решил посмотреть на Дану, и взгляды встретились снова. С ее лица исчезло ехидство, сменившись светлой печалью, сделав черты мягче и еще прекраснее.

*Я окликаю тебя, и зов
Гаснет, в ответ для него не создан
Звук, поворот головы и взор.
Лишь птицы щекочут воздух—
Так замирает клочок земли,
Стихает, изрытый узором лап;
И линий усталых сутулых лип
Не разглядеть из-за света ламп.
Смотришь в беззвездную сердцевину
Контур пространства стирает снег—
Тени домов на кровати спинке
Давят на плечи мне;
И когда с вершин опадём как листья
Наземь—вспомним, о чем роптали:
Вящего голоса не случится
В стенах этих, меж нашими ртами.
Так спи. И уличный шум течёт
В окна, медлителен и навязчив, —*

*Но шорох недолог и обречён;
Только ночь глядит за твоим плечом
И слушает нас, молчащих.*

Рейнир не отводил взгляд до самого конца — и Дана не отводила его тоже.

Дина поклонилась и объявила небольшой перерыв. Сцена на время опустела, в зале зашеле-стел шепот. Блаженный полусвет прервал звон стекла и крики. Судя по лиловым дрожащим теням в зал ворвались пятеро в блестящих масках. Пронзительно закричала какая-то дама. Для нападавших это стало словно бы сигналом, они начали быстро пробираться к центру зала, прыгая прямо по столам, разбивая тарелки, бокалы, разбрасывая еду и напитки. Лиам методично стал закатывать рукава, попутно сказав:

— Аналитики точны, как всегда. Запасные батареи не забыл?

Рейнир в ответ похлопал по висящим на поясе рядом с рукоятью нескольким цилиндрам с окошком посередине, внутри которых что-то ослепительно сияло. Лиам хрустнул пальцами и, сняв с пояса рукоять, повернул активационное кольцо, бросаясь навстречу напавшим. Рейнир мгновением позже последовал за ним, тоже переводя свой магнитный клинок в рабочий режим. Очень плотно размещенные в рукояти намагниченные частицы металла под воздействием еще более мощного электромагнитного поля, создаваемого батареями на истинном свете, за несколько секунд собрались в узкий клинок, удерживаемые все тем же полем.

Магнитные клинки были визитной карточкой Бюро, кроме координаторов, их мало кто мог позволить — да они и не были особо никому нужны. Стоили очень уж дорого, энергию батарей расходовали только так, из-за чего приходилось носить с собой запасные, а эффективность в бою, где применялось огнестрельное оружие, у них была очень и очень относительной. Но координаторы продолжали ими пользоваться — отчасти как еще один символ наряду с инсигнией, отчасти как демонстрация ресурсов Бюро, потому что вооружить такими штуками каждого координатора стоило очень больших денег. Рейниру, в детстве и юности тренировавшемуся на родине с холодным оружием, магнитные клинки нравились, они были легкими, очень острыми и совершенно необременительными большую часть времени, пребывая в виде увесистой, но вместе с тем и красивой рукояти. «Эlegantное оружие более цивилизованной эпохи», как, кажется, сказал про них кто-то. Правда, Рейниру никогда не было ясно, какая именно эпоха была более цивилизованной, поскольку делать магнитные клинки научились весьма недавно по историческим меркам.

Но вся эта лирика осталась лишь где-то в подсознании координатора, поскольку они уже схлестнулись с пятеркой загадочных людей в масках, вооруженных, как ни странно, такими же магнитными клинками. Рейнир вертелся ужом, отражая летевшие со всех сторон удары, у противников однозначно было поменьше опыта в обращении с оружием, поэтому подкованный в различных техниках боя, координатор неплохо справлялся с численным преимуществом напавших. Лиам вообще был мастером защитных техник, поэтому с легкостью парировал выпады.

Пнув одного ногой, Рейнир нанес ему точный колющий удар в область сердца. Лиам под-

нырнул под другого, разрубив его рукоять пополам, отчего последовала вспышка — взрыв батареи. Координатор опрокинул стол, не дав нанести удар в спину, и тут же отпарировал следующий.

Рейнир меж тем финтом подрезал сухожилие на ноге очередного человека в маске и, отпихнув его, ударил эфесом четвертого, который замахивался на Лиаму, после чего перерезал предыдущему горло. Четвертого тут же сразил Лиам. Последний, видя, что победа сегодня не за ним, резво побежал к разбитому окну, но на его пути выросла Дана, которую в ее алом платье ни с кем нельзя было спутать, вооруженная оторванной от стула ножкой, без колебаний огревшая его по голове.

Когда действие утихло, координаторы, убрав клинки, стащили нападавших в одно место и вызвали служащих с «Дыхания», чтоб помогли с телами. Лиам повертел в руках одну из масок и задумчиво произнес:

— Это не фракционные выкрутасы. У них не было цели вызвать скандал, рассорить кого-то, сорвать что-то, как обычно делают в таких случаях в гильде фракций. Тут что-то еще.

— Вы все прекрасно знаете, координатор, просто признаваться себе пока не хотите, — вмешался холодный тон Форнхофта, который незаметно оказался рядом. — Это дело рук Безымянных. Не удивлюсь, если весь ваш танец с саблями был всего лишь отвлекающим маневром.

— Намекаете, господин Форнхофт? — жестко поинтересовался в ответ Лиам. — Может, мне стоит проверить, откуда у вас такие сведения?

— Рекомендую, координатор. Рекомендую. Вместо моей скромной персоны — хотя, признаюсь, польщен — вам следует наконец-то обратить внимание на настоящую проблему раньше, чем это будет иметь последствия, куда более серьезные, нежели один сорванный званный вечер.

— При всем уважении, Бюро и без вас разберется, господин Форнхофт, — поставил точку в разговоре Лиам. Максимилиан пожал плечами и с тонкой улыбкой так же незаметно исчез в полумраке.

— Восхищен вашей храбростью, — говорил в это время Рейнир Дана. — Вы очень нам сегодня помогли.

— Я просто очень не люблю, когда мне портят день рождения, — кокетливо улыбнулась Дана. — Вы нас покидаете, координатор?

— Вынужден сказать, что да. Дела не ждут, нам следует как можно быстрее допросить выжившего. Да и леди Скорбь едва ли потерпит нас здесь сверх необходимого — мы организовали ей четыре свежих трупов.

— Тогда не премину с вами попрощаться, Рейнир, — на этот раз ему понравилось, что она назвала его по имени. — Если будете на Ундине, обязательно заглядывайте.

— Обязательно, Дана, — улыбнулся Рейнир в ответ.

По указанию хозяйки координаторы остались в одиночестве у разбитого окна и тел, а все

гости переместились в соседний зал. Там вечер, похоже, вскоре должен был продолжиться, ведь многие гости даже не поняли, что именно произошло — ну, потасовка между оскорбленными господами, ничего такого, два или более благородных господина всегда могут обменяться парой дружеских уколов чем-то острым. Рейнир усмехнулся собственным мыслям.

— Что, новое дело?

— Похоже на то. И раз уж ты об этом заговорил... Я хотел бы попросить тебя остаться на какое-то время вместе со мной на «Дыхании». Ты, конечно, сейчас полноправный координатор, и наши дороги могут и, наверное, должны разойтись, но я прошу тебя остаться хотя бы на это одно дело.

Рейнир в ответ лишь молча кивнул и задумчиво коснулся своей инсигнии. Их пути с Лиамом, может, и разойдутся — но точно не сейчас.

За окном о чем-то шепталась с эфирными токами ночь Закатного края. Два координатора сидели в темноте у разбитого окна в огромном пустом зале — и это был их вечер у леди Скорбь.

Во исполнение однажды данного обещания.

Диалоги: мастер и координаторы

Ночная прохлада переливалась по невесомым занавескам, в зале по-прежнему царили лиловые отсветы музыкальных сфер. Рейнир и Лиам ждали людей с «Дыхания» и приглядывали за выжившим нападавшим, который до сих пор не пришел в себя. Чуть подальше лежали тела тех, кому сегодня не повезло. Из соседнего зала доносились переливы арфы и женский голос, вечер Дины продолжался, только слов отсюда было не разобрать. Лиам вновь рассеянно осматривал безликие серебряные маски, в которых были напавшие. Маски не ассоциировались у него ни с одной из известных группировок среди светоносных, и координатор нехотя готов был признать гипотезу Форнхофта, что за сегодняшней провокацией стоит кто-то из Безымянных. Лиам попытался отвлечься от нехороших мыслей и спросил у Рейнира:

— Как тебе твой первый официальный прием?

— Ничего так, бодренько, — улыбнулся Рейнир. — Если все такие будут, то мне, возможно, даже начнет это нравиться. Особенно если не придется участвовать во всяких политических разборках. При всем при этом я порой с трудом могу понять, о чем так горячо спорят две отдельно взятые фракции, поскольку большой разницы в их взглядах и даже их действиях не вижу.

— Не стоит забывать: толкование природы Имен, логосов и истинного света любой фракции всегда остается лишь толкованием, и каждая фракция надеется, что однажды она сможет доказать истинность своих взглядов, но до той поры им остается лишь спорить. И споры эти не только и не столько политические, сколько философские. Политика здесь лишь инструмент.

Рейнир пожал плечами. Он вообще склонялся к тому, что в итоге все окажутся неправы. В этом плане позиция Вуотайна даже казалась в чем-то разумной. Лиам устало прикрыл глаза, а Рейнир поймал себя на том, что время начинало восприниматься как-то неправильно. Как будто во сне. А потом он понял, что ни прохладного ветра, ни лиловых отсветов вокруг не осталось. Была только темнота, в которой различимы оставались лишь серебряные маски и лицо Лиама.

— Координаторы, — из темноты проступил абрис худого бледного мужчины в длинном фраке, словно сотканном из темноты вокруг.

— Мастер Сон, — встал и поклонился Лиам, Рейнир поспешил проделать то же самое. — Мы приносим свои искренние извинения вам и...

— Увольте, координатор, — Сон разогнал темноту, на его выбеленный лик легли отзвуки цвета индиго. — Я позволил себе немного, мм, подкорректировать восприятие гостей дорогой Скорби. Они наслаждаются декадансом, и разум их словно бы ничего и не тревожило сегодня.

Контраст взгляда Сна качнулся в сторону Рейнира, тонкие губы чуть изогнулись, и он добавил:

— Не волнуйтесь, координатор, мое маленькое вмешательство никак не сказалось на ва-

шем знакомстве с леди фон Химмельсберг.

Рейнир смущенно кивнул, а Лиам спросил:

— Чем мы можем помочь вам, мастер?

— Чем мы можем помочь друг другу, я бы сказал, — Сон взял одну из масок. — Бюро предвидело эту провокацию, полагаю.

— Аналитики давали очень высокий процент. Только не было понятно, кто именно нападет. Возможно, за этим стоят Безымянные, но это не сильно упрощает нам поиск. Мы рассчитываем, что допрос выжившего прояснит ситуацию — в той или иной степени.

— Я бы так не надеялся, — покачал головой Сон, после чего коснулся рукой лежащего без сознания. — Его разум был стерт. Пустые ложные воспоминания, никакой пользы. Всего лишь инструмент.

— Безымянные? Но тогда совершенно неясна цель всего этого.

— Отвлечь всех нас, координаторы, от чего-то еще. Пусть Безымянные и падки на подобные дешевые драматичные выходки, это не повод не воспринимать их всерьез. Сегодня мы что-то упустили, координаторы, теперь вопрос лишь в последствиях.

— У вас есть какие-то версии, мастер?

Сон лишь развел руками:

— Версий много, ни одна не кажется достаточной. Они могут искать последнего Войну. Они могут пытаться сравнить фракции между собой. Они могут пытаться переманить кого-то из будущих Старших Имен. Или избавиться от старых. При всем при этом это может быть только дешевой драматической выходкой. Постарайтесь найти то, что пытались сегодня скрыть. И в наших интересах, если за этим действительно ничего не стоит.

— Спасибо, мастер.

Сон склонил голову и, задержав ненадолго свой жутковато-спокойный взгляд на Рейнире, исчез во тьме. На Рейнира навалилось странное ощущение, он не мог точно ответить себе, был ли этот разговор наяву, или же они с Лиамом попросту задремали. Лиам похлопал его немного по щекам, чтобы Рейнир окончательно пришел в себя.

— Мы сейчас и правда говорили со ним? — спросил он у бывшего наставника. — Почему он нам помог?

— Нынешний Сон до изречения был одним из нас, Рейнир. Считай это своего рода цеховой солидарностью. Жаль, что никаких зацепок получить не удастся. Для успокоения я все-таки допрошу этого, но нет причин не доверять Сну в этих вопросах. Остается лишь проверять, были ли в это же время какие-то странные происшествия. Если Безымянные действительно затеяли что-то по-настоящему масштабное... На фоне этого Большая игра покажется просто возней в песочнице.

Лиам шумно вздохнул. Рейнир ничего ему не ответил, только взял маску, в которой грубо отразилось его лицо. В глазах зазеркального Рейнира властвовала пустота.

Сестре

Здравствуй, дорогая моя сестра.

Да, я по-прежнему люблю называть тебя сестрой в своих разговорах и в своих размышлениях, и дело здесь отнюдь не в привычке. Дело в глубоком убеждении моем, что родство наше не начинается и не заканчивается родством по крови. Нет у меня другой сестры, и нет никого, кто мог бы быть мне лучшей сестрой, чем ты.

Я часто думаю, как ты живешь, и пусть у каждого из нас давно уже свой набор передраг, я все еще надеюсь, что ты тоже порой находишь мой образ в своих мыслях, как бывало прежде. Еще надеюсь я, что ты прочтешь это письмо в день своего рождения, ведь он несколько не утратил своего значения для меня, и разделяющие нас расстояния и события лишь преумножают его важность.

Мы живем порознь уже достаточно лет, чтобы называть домом совсем разные места, а вокруг нас в большинстве своем совсем другие люди, и именно в масштабе нашего с тобой персонального небольшого мира бег времени ощущается как никогда остро. Стоит мне задуматься, когда же наши пути пересекались в недавние моменты, и окажется, что такие, казалось бы, недавние моменты отделены даже не днями и неделями, но в месяцами и годами. Порой мне становится страшно от таких осознаний: вдруг река времен однажды унесет нас друг от друга раз и навсегда.

Но стоит нам встретиться вновь, переброситься парой слов, и все эти годы и расстояния исчезают. Мы всегда были вместе, даже если встречали рассвет в разных уголках света. Мы всегда были на одной стороне, и несмотря на всю безумную жизненную круговерть, что бы ни случилось, мы без всяких колебаний готовы вновь и вновь стать друг другу опорой. То, что нас объединяет, существует вне времени и вне пространства. И хоть оно субъективно по своей природе, мы с тобой, воплощая наше видение в мир, делаем его объективным. Вечным.

Впрочем, дело здесь вовсе не в умении сплести вереницы изящных слов. И не в трогательных признаниях, от избытка которых сводит зубы. Посему сейчас я просто скажу тебе, что я тебя люблю. И поздравлю с днем рождения, дорогая моя сестра.

Всегда твой,

Брат

Неотправленное письмо, найденное в пустом доме

Я должен был написать это гораздо, гораздо раньше, еще до всего этого. Не знаю, во что обойдется мне это бездумное промедление сейчас.

Похоже, время вот-вот придет. Я вижу странные, заплетающиеся и пугающие сны, в которых все вроде бы похоже на реальность, но вместе с тем каждый раз все новые и новые извращенные детали прорываются сквозь хрупкую ткань бессознательности. Знакомый дом обнаруживает в себе невозможные двери, ведущие в никуда, не выпускающие обратно. Знакомые лица кривятся в жутких гримасах. Прошлой ночью я видел лишь мертвецов, изъеденных гнилью, ждущих в сырых траншеях, сжимающих проржавевшие винтовки. Но самое страшное не это. В моих снах тело мое перестает быть моим, оно, вместе с тканью этого кошмара, претерпевает какие-то метаморфозы. Все чаще оно становится сплетением железа и механизмов, заклепок и сварных швов, с издевательски прикрученной к нему моей убогой живой головой, держащейся на болтах и на гайках. И вместо сердца горит истинным светом негасимый Логос. Верный знак, более очевидный сложно было бы придумать. Скоро имяизречение. По утрам, кажется, я даже могу заметить, как лучи света облегают мои руки.

Я пытался узнавать в Бюро, какие у них прогнозы на мой счет, но никакого внятного ответа я так и не добился. Темнят они что-то, и это только усугубляет мои тревожные мысли на этот счет. Боюсь, что Имя, уготованное мне на изречение, относится к той категории, о которой не слишком-то любят распространяться аналитики. Если бы я мог, я бы отказался. Но сил противиться Логосу у меня нет.

Я даже сейчас чувствую, как он раскаляется добела. Жжет меня изнутри. С детства нас учили, что к солнцу опасно приближаться. Что делать, если солнце зреет внутри? Скоро пламя спалит меня дотла. Но боюсь я не этого, боюсь я того, что останется после меня. Если самые страшные мои догадки подтвердятся... Я не хотел бы впускать в этот мир то, что сейчас рвется из моей груди. Я, признаться, подумывал даже о том, чтобы обратиться к Безымянным. Но сейчас уже слишком поздно.

У меня, правда, остается единственная надежда на то, что какая-то десятая, сотая доля прежнего меня остается в том, кто займет эту иссушенную оболочку, и он впитает мои чаяния и стремления. И тогда, надеюсь, хотя бы так я смогу уберечь мир от еще большего горя.

Прости меня — в последний раз.

Звери острова Скарагосс

Если вы возьмете карту известного мира, которые в изобилии печатает типография Королевского географического общества, что занимает старинный дом с башенками недалеко от главной площади Кёнингстеда, и из центра, где вальяжно расположились основные участники Большой игры, проследуете строго на северо-запад, оставляя позади сначала Годенбург, а затем и Альдмарк, напрямик в извечно холодные воды Стылого моря, попутно попрощавшись также с Меранией и Руннемарой, лежащими западнее, то достигнете небольшого острова Синдвари, согреваемого на далеком севере теплом раскаленных земных недр, чьи черные пески хранят память о неизменно древних временах. И, скажут многие, этого вполне достаточно для любого пытливого ума, что хотел бы познакомиться поближе с северными — даже по меркам альдов — уголками нашего мира. Но стоит покинуть Синдвари и проследовать еще немного севернее, и вы окажетесь на Седых островах — относительно небольшом вулканическом архипелаге, что является последней из обитаемых земель к западу от Эрты, известных нам, настоящим краем света, за которым лишь равнодушная гладь Льдистого океана и вздыбленные льды Бессолнечных земель (здесь стоит сделать справедливую ремарку, что есть еще архипелаг Суровые Объятия, лежащий много северней и Синдвари, и Седых островов, почти что у самой границы льдов, однако ни один из двух островов-половинок Объятий не считается по-настоящему обитаемым, хоть периодически там и задерживаются рыболовы и охотники). Самый крупный из Седых островов немногочисленные местные жители называют Скарагосс.

Единственным поселением на Скарагоссе является деревушка Лисий Нос, расположенная на одноименном мысе. Лисий Нос, как и многие отдаленные поселения в наш суматошный век, постепенно мельчает: старики умирают, а молодые все чаще предпочитают при первой же возможности уехать отсюда, хотя бы на Синдвари. Впрочем, окончательное исчезновение и забвение Лисьему Носу вряд ли грозит: последнее время здесь все больше биологов и натуралистов-любителей, с упоением изучающих местную флору и фауну.

Вместе с ними на Скарагосс поехали и журналисты, интересующиеся бытом Лисьего Носа, и многие местные с тех пор нередко пишут им письма на своем слегка чудном диалекте синдварского. Содержание любого из них легко себе представить: «Здравствуй, Хедвиг! Очень был рад твоему письму, рад, что не забываешь нас. Все передаем тебе большой привет. У нас здесь все хорошо, спокойно, все живы-здоровы, разве что старик Хаукон (не тот Хаукон, который Мохнобровый, а тот, который Кривозубый) поплыл рыбачить со своей собачонкой, которая все брехала почем зря, а тут и шторм налетел. Вот и сгинул Хаукон, похоже. Кое-кто говорит, что его вообще левиафаном раздавило, да я в такие байки не верю — левиафан-то сожрал бы скорее, чем просто так давить. Пишу вот теперь, как просила, о нашем житие-бытие в журнал твой». Поскольку событий на весь Лисий Нос немного, а писем его обитатели пишут порядочно, большим разнообразием они не отличаются.

Наибольший интерес для приезжих представляют, собственно, вышеупомянутые левиафаны. Говорят, раньше их можно было встретить повсеместно, но уже несколько поколений ни один левиафан не появлялся южнее Седых островов. Насколько можно судить, левиафаны пропали из более теплых вод как-то сразу и неожиданно, и загадка их переселения на край-

ний север до сих пор будоражит умы ученых во всем мире — и во многом этими изысканиями движет страх. Что могло вынудить покинуть привычные места обитания этих огромных, опасных и почти неуязвимых зверей? Ученые мужи раз за разом чесали лысые головы и не находили ответа.

Впрочем, здесь, в окружающих Скарагосс водах, левиафаны чувствуют себя более чем привольно. Их металлически-синие бока горными цепями регулярно восстают из воды, а уж когда левиафан накопит достаточно газов в своих внутренних мешках и полостях и воспарит, то многие теряют дар речи — летающая гора размером с эфирный дредноут величаво парит над морозными водами, неторопливо шевеля многочисленными щупальцами и плавниками, развернув во всей красе спинные пластины, улавливающие те мельчайшие частицы Эфира, что текут сквозь Завесу вниз. Россыпь ярко-оранжевых глаз тем временем зорко следит за всеми направлениями, и незамеченным к левиафану подобраться практически невозможно — а тех, кого левиафан замечает, он обычно столь же неторопливо съедает, предварительно обхватив передними щупальцами. Левиафаны несомненно являются реликтовыми существами, поскольку ни один современный вид не умеет извлекать энергию из Эфира. Видные исследователи заявляют, что нынешние гиганты — всего лишь сильно измельчавшие потомки левиафанов прошлого, когда Завеса еще не скрывала большую часть эфирных токов и истинный свет. В подтверждение этих слов не раз находили их черепа — в них вполне можно было бы уместить домик-другой. И даже беглого взгляда на нынешних левиафанов достаточно, чтобы потерять дар речи от трепета в попытке представить их еще более величественных предков.

Кое-где утверждается, что левиафаны обладают интеллектом, равным или даже превосходящим человеческий, и, умей они изъясняться на одном из наших языков, легко бы заткнули за пояс всех видных философов и гениев эпохи. В иных источниках разумность левиафанов не оспаривается, но ставится под сомнение их понимание нашей культуры: образ мыслей гиганта настолько чужд человеку, что даже сколь-нибудь приблизительное его понимание совершеннейшим образом исключается. Третьи же изыскатели вставляют свои пять эре касательно морально-этической стороны вопроса, утверждая, что большинство, если не все, поступки левиафана будут расценены нами как порочные и аморальные в силу принципиально разного понимания моральных норм и принципов этики.

Впрочем, подавляющее большинство ученых все же предпочитают обходить проблематику разумности левиафанов стороной ввиду категорической невозможности хоть в какой-либо мере обстоятельной проверки любой из множества предложенных гипотез и предпочитают изучать их многочисленные останки, занимающие значительную часть побережья Скарагосса.

Расположенное неподалеку от мыса и потому наиболее популярное у исследователей кладбище левиафанов пользуется у жителей Лисьего Носа типичной для такого места дурной славой, и поблизости от него нельзя найти жилых построек, за исключением одного старого дернового дома, где живет заклинатель левиафанов. Словоохотливые старики говорят, что он обитает здесь уже лет семьдесят, и за это время на его лице не прибавилось ни морщинки. Те, кому они это рассказывают, списывают все на слабую старческую память, но на всякий случай отшельнику не докучают. Его редко можно увидеть на берегу, но терпеливый наблю-

датель на всю жизнь запомнит общение отшельника с зависшим у самого берега гигантским левиафаном. Что у этих двоих общего — загадка посложнее исчезновения этих чудовищ из южных вод, и вряд ли она когда-либо будет разгадана.

***

В ночь, когда на материке должны были прийти первые заморозки, на Седых островах бушевал шторм. Огромные волны захлестывали черные берега Скарагосса, и даже левиафаны держались у побережья, застилая горизонт своими темными телами. Лисий Нос словно бы окончательно вымер, немногочисленные жители его скрылись в своих домах, с крыш которых ветер рвал дерн. Никто не горел желанием высовывать нос наружу, и потому отшельник с кладбища левиафанов, вооружившись старым фонарем и укрывшись прорезиненным плащом, спокойно занимался своей привычной работой, читая выжженные истинным светом знаки на костях мертвых гигантов. За своим занятием он едва заметил, как небо прорезал тонкий луч света, а затем что-то огненной кометой устремилось вниз.

Присмотревшись, отшельник смог определить, что падал человек. Падал с невообразимой высоты, почти наверняка из самого Эфира, объятый светом и пламенем. Падал слишком быстро, чтобы что-либо в эту штормовую ночь могло замедлить его падение, и всего пару мгновений спустя он рухнул в жадные воды недалеко от берега. Отшельник, проследив за низвержением и справедливо решив, что после такого никто выжить не способен, вернулся к изучению начертаний на костях, однако вскоре его вновь отвлек сдавленный крик на мелководье. Крик повторился, срываясь на хрип, в буквально смысле захлебываясь в бушующем холодном океане. Отшельник что-то пробормотал себе под нос, но вновь оторвался от своего занятия и решил окончательно выяснить судьбу упавшего. Происшествие даже разожгло в нем некоторую искру любопытства, хотя он давно уже не интересовался большим миром, редко выбираясь даже в Лисий Нос.

Заприметить находку оказалось несложно. Недалеко от одного из наполовину ушедших в землю скелетов у самого берега барахтался изувеченный и обожженный человек, временами хрипло пытающийся звать на помощь. Впрочем, раны на нем заживали прямо на глазах, и к тому моменту, когда отшельник дошел до него, большая часть из них успела затянуться, оставляя лишь багровые шрамы. Светоносный, сомнений в том не было, но даже светоносные не умели настолько быстро оправляться после подобных повреждений. Любопытства стало чуть больше.

Вытащив его на берег, отшельник подхватил оставленный на черном песке фонарь и осветил падшему прямо в лицо. Тот поднял на него сияющие глаза и медленно произнес на чистом синдварском:

— Кто ты?

— Никто, — ответил отшельник, продолжая внимательно разглядывать выжившего.

— Ну, никто так никто, — не стал возражать спасенный. — Каждый в праве именоваться так, как он хочет.

Любопытство отшельника окончательно сходило на нет: он наконец понял, что не так было

с глазами этого светоносного, после чего многозначительно заметил:

— К тому же, не я один здесь предпочитаю быть безымянным, не так ли?

Выживший сощурил свои слишком яркие для светоносного глаза и аккуратно поинтересовался:

— Не слишком ли ты сведущ для простого отшельника, живущего на краю цивилизации?

— Как ты легко можешь догадаться, я не всегда был простым отшельником. Теперь же, когда мы прояснили ситуацию, я предпочел бы, чтобы ты убрался со Скарагосса как можно быстрее. Меня больше не касаются дела ни Безымянных, ни Бюро, ни Имен, ни кого бы то ни было еще. Я сам по себе. Ты сам по себе.

— Мне некуда идти, Никто, — падший с некоторым трудом поднялся, едва не поскользнувшись на мокром песке. От него шел пар: ледяной дождь и брызги океана испарялись, стоило им только коснуться его кожи.

— Меня это не сильно заботит. Найми с утра лодку, плыви на Синдвари. Они все равно не отличат тебя от простого светоносного. Беги на восток. На юг. Мир достаточно большой, чтобы в нем можно было затеряться. Даже тебе.

— И тебе.

Отшельник ничего не ответил, лишь поправил капюшон и направился обратно, к оставленным знакам. Безымянный, чьи раны практически затянулись без следа, продолжал стоять под ударами непогоды.

— Эй, Никто! — крикнул он отчаянно, насилиу перекрикивая шум шторма, когда отшельник почти скрылся из виду в водяной дымке ночи. — Разве тебе не любопытно узнать, кто сбросил меня из Эфира?

— Нет! — донесся резкий и короткий ответ.

— Судии! Это были Судии! — воспользовался своим последним козырем падший, и шторм словно бы замер. Левиафаны у берега зашевелились беспокойными хребтами, по их темным бокам пробежали яркие полосы света. Отшельник остановился. Безымянный довольно оскалится:

— Что, я все-таки заинтересовал тебя?

— У тебя появился шанс рассказать, как ты за несколько минут разрушил мою жизнь здесь.

— Приглашение принято, — кивнул падший.

В доме отшельника шторм почти не ощущался, хотя свойственная для всех подобных построек вечная сырость в темных углах все равно не давала уюту поселиться здесь надолго. Повесив сырой плащ у очага, отшельник молча указал на одну из скамей у щербатого стола. Безымянный покорно сел. Хозяин дома расположился напротив и мрачно спросил:

— Как Безымянные стали настолько наглыми, что перестали бояться переходить дорогу Судиям?

— Не все Безымянные. Не всем Судиям. Давай начнем с этого. Это было только мое дело и дело нескольких Судий.

— И что же ты сделал такого, что эти несколько Судий сбросили тебя из Эфира?

— Украл у них кое-что. Кое-что очень интересное для всех, кто хоть раз видел истинный свет. Я же все-таки Поднимающий Бурю. Оправдываю свое прозвище.

— Ну так и неси это кое-что своим подельникам.

— Когда я говорил тебе, Никто, что мне некуда идти, я не преувеличивал. У этих Судий есть определенные связи и договоренности со многими влиятельными светоносными. Как теми, что прогнулись под логос, так и нами, в частности, Король в желтом наверняка уже пообещал меня уничтожить.

— А когда я говорил тебе, Поднимающий Бурю, что мир большой, я тоже не преувеличивал. В нем можно скрыться от излишнего внимания. Даже у меня получилось, — последнюю фразу отшельник явно сказал случайно, забыв, что у него впервые за долгое время появился собеседник, отчего лицо его выразило еще большее неудовольствие.

— Я бы и рад затеряться где-нибудь на краю света, подобно тебе, но то, что я украл, требует прямо противоположного. Мне нужно оставаться в самой гуще событий, чтобы не упустить правильный момент. Схватить его прямо за хвост.

— Если продолжишь говорить загадками, я скормлю тебя левиафану.

— Никаких загадок: Судии всерьез считают, что родился новый пророк, а ты, если я правильно понимаю, кем ты являешься, знаешь, предвестием чего это является.

— Они испугались?

— Разумеется. Смена поколений происходила уже очень давно, и нынешние Судии начали считать, что их поколение вполне заслуживает того, чтобы быть последним. И сейчас они совершенно закономерно испугались и задействовали все возможные ресурсы, чтобы скрыть появление нового пророка. Только вот пророку все равно, знает ли о нем кто-либо.

— И он уже написал свой текст?

— Она. Молодая поэтесса. Ее текст — ее будущий сборник стихов, «Январские ивы». Осталось лишь дожидаться, когда он будет опубликован. Скрытые механизмы Эфира уже пришли в движение. Нужные Имена, изреченные и нет, уже начали занимать свои места в этом грандиозном представлении. Но Судии могут попытаться этот механизм затормозить, а то и вовсе сломать, пользуясь тем, что о новом пророке пока никто не знает. Я же возлагаю на смену поколения очень, очень большие надежды. В моих интересах ей поспособствовать.

— Откуда узнал о пророке?

— Не знал. Считал. Рискнул. Угадал. Все просто.

— И что, у Судий так просто украсть подобную информацию?

— Отнюдь. Я полгода втирался к ним в доверие. То еще удовольствие, поверь мне, хотя вынужденное братание со всякими менее приятными Безымянными меня раздражало гораздо

больше. В любом случае, результат я получил: знаю имя, знаю, что за текст, даже примерно знаю, где и когда он должен быть опубликован.

— А если пророк ненастоящий? Если тебя обманули? Если они сами ошиблись? Не думаешь ли ты, Поднимающий Бурю, что в этом вопросе слишком много «если», чтобы ссориться с Судиями, пусть и не всеми.

— Я уже поспорил, так что рассуждать об этом немного поздно, не находишь? И у меня все равно выбор был небольшой.

— Логос?

— Логос. Помочь мне может только смена поколений.

— Что ты хочешь от меня?

— Я не верю, что наша встреча оказалась простой случайностью. Небесная механика случайностей не знает. Твое уединение здесь рано или поздно должно было закончиться. От Судий не скрыться — ни мне, ни тебе.

— Семь десятков лет Скарагосс был моим домом. Ты перечеркнул это за считанные часы. Какими бы ни были законы Эфира, я не собираюсь тебе помогать. Уж лучше я выступлю один против Судий, Безымянных и кого там еще принесет.

— Не этого ли ждут те, кто семь десятков лет впустую произносит твое Имя? — сощурился Поднимающий Бурю. — Что будет, когда кто-то изречет его вместо тебя? Не ради ли этого ты и ушел в изгнание?

Глаза отшельника на секунду стали цвета расплавленной стали. Он мотнул головой, после чего встал и направился к выходу, бросив вслед:

— Мне нужно поговорить с кое-кем еще. Если я не найду тебя здесь, когда вернусь, не обижусь.

Безымянный лишь пожал плечами, глядя в спину отшельнику.

За время их неторопливого разговора шторм успел уйти прочь от Скарагосса и грохотал где-то в стороне. Поднимался ниобиевый рассвет, едва заметный полукруг солнца в вечном холоде Завесы чуть светлил горизонт. Большинство левиафанов погрузились в океан, темными островами покачиваясь на волнах, лишь некоторые беззвучно парили над водной гладью. Один из них, увидев приближающегося к накатывающим на берег волнам отшельника, тоже приблизился к берегу, застилая собой небо.

Гроздь оранжевых глаз левиафана встретила с раскаленными глазами отшельника.

«Кто упал с неба?»

«Светоносный, из безымянных. Назойлив».

«Опасен?»

«Не сам. Но притащил гнев Судий на своем лживом языке».

«Чем один светоносный мог прогневить Судий?»

«Узнал то, что они так долго скрывали. Вы что-либо знали о новом пророке?»

«Токи изменились, это правда. Но нет уверенности в том, что это пророк. Давно не было. Даже мы не помним».

«Нынешние Судии могут препятствовать смене поколений? Ни одно мое воплощение с таким не сталкивалось».

«Сложно сказать. На нашей памяти не было случаев, чтобы Судии противились смене поколений. С одной стороны, могущество Судий растет от поколения к поколению, как и их гордыня. С другой, Эфир пришел в движение, он меняется столь быстро, что изменения эти становятся заметны даже в течение короткой человеческой жизни. Вместе с тем, едва ли кому дано предугадать, выйдет ли победителем из этого противостояния алчность разума или же бесстрастная механика небесного свода. Мы лишь чувствуем, как меняются токи. Случайности перестают быть случайными».

«Моя встреча с этим безымянным — часть этого движения?»

«Мы говорили тебе, когда ты только появился здесь, что нельзя скрыться от мира навсегда. Мир не даст Имени просто так пропасть на дальних рубежах. Ты прожил здесь целую человеческую жизнь. Возможно, отшельнику с кладбища левиафанов пришло время умирать. Возможно, зверям острова Скарагосс пришло время исчезнуть. Возможно, однажды мы снова поговорим на этом берегу. Возможно, наши пути не пересекутся более никогда. Мир движется. И он не будет никого ждать. Ни нас, ни тебя».

«Все исчезнет».

«Все уже исчезает».

«Прощайте».

«Прощай».

Левиафан медленно стал удаляться от берега, а отшельник зашагал обратно к своему дому. Безымянный по-прежнему сидел у постепенно затухающего очага.

— Еще здесь, — бросил ему отшельник.

— Еще здесь. Как разговор?

— Состоялся.

— Что ты решил?

— Время умирать.

Безымянный ничего не ответил отшельнику. Снаружи поднялся оглушающий ветер, обычный для северных островов. Дом отозвался глухим ворчанием. Очаг потух окончательно.

***

Какое-то время спустя, когда дни и недели тянулись к зиме, жители и гости Лисьего Носа обнаружили, что заклинатель левиафанов больше не появляется среди древних костей мертвых гигантов. Его дом был заперт и безжизненен, словно в нем никто и не жил. Ни следа не

осталось от отшельника с кладбища левиафанов.

Станным образом это совпало с тем, что и сами левиафаны все реже и реже появлялись у берегов острова, держась с каждым днем все дальше в океане. Это известие всколыхнуло научное общество, ежечасно рождавшее новые гипотезы о причинах этих изменений. Вопросы прибавлялось и прибавлялось, а молчаливые гиганты морей не спешили давать на них ответы.

В один из рассветов накануне зимы левиафаны исчезли. Но звери острова Скарагосс остались — исчезнувшие, потерянные, загадочные, легендарные.

Мир не остановил своего движения. Он не привык ждать.

Диалоги: два короля

Недалеко от невидимой границы, отделяющей Дальний Эфир от прочего Эфира, находится очень даже видимая Кетамадская снеговая линия, множество оледенелых каменных глыб и острых обломков льда, кружащихся в каком-то сюрреалистичном танце из-за причуд здешних эфирных токов. Кетамад тянется на многие мили, и сюда редко кто заглядывает по своей воле — слишком уж опасен и непредсказуем здесь Эфир, слишком много обломков эфирных судов присоединилось к ледяному танцу.

Из фракций здесь регулярно появлялись лишь Угасающие, построившие на одном из камней покрупнее свою Блеклую цитадель, да можно было периодически видеть «Изящество смерти», когда Вуотайн опять искал что-то среди старых остовов. Даже координаторы старались без крайней необходимости здесь не показываться. Все это в совокупности делало Кетамадскую линию идеальным местом для Безымянных. Здешние льды искрились яркими цветами, освещаемые мощными прожекторами их дредноутов.

«Королевство слез», элегантный антрацитовый корабль, мало чем напоминавший другие дредноуты, привычно тяжелые и шумные, неторопливо парил вдоль Кетамада. На смотровой палубе за лиловыми и синими токами во тьме Дальнего Эфира наблюдали двое — высокий бледный юноша вне возраста с заостренными чертами лица, чьи глаза излучали болезненно-яркое бирюзовое сияние, кольцами света мерцая в полумраке, и чуть менее высокий, но без всякого сомнения более надменный мужчина с татуировками на лице, узоры которых, стоило упасть на них новому блику Эфира, складывались в запутанные пророчества на полузабытых языках.

— Давно ты не появлялся, — прервал молчание обладатель бирюзовых глаз. — Настолько давно, что слухи о гибели Короля в желтом стали доходить до меня быстрее их опровержений. И все же вот ты здесь.

— Ты как будто бы расстроен, — ответил Король в желтом, хотя ничего желтого он никогда не носил. — Я лишил тебя сюжета для твоей очередной баллады?

— Отнюдь, твое появление почти наверняка значит, что сюжетов у меня только прибавится. По пути сюда ты поди уже успел развязать пару-тройку локальных конфликтов, нарушить десяток-другой дипломатических договоренностей и не заплатить в самом дорогом ресторане по обе стороны Завесы?

— Иной раз я совершенно не понимаю, с какой стати ты Король былого и грядущего, когда ты большую часть времени Король несмешных шуток. Я к тебе по вполне конкретному делу. Ты что-либо слышал в последнее время о Поднимающем Бурю?

— Ну, скажем так, ходят слухи, что он в очередной раз перешел дорогу кое-кому. Неужели этим кое-кем был ты, друг мой?

— Как ни странно, нет, но я получил от одних очень влиятельных господ очень заманчивое предложение, суть которого сводится к тому, чтобы я уничтожил Поднимающего Бурю раз и навсегда.

— Эти *те самые* влиятельные господа? — уточнил Король былого и грядущего.

— *Возможно*, — уклончиво протянул Король в желтом. — Но что-то в их предложении меня все-таки смутило.

— Слишком мало? Слишком много?

— Слишком бессмысленно?.. Поднимающий Бурю не стоит такого внимания, он всегда был смутьяном, шутом и нахалом, но не более того. Всерьез охотиться за ним? Да я первый рассмеялся бы в лицо тому, кто это предложит. И вот мне это предложили, и с таким видом, что даже как-то улыбаться не потянуло. Но смысла я в этом по-прежнему не вижу никакого. А кто из всех Безымянных больше всего поднаторел в поиске смысла там, где его нет? Разумеется, ты, друг мой.

— Хочешь, чтобы я нашел в этом смысл? Изволь, ничего нет проще: господа просто хотят, чтобы ты сделал всю грязную работу, как это обычно бывает, а причина их неподдельного интереса к Поднимающему Бурю тебя не касается. Не знаю, как уж он умудрился заставить их волноваться, но если уж смог, то я должен поаплодировать его способностям. Вот и весь смысл.

— А если серьезно?

— А если серьезно, — Король былого и грядущего закрыл глаза, но бирюза пробивалась даже сквозь сомкнутые веки. — Если серьезно, то что-то начало меняться в Эфире. Ты это чувствуешь, я это чувствую. Скоро почувствуют Бюро и фракции. У меня есть мысли на этот счет, но пока я хотел бы оставить их при себе. Принять это предложение — поставить себя под удар молота этих изменений.

— Мы можем их остановить?

— Нет, как бы ни старались, механизм просто перемелет нас. Сложно спорить с космосом, сложно спорить вот с этим, — Король былого и грядущего показал рукой на цветное буйство эфирных токов за льдами Кетамада. — Но механизм на то и механизм, что в нем действуют определенные правила. Мы же с тобой на то и Безымянные, чтобы правила нарушать. Просто нужно мыслить немного нестандартно.

— И что ты измыслил?

— Задумывался ли ты когда-либо, друг мой, о том, что «имя» — это тоже Имя?..

Король в желтом удивленно посмотрел на своего собеседника. Мгновение спустя на его лице появилась улыбка осознания. Король былого и грядущего, довольный собой, мечтательно закрыл глаза. И только Дальний Эфир ворчливо ворочал ледяными глыбами Кетамадской линии, предпочитая сохранить свои мысли на этот счет при себе.

Адам

В Людлине было далеко за полночь, и бесконечные коридоры Института давно обезлюдели, стерильная тишина их переплетений нарушалась лишь слабым гудением ламп ложного света да скрипом старых оконных рам, поддающихся лютующему снаружи ветру.

Ольшанский был одним из немногих неспящих в этот глухой час. У них с Яной в последнее время было много работы, новые данные, которые предоставили им военные, с трудом укладывались в прошлые вычисления. Ольшанский уже догадывался, что это так или иначе было связано со светоносными, и предложенные ему на анализ образцы явно отличались от человеческих. Всем и каждому было очевидно, что истинный свет каким-то образом изменял человеческий организм, но только сейчас Ольшанский постепенно осознал, насколько масштабны эти изменения. Вопрос о том, остаются ли светоносные людьми, когда-то замятый властями и самими светоносными, вновь стоило бы задать.

Дописав очередной вариант новой формулы, Ольшанский решил немного пройтись. С одной стороны, стоило бы уже размять ноги, с другой же он хотел немного поразмыслить, что в конечном итоге затевают военные. Информации было до обидного немного, но присущее марам внимание к деталям помогало сложить разрозненные кусочки в пусть неполную, но зримую картину. Гулко шагая по пустым коридорам, Ольшанский скрупулезно собирал разбитый витраж своих мыслей.

Полковник Тополевский словно бы вел какую-то свою игру, в обход светоносных советников императора, и Ольшанскому очень не хотелось оказаться в этой игре пешкой, которой жертвуют, едва ход игры пойдет не по плану. Еще меньше ему хотелось, чтобы такой пешкой оказалась вдруг Яна. И хоть к светоносным Ольшанский не питал ни малейшей симпатии, его упрямый рационализм настойчиво шептал, что против них нельзя выступать в открытую, нельзя просто так взять и начать убивать, пусть даже и маскируя это под какую-нибудь смертельную болезнь. Гнев оставшихся все равно не оставит и следа от того, кого они назначат виновным, и Яна, увы, оказывалась очень уж удобной кандидатурой на эту роль. Ольшанский вытянул тонкие губы в бескровную нить. Нужно внимательнее следить за ними. За каждым их шагом. Каждым действием. Военным веры нет, как веры нет и светоносным.

Сделав очередной поворот, Ольшанский на секунду отвлекся: впереди, почти до самого конца коридора, почему-то не горели лампы. Институт, напоминающий не то отлаженную машину, не то живой организм, редко давал сбои, и отсутствие освещения сразу зацепило внимание мара. Ольшанский предсказуемо нахмурился и на всякий случай нащупал в кармане остро отточенный карандаш. Затем сделал первый шаг в темноту.

— Я вижу, ты не потерял хватку, брат, — мягкий баритон проскользнул под самым потолком и распался на мириады отзвуков. Ольшанский моментально схватил карандаш и точным движением ударил в источник звука, но его рука оказалась легко перехвачена обладателем баритона. Карандаш оказался в руке визитера. — Пойдем на свет?

Дойдя до освещенной части коридора, Ольшанский и ночной гость расположились у одного из окон. Забрав у него карандаш, Ольшанский все-таки недовольно заметил:

— Мы не братья, Адам.

Адам лишь улыбнулся. Его сероватая кожа, оттеняемая густой темной бородой с модным клинышком, казалась под лампами почти белой. Ольшанский машинально пригладил свои отливающие серебром бакенбарды.

— Конечно, конечно, мы всего лишь *z jednego wiersza*. Я не хотел тебя обидеть.

— Я думал, ты не покидаешь Влахынь, Адам. Что ты делаешь здесь?

— Я здесь из-за Полыни. Она сбежала.

На обычно бесстрастном лице Ольшанского отобразилась редкая для него гамма эмоций, основными из которых были удивление и страх. Совладав с собой, он медленно произнес:

— Как это произошло?

— Недели две назад у нее случился очередной припадок, гораздо более сильный, чем все, что были раньше. Она раскидала зрителей без какого-либо труда. И сбежала. Снова кричала что-то о бесконечных звездах.

— А рисунки? Рисунки изменились?

— Лишь отчасти. В основном те же темные фигуры. Но когда ты ее навещал, она рисовала их хаотично, теперь же они всегда выстроены в линию. И их всегда шесть.

— Но почему ты пришел ко мне?

— Те, кто помогал мне с Полынью, указали, что она, скорее всего, сбежала в Гардвельд. Я сразу подумал о тебе.

— Ты думаешь, она смогла бы за такой короткий срок добраться до Гардвельда?

— Я привык доверять их информации. Кроме того, по пути сюда я встречался с представителем одной из линий Эркеди. Они засекали на своих границах кого-то похожего на нее.

— Она?..

В ответ на немой вопрос Ольшанского Адам отрицательно покачал головой:

— Вроде как нет. Пока нет. Но надо действовать быстро. Я за этим к тебе и пришел. У меня есть достаточно сведений, куда она могла бы пойти, если не пошла сразу к тебе. Но я не знаю Гардвельда. Не знаю ни здешней земли, ни здешних порядков. Мне нужна твоя помощь. *Ей* нужна твоя помощь.

— Я не могу просто так взять и все бросить. Подожди несколько дней — до праздников. Я найду тебя, и мы тщательно все проверим. Мы найдем ее.

Адам кивнул и добавил, прежде чем раствориться в темноте:

— Я сам тебя найду.

Несколько минут спустя в коридоре снова загорелся свет. Оставшийся в одиночестве Ольшанский лишь устало потер лоб и направился обратно в кабинет, мельком взглянув в окно. Если и были где-то бесконечные звезды, то явно не здесь.

Цвета тишины

Над островом Морион, известным своими потрясающими воображение залами, вырубленными в массиве черного хрусталя, поднималось позднее осеннее солнце, холодными лучами заставляя кристаллы слегка искриться на срезах. На горизонте лениво собирались снеговые облака. Даже в Эфире неспешная близость зимы с каждым днем ощущалась все сильнее.

Рейнир изнывал от безделья. После того злополучного вечера у Скорби прошел не один день, а новых сведений так и не прибавилось. «Дыхание севера», едва закончился его ремонт, почти безостановочно совершал вояжи в различные эфирные планы, но все оказывалось впустую. Последняя их ниточка вновь оборвалась — на этот раз здесь, на Морионе, где обессиленные координаторы решили на какое-то время задержаться.

Полковник Хеннингсен увел дреднот обратно на поля сражений, оставив им на крайний случай немолодого пилота и глайдер. Разочарованный Лиам помрачнел и снова распечатал свой запас родного руннемарского виски. Рейнир же просто скучал и проводил вечера в бесцельных прогулках под высокими хрустальными сводами, слушая гулкое эхо собственных шагов, или же под ослепительно морозным небом, глядя куда-то в эфирную даль, теряющуюся в завихрениях токов.

Бюро выдало им очень большой кредит доверия после того случая у Скорби, все-таки репутация Лиам все эти годы была на высоте, он не единожды выкручивался из безвыходных ситуаций и лично устроил имязречение для многих бывших Безымянных. Но, как верно предсказал Сон, из единственного выжившего нападавшего ничего путного вытянуть не удалось, его разум действительно был основательно подкорректирован. Сам он даже не принадлежал к светоносным, а всего лишь жил в Эфире — здесь хватало планов, где обитали обычные люди, взять, к примеру, тот же Эмайн. Ухватившись за серебряные маски, они сначала нагрянули в Брайтвуд, где знали всех, кто мог бы изготовить такие по частному заказу. Им дали наводку, но в результате их ждала засада в одной небольшой мастерской на Горгоне. В ее развалинах удалось найти несколько украшений из черного хрусталя — так они и оказались на Морионе. Но мастер, изготовивший украшения, был уже мертв к моменту прибытия «Дыхания», а все документы по клиентам исчезли.

Лиам полагал, что это дело рук Черного сотника или Короля в желтом, хотя подтверждений этому у него не было, а ввязываться в открытое противостояние со столь влиятельными и могущественными Безымянными без поддержки Бюро очень не хотелось. Новых улик не было, доказательств причастности кого-либо из подозреваемых тоже, и координаторам оставалось лишь наслаждаться целебным воздухом пещер Мориона да смотреть на причудливый горизонт. Но самое жуткое было в том, что истинная цель Безымянных, от которой их отвлекли той дурацкой выходкой, так и оставалась совершенно неясной. Лиам опасался, что их специально водят за нос, заставляя идти по ложному следу. И еще его очень смутила засада на Горгоне. Да, он допускал, что те, кто работал на боевиков в серебряных масках, заранее готовились, что однажды к ним кто-то постучится, однако исключать сознательный слив информации было нельзя. Пусть координаторы и делают общее дело, все они в первую очередь

руководствуются собственными интересами.

В один из дней их безрадостного отпуска на очередной бесцельной прогулке у границ острова к Рейниру присоединился Лиам. От него еще слегка пахло алкоголем, но координатор был трезв и ощутимо раздражен.

— Когда вернется Хеннингсен, полетим в штаб-квартиру. Нужно сообщить нашим, как мы с тобой обосрались с этим делом, передать аналитикам все собранные данные. И заняться чем-то более подходящим, — сообщил он, щелкая пальцами по инсигнии.

— Ты решил прекратить расследование? — скорее для проформы спросил Рейнир, хотя и сам прекрасно понимал, что расследование само себя прекратило. Вместо ответа Лиам как-то своеобразно дернул головой, то ли кивнув, то ли поморщившись.

— Надо признать, что мы проиграли, Рейнир. Мы хотели выйти на стоявших за этим Безымянных, хотели понять их истинные мотивы, но в итоге все, что у нас есть, — куча трупов и ни одной толковой улики. Мы проиграли, Рейнир, попутно угробив много народу. Уверен, не все из них работали на условных плохих парней. Не стоит множить смерти впустую.

Лиам подошел к самому краю обрыва, смотря в клубящееся марево вниз, и продолжил:

— И, наверное, нам вскоре стоит пойти разными путями. Ты не должен оказываться в плену моих ошибок. Я поговорю со знакомыми военными, уверен, у них найдется дредноут для тебя. Тебе нужно двигаться дальше, Рейнир.

— Не так давно ты сам просил меня остаться, Лиам, — резонно заметил Рейнир. — Неужели всего одно неудачное дело заставило тебя изменить решение?

— Я переоценил себя, Рейнир, вот что я сделал. А на самом деле мне попросту везло все это время, а как везение кончилось, я сел в лужу и никак из нее не вылезу. Тащить в эту же лужу тебя я не хочу, особенно теперь, когда ты получил инсигнию. Тебе давно пора заняться собственными делами, и мое сиюминутное малодушие не должно быть этому преградой. И вообще... — не придумав, как закончить фразу, Лиам лишь раздраженно махнул рукой. Рейнир пожал плечами:

— В таком случае, я буду заниматься этим расследованием сам. Можешь докладывать в Бюро все, что сочтешь нужным, а я останусь здесь, поищу еще какие-нибудь улики. Мне эта лужа нравится.

Лиам нахмурился, но ничего не ответил и, ворча что-то себе под нос, пошел прочь. Рейнир сделал страдальческое лицо. Стоило Лиаму споткнуться, он начинал пьянствовать и излагать простые мысли в обертке дешевого пафоса и затасканных сравнений. Но этот странный разговор оказал на Рейнира более чем положительное влияние — теперь в поисках новых зацепок был хотя бы спортивный интерес.

На следующее утро получивший карт-бланш Рейнир направился прямиком в мертвецкую, чтобы заново изучить труп мастера, изготовившего найденные на Горгоне украшения. То был немолодой светonosный, давно утративший веру в то, что однажды изречет важное Имя, он зарабатывал на жизнь огранкой здешнего черного хрусталя и продажей изготовленных из него украшений. Дремлющий внутри Логос слабо изменил его жизнь, и сначала координато-

ры решили, что это он был следующим звеном в цепочке, заканчивающейся Безымянными. Беспольные, никому не нужные светоносные, чьи надежды и чаяния оказывались растоптанными реальностью, всегда были основным источником сочувствующих Безымянным.

Однако несчастный мастер оказался всего лишь очередной жертвой, убитой незадолго до визита координаторов на Горгону. Они перепутали причину и следствие: хрусталь с Мориона оказался там уже после убийства. На этом нить расследования и оборвалась, потому что все прочие улики были уничтожены при взрыве на Горгоне.

Тело мастера покидали последние остатки истинного света, и процесс разложения, до поры замедленный, начинал брать свое. Рейнир с плохо скрываемой брезгливостью все же принялся осматривать труп, но ничего нового, разумеется, не нашел. Это чуть тронутое тленом полноватое тело было уже располосовано вдоль и поперек, и ничего не сведущий в медицине Рейнир попросту уже даже не знал, на что стоит обращать внимание. Местный доктор, проводивший вскрытие, любезно снова дал ему все записи, хотя и они Рейниру не особо помогли. Оставалось лишь задавать вопросы:

— Я знаю, что мы уже беседовали с вами, но все же, не было ли чего-то необычного при вскрытии? Каких-то особых отметин?

— Увы, нет. Характер ран говорит о том, что убийцы знали, как нужно убивать светоносного. Есть кое-какие следы металлизации, больше всего похожи на частицы с магнитного клинка вроде вашего. Я так понимаю, раз им интересуются координаторы, это дело рук Безымянных?

— Да, вероятнее всего. Он давно жил на Морионе?

— Я обосновался здесь более пятнадцати лет назад, его мастерская уже была очень известной к тому времени. Так что да, давно.

— А его связи? Враги? Я знаю, мы уже спрашивали об этом, но вдруг что-то упустили.

— Насчет врагов не скажу — не видел ни одного серьезного конфликта, даже недовольных клиентов было немного. А связи, как я и говорил, у него по всему Эфиру, он был сравнительно известным мастером черного хрусталя, у него всегда было много заказчиков. Вы, я полагаю, уже изъяли документы?

Рейнир немного посомневался, но решил сказать правду. О пропаже всей документации из мастерской Лиам строго-настрого запретил говорить кому-либо в прошлый раз.

— Документы похитили — или уничтожили. Мы думали, это будет иметь какую-то ценность для следствия здесь, на Морионе, но, похоже, сейчас уже нет смысла это скрывать. Если вы знаете что-либо о его недавних заказчиках, это нам бы пригодилось.

— Не знаю, увь. Мы никогда не были с ним по-настоящему знакомы, а дела свои публично он не обсуждал, сами ж понимаете. Правда, неделю или две назад здесь был глайдер с Эгерии, весьма роскошно выглядящий. Полагаю, его пассажир посещал нашего покойного мастера, иначе бы так скоро глайдер бы не улетел.

Для Рейнира это уже была победа. Туманная неизвестность расследования обрела весь-

ма конкретное место, почти что осязаемое. Он поспешил оповестить об этом Лиаму, но тот остался не в восторге:

— Я не просто так запрещал говорить о ходе расследования каждому встречному! Что если на Эгерии нас точно так же будет ждать засада, а? И у нас сейчас нет целого дредноута с большой командой, чтобы прикрыть наши с тобой задницы. Хорошо, ты узнал что-то о его возможном клиенте, но нам с этим знанием все равно нужно сначала посетить штаб-квартиру, пусть аналитики с этим разберутся. На Эгерии не один человек живет, как мы найдем нужного? Вдруг его там уже нет, и мы просто подставимся под удар?

— А вдруг его там будут убивать, пока мы мотаемся туда-сюда? Мы столько раз уже опоздали! Вдруг у нас все еще есть возможность его спасти?

— С чего ты вообще взял, что кого-то нужно спасать? Может, этот глайдер вообще на дозаправку сюда прилетал. И даже если его таинственный пассажир действительно существовал, с какой стати он должен быть клиентом этого мастера? Ты словно пес, которому кинули палку. Да, это информация, потенциально полезная информация. Для работы с информацией в бюро есть целая прорва аналитиков. Это их работа, не стоит делать ее за них.

— Не ты ли дал мне полную свободу недавно? Я не разрешения пришел спрашивать у тебя, Лиам, я тебя просто из вежливости в известность решил поставить. Я беру глайдер и лечу на Эгерию сегодня же. Можешь оставаться здесь и пьянствовать сколько влезет, — резко ответил Рейнир и вышел. Лиам только покачал головой.

Едва часы пробили полдень, Рейнир уже шел ко взлетной площадке, где похожий на хищную птицу глайдер всю програвал двигатели.

— Добро пожаловать на борт, координатор, — поприветствовал его немолодой пилот, когда Рейнир поднялся на борт. — Еще кого-нибудь ждем?

Рейнир хотел уже ответить «нет», но его прервал Лиам, быстро взбежавший по трапу:

— Вот теперь никого не ждем, Хельгесен.

Рейнир лишь фыркнул себе под нос и подтвердил, что пора взлетать. Глайдер взревел двигателями и черным вороном на огромной скорости ринулся в Эфир.

Несколько часов спустя он пронизал темным бортом облака на Эгерией, открыв своим пассажирам завораживающий вид на уютный город, окруженный хвойным лесом и озерами, едва-едва посеребренными льдом. Идиллию нарушал причаливший дредноут. Лиам слегка забеспокоился.

— Где будем садиться, координаторы? — поинтересовался Хельгесен.

— Выкинь нас недалеко от причальной станции, нужно разобраться, что это за дредноут нам портит всю картину.

Сев на одной из площадок у причалов дредноутов, глайдер раскрыл нутро, и Лиам с Рейниром осторожно вышли. Подойдя поближе к дредноуту, Лиам наконец-то смог нормально прочитать истрепанное название на его борту: «Сокол Империи». Координатор сильно удивился:

— Интересно, что забыл здесь один из сильнейших гардвельдских дредноутов? Неужели он не требуется им на войне?

— Может, ремонт? — предположил Рейнир.

— Да не очень-то он выглядит нуждающимся в ремонте, если честно. Ладно, давай проверять твою зацепку. Начнем с аэровокзала, там должен быть учет всех здешних глайдеров.

Но до здания вокзала координаторы дойти не успели — их окликнул человек в гардвельдской форме, спешащий откуда-то из города.

— Вы, должно быть, координаторы? — осведомился он, по привычке откозырнув. — Пойдемте скорее, вас заждались.

Удивленно переглянувшись, координаторы пошли за неожиданным провожатым, не убиравя руки с рукоятей клинков на всякий случай. Путь их окончился у небольшого двухэтажного дома, окруженного аккуратной живой изгородью. Во двореке росла старая ива, рядом расположился сад камней.

— Координатор, прибыло подкрепление из Бюро! — отрапортовал человек в форме стоящей в дверях дома женщине в черном. Она повернулась, лихо взмахнув толстой светлой косой, и выжидательно посмотрела на Лиам и Рейнира, который машинально посмотрел на ее инсигнию, а потом, засмущавшись, отвел взгляд. Женщина затем умудрилась нахмуриться и удивиться одновременно и недовольно поинтересовалась:

— *Вы?* Что *вы* здесь делаете?

— *Аглая?* — непроизвольно вырвалось у Лиам.

— У нас тот же вопрос, — холодно заметил Рейнир, решивший проявить самообладание. Аглая окинула его с ног до головы и небрежно бросила в ответ:

— А тебе за инсигнию своего учителя держаться не поздновато? Работаю, коллеги. Совершенно убийство, все указывает на Безымянных, из координаторов я была ближе всех.

— По нападениям Безымянных работаем мы, — резонно возразил ей Рейнир. — Спасибо за помощь, теперь мы дальше сами. Извините, если это вас отвлекло от чего-либо.

Аглая лишь фыркнула и обратилась к Лиаму:

— Чего твой протеже так с дамами разговаривает? Никак синдварского пастуха из него не вытравишь?

Рейнир хотел было что-то вставить, но Лиам дал ему тычок под ребра и ответил сам:

— Это его операция, Аглая. Он решил проверить Эгерию.

— Откуда вы?

— С Мориона. Мы еще не успели передать данные в Бюро.

— Что, на Морионе вас ждало точно такое же фиаско, как на Горгоне? Еще куча трупов?

— Только один, — процедил Лиам. — Встала не с той ноги?

— Просто я всегда тебе говорила, Лиам, что твои эти методы рано или поздно приведут к большому числу мертвых гражданских. Поверь мне, мне очень не нравится оказываться правой в таких случаях, но факты говорят сами за себя. Зря вы стали разрабатывать эту историю с тем нападением.

— Ну, зря или не зря — тут еще посмотрим. Что у тебя?

— Пойдем в дом, проще показать.

Пропустив вперед Рейнира и Лиам, Аглая вошла вслед за ними и сказала идти на второй этаж.

— Убита художница Николь Леруа, светоносная, вероятность изречения Старшего Имени очень низкая, уроженка Элленции. Писала картины на заказ, делала обложки к книгам, была довольно известной в определенных богемных кругах. Питала слабость к украшениям из натуральных камней.

— Похоже, мы по адресу, — заметил Рейнир. — Мы искали клиента мастера по черному хрустально с Мориона. Жаль, что не успели ее спасти.

— Убийство совершено недавно, этой ночью, судя по всему, — Аглая открыла дверь, координаторы вошли в просторную комнату, которую Леруа приспособила под мастерскую. Темноволосая женщина средних лет лежала в луже крови у одного из своих мольбертов. Мольберт был сильно забрызган, но в правом нижнем углу была различима надпись «les couleurs de la silence».

— «Цвета тишины»? — спросил Лиам, прочитав надпись. — Что это значит?

— Пока не очень понятно, — ответила Аглая. — Еще мы нашли серебряную маску, только ее уже изъяли мои люди.

— Точно наш клиент, — кивнул Рейнир. — Не удивлюсь, если вскрытие покажет, что раны были нанесены магнитным клинком.

— Ну вы и ввязались, господа, — покачала головой Аглая. — Вы гонитесь за очень уж крупной рыбой. Как бы она вас не сожрала.

— Пока что мы видим один лишь хвост, Аглая, — вздохнул Лиам. — И сейчас нам просто повезло, да и то так, как нам обычно везет. Еще один труп, ни одной нормальной улики, не очень понятно, кто за этим на самом деле стоит.

— Надо копаться в том, чем занималась Леруа в последнее время. Искать связи с прочими фигурантами. Отдайте уж это на откуп аналитиков, Лиам. Все равно вам не объять необъятное. Слишком сложную паутину вы решили распутать.

— Аглая, а вы уже искали следы? — спросил Рейнир, осматриваясь вокруг.

— Да, но почему-то следы того, как они сюда ворвались, есть, а вот как они отсюда вышли — вопрос открытый.

Рейнир хотел начать осматривать тело, когда снизу послышались крики и шум.

— Неужели кто-то из местных полез разбираться?.. — проворчала Аглая, но Лиам прило-

жил палец к губам и покачал головой.

— Знаешь, почему нет следов? — прошептал он.

— Они не выходили из дома, — одними губами проговорила Аглая, молниеносно выхватывая клинок. — Пойдемте вниз. Только не попадайтесь под руку.

— Ей нет равных во владении клинком во всем Эфире, — тихонько ответил Лиам на немой вопрос Рейнира, пропуская того вперед. — Поэтому действительно лучше просто не мешаться.

Внизу царил настоящий хаос: несчастные служащие с дредноута отчаянно пытались отбиться, но серебряные маски рубили их налево и направо. Не говоря ни слова, Аглая разъяренной львицей нырнула прямо в самую гущу боя и быстрым колющим ударом пробила одному из нападавших шею. Грациозно извернувшись, она отсекла другому кисть с мечом и швырнула его на заходящего сбоку. Кто-то все-таки достал ее в бедро, и Лиам с Рейниром вступили в схватку, уводя напавших от Аглаи, пока она наскоро перебинтовывала ногу. Серебряных масок было больше десятка, и они медленно, но верно теснили трех координаторов в угол. Схватка затягивалась.

— У меня батареи заканчиваются! — крикнула Аглая, схватив с пояса последнюю запасную. Лиам подкинул ей одну из своих, но пятеро живых нападавших явно лучше были подготовлены к затяжному сражению.

Рейнира двое начали теснить прочь от Лиамы и Аглаи, он единственный еще не был ранен, но и мастерства с клинком у него было меньше всех. Кое-как отбиваясь от наседающих масок, в которых отражалось его искаженное усталостью и злостью лицо, Рейнир начинал выбиваться из сил. Аглая зарубила еще одного, но ни ей, ни Лиаме не давали добраться до Рейнира. Он пропустил первый удар, за ним последовал второй, от которого он едва не выпустил клинок. Заряд батареи кончился, но поменять на новую он не мог найти время, и вскоре третий скользящий удар рассек ему ногу, отчего Рейнир упал на одно колено. Боль вытесняла сознание, он еще пытался как-то отбиваться, но оставались считанные мгновения до того, как прикончат.

«Рано», — всеобъемлющий голос беззвучно прошептал Рейниру, и Рейнира не стало. Его затменные глаза раскалились яростью истинного света, бушующего в нем, и логос Рейнира пробудился.

Он отбросил ненужный клинок и, схватив ближайшего к нему за руку, легко швырнул того на тех двоих, что связали боем Лиамы и Аглаю. Второго же своего противника он схватил за горло и заставил его ноги оторваться от земли.

— Цель, — слово рухнуло тяжелым молотом, а рука начала медленно сжиматься, заставляя обладателя маски биться в конвульсиях. — Цель, и смерть будет быстрой.

— Январские ивы! — прохрипел тот, и пробужденный логос свернул ему шею, после чего свет в глазах Рейнира угас, а сам координатор потерял сознание.

Он пришел в себя уже в каюте на «Соколе Империи». Рядом сидел Лиам.

— О, ты уже очнулся, — добродушно сказал он. — Всего-то несколько часов провалялся.

Рейнир поморщился от боли, раны саднили, но все-таки приподнялся на кровати и спросил:

— Что со мной произошло?

— Твой логос проснулся. Такое иногда бывает. Правда, обстоятельства обычно другие.

— Такое бывает перед имяизречением, вот что ты хочешь сказать, — вздохнул Рейнир. — Что мне теперь делать?

— Слтай на родину, на Синдвари, — серьезно сказал Лиам. — Пробуждение Логоса само по себе ничего не говорит о близости имяизречения. Но тебе нужно подлечиться, отдохнуть. Собраться с мыслями. Возвращайся на родину. Эфир не рухнет за пару-тройку недель без тебя.

— А как же наше расследование?

— Ну, благодаря тебе и твоему логосу нам есть, что отрабатывать. Есть эти странные «цвета тишины». И еще эти «январские ивы», что бы это ни значило. Ты был прав, что решил лететь на Эгерию. Отдыхай пока. Хельгесен тебя подбросит потом.

Лиам похлопал его по плечу и вышел из каюты. Рейнир остался наедине с собой. И впервые это соседство ему не понравилось.

Дебют

Нескончаемые потоки воды неустанно катились вниз по острым шпильям, отливающим металлической синевой. Здесь всегда шел дождь. И если в мире под Завесой это было лишь художественным преувеличением, здесь дождь действительно не останавливался ни на секунду. Говорили даже, что печально известный дредноут «Королевство слез» был назван так под впечатлением от этого города. Человек на вершине одной из башен смотрел, как по оконному стеклу ползут без усталости капли.

Максимилиан Форнхофт этот город любил. Отчасти из-за дождя, звучащего в унисон его размышлениям. Отчасти из-за архитектуры, так похожей на гетический стиль родного Годенбурга. Отчасти из-за видов. Он часто любил вот так смотреть, стоя у огромного панорамного окна в своих апартаментах на последнем этаже шпиля Лукреция, как башни, купола, покатые крыши и колоссальные своды уходили за горизонт безбрежным городским океаном. Но все-таки главной причиной его любви к городу были знания, что за столетия оседали здесь со всех уголков мира по обе стороны Завесы.

У города даже не было имени. В Круге Имен он был единственным Безымянным городом. Иногда, правда, его называли Вечным городом. Чтобы избежать нежелательных коннотаций. Он действительно существовал долго, очень долго, настолько долго, что по даже по меркам Имен, светоносных и маров мог по праву носить это гордое звание. Его корни уходили настолько глубоко, что никто за всю свою жизнь не смог бы узнать и тысячной доли похоренного в темных глубинах и умер бы, пытаясь. Так древние секреты надежно оберегали сами себя, дразня все новых и новых отчаянных искателей истины.

— Господин Форнхофт, *Eroberung!*

Форнхофт оторвался от своего созерцания и вернулся к доске. Бегло оглядев изменившуюся позицию, он уверенно сделал ответный ход.

— Нельзя так упрямо полагаться на герцога, — заметил Максимилиан, когда его оппонент погрузился в раздумья. — Герцог — фигура своенравная. Того гляди, возьмет и обернется против вас. Особенно если это *весьма определенный герцог*.

Соперник Форнхофта испуганно поднял взгляд от доски.

— Вам что-то известно?

— Ничего, что не было бы неизвестно вам. Вопрос лишь в контексте, — с улыбкой проговорил Форнхофт, изучая доску. — *Mord*, друг мой.

Оппонент вздрогнул, словно Форнхофт не фигуру поставил на доску, а вонзил в него кинжал. Пока Максимилиан заново расставлял фигуры в исходное положение, он спросил:

— Вы считаете, что Орден действительно может пойти на такое? Разве это не идет вразрез с интересами Геометров? Их хваленый союз тогда рассыплется в прах на радость Дозору...

— Я не занимаюсь предсказаниями, друг мой, я лишь изучаю факты и их окружение. Каждая фракция в конечном счете все равно действует лишь в собственных интересах. Орден после неудачи их продвижения на Северо-Западном фронте оказался, как нам всем известно,

в очень щекотливом положении. В такой ситуации нет ничего лучше небольшой эскалации конфликта в нужном месте. Классический рецепт, проверенный не одной войной. Вопрос ведь лишь в том, что для Ордена сейчас важнее — союз с Геометрами или же спасение собственных позиций? Это вопрос дебюта, мой друг.

Форнхофт сделал первый ход, сознательно подставив одного из своих кнехтов под удар. Несколько ходов спустя, когда попавшийся на эту провокацию соперник оказался в затруднительном положении, Максимилиан продолжил:

— Иногда одна небольшая жертва в дебюте может обратить партию в твою пользу. Особенно когда ставки столь высоки. Ордену позарез нужно Старшее Имя в своих рядах, и сейчас они оказались в порочном круге: чтобы переломить ход войны, им нужно Старшее Имя, но для получения Старшего Имени им нужно переломить ход войны. А порочный круг остается лишь разорвать. *Eroberung*, друг мой.

Кое-как выпутавшийся из неудачной позиции оппонент Форнхофта робко поинтересовался:

— Но Имена никогда напрямую не вмешиваются в конфликты фракций, как одно Старшее Имя может в одночасье помочь Ордену?

Максимилиан назидательно заметил:

— Истинная ценность Имен лежит в плоскости гносеологической, она тесно связана с процессом познания. Возможно ли осознать, что такое смерть, не называя ее? Понять суть войны, не дав ей имени? Мы постигаем этот мир через имена, поскольку не можем мыслить вне языков, язык и мышление неразделимы, и война — это не то, что она представляет собой на самом деле, а то, что несет в себе ее имя. Смерть — это в первую очередь образ в нашем сознании, образ, созданный всем, что вложено в это имя — «смерть». Весь наш мир формируют имена. Именно поэтому всем светоносным так важно, чтобы именно их представления о миропорядке были вложены в Старшие Имена. Это не просто убедить сотни последователей в правоте своей философии. Это сделать так, чтобы *само познание, само осмысление* какого-либо явления или процесса показывало правоту твоей философии. Совсем другой уровень. Меж тем *Mord* в три хода, друг мой.

Секунду спустя Форнхофт внимательней присмотрелся к доске и исправился:

— Простите, в два хода.

Два хода спустя партия действительно была окончена. Время за игрой пролетело незаметно, и оппонент Максимилиана вынужден был его покинуть.

— Увы, господин Форнхофт, мне пора. Спасибо за игру! Жаль, что мне не удалось вас обыграть. Возможно, в следующую нашу встречу я все-таки возьму реванш!

— До следующей встречи еще нужно дожить, — мягкой улыбкой ответил Форнхофт. — Спасибо вам за компанию. Всего наилучшего, друг мой.

Прощание Максимилиана слегка встревожило гостя, но добродушное лицо его быстро выветрило малейшие тревоги, и гость покинул окутанные сырой синевой апартаменты Фор-

нхофта в прекрасном настроении.

Сам Максимилиан вернулся к созерцанию Безымянного города, едва слышно говоря со своим отражением в заплаканном оконном стекле:

— Удачный дебют — половина успеха. Одна маленькая жертва в самом начале легко может обратить всю партию в твою пользу.

Сотканный из дождя двойник Форнхофта кивал в унисон его рассуждениям. Вечный город расстился бесчисленностью шпилей вокруг.

Яна

Год неуклонно катился к закату, и даже в южном Людлине осенняя сырость все же должна была смениться белизной зимы. Но в этом году осень еще более неохотно уступала свои права, и снег до сих пор никак не мог лечь основательно, выпадая к вечеру и оставляя после себя лишь слякоть и лужи к утру. И если укрытый снегом Людлин становился похож на сказочные городки со старых альдмаркских открыток, то утопающий в дождях темный город внушал по большей части лишь тянущую дремоту.

В Институте сегодня был второй день длинных выходных. Все вокруг праздновали, проводя этакую репетицию перед близким Зимнесветом. Яну выходные, особенно такие длинные, решительным образом угнетали, заставляя оставаться наедине с собой, чего Яна делать не любила. Она даже с удовольствием пошла бы работать, но никто более не горел желанием составить ей компанию, даже трудоголик Ольшанский куда-то запропастился. Яне ничего не оставалось делать, как отдыхать.

Проснувшись чуть позже обычного и совершенно проигнорировав утреннее радио, по которому все равно не звучало последнее время ничего интересного, она неторопливо стряхивала с себя ленивое тепло постели и на автомате выполняла свои утренние ритуалы, одновременно раздумывая, куда бы увести этот день — неважно, куда именно, лишь бы подальше от себя. Вчера ее спасла накопившаяся усталость, и Яна просто дремала, иногда лениво скользя глазами по старой, много раз читанной книжке. Сегодня в ней снова обнаружилась энергия, и еще один день дома вылился бы только в раздраженное ворчание на саму себя. Так толком ничего и не придумав, Яна для начала просто решила выбраться в город.

На улице шелестела предзимняя морось и дул ветер, тщетно пытаясь разогнать Завесу. Серая пелена уютно укутывала Людлин, и лишь убежденность в торжестве времени позволяла отличить утро от вечера. Яна порадовалась тому, что все-таки решила отыскать старую широкополую шляпу и длинный шарф, без которых путешествие из ниоткуда в никуда стало бы более прозаическим и промозглым.

Бастион Института, стоявший колоссом среди затопленных останков старого Людлина, соединялся с городом лишь одиноким длинным мостом, по обе стороны которого бесстрастной стражей стояли тощие фигуры фонарей. По центру моста были проложены трамвайные пути, заканчивающиеся кольцом на площади перед главным входом Института, по обе стороны от рельсов приткнулись узкие полосы для автомобилей, которых здесь всегда бывало немного. Правда, трамваи тоже посещали конечную остановку, лаконично и буднично названную просто «Институт», лишь раз в час, и Яне пришлось изрядно подождать, пока грохочущий вагончик наконец-то накренился на повороте и замер напротив ржавого навеса остановки.

Полупустой и полусонный трамвай медленно стучал по протяженности моста, оставляя позади исполинский институтский комплекс. Яна так редко покидала Институт, что это банальное трамвайное путешествие в мыслях ее обретало какое-то полумифическое значение — этот трамвай и этот мост словно бы связывали два мира, две эпохи. Двух Ян.

Она прислонилась лбом к холодному стеклу, на котором трещинами разбегались капли. Подняла взгляд, посмотрела в небо, где неповоротливыми небожителями ворочались бока аэростатов и дирижаблей, охраняющих покой горожан. Шесть лет назад все было иначе. Все-го шесть лет — или же целых шесть лет?

То время сейчас всегда вспоминалось с какой-то теплотой. И не потому, что до войны было еще два года. И не потому, что тогда в Людлине расцветало современное искусство, бросающее вызов привычной эстетике. И не потому, что тогда Людлинский императорский театр дал свой лучший сезон. Что-то такое было в тогдашней Яне, что согревало памятью мысли Яны сегодняшней.

Даже такие рутинные поездки на трамвае до Института и обратно вспоминались теперь как-то по-особому. Пока Яна училась, она жила еще не в комплексе, а у родителей, за Ишмой, и ездить ей приходилось почти что через весь Людлин. Иногда это были сонные утренние поездки в переполненном трамвае, когда люди ввинчивались в не такую уж и хорошую транспортную сеть города, разъятого и разнесенного водой. Иногда поездки бывали усталыми вечерними, и мысли примерзали к стеклу пустого вагона, едва трепеща в тусклом свете ламп. Иногда — шумными компанейскими, исполненными вседозволенности молодости. Однажды в такую поездку они умыкнули жестяной номерок с заднего окна, оставив трамвай без одного из опознавательных знаков, и этот номерок еще долгое время лежал трофеем в ее комнате.

Яна была на одном из первых курсов Института, когда в Людлин приехала группа тогда еще мало кому известных «языческих поэтистов» с понятной целью устраивать лекции и поэтические вечера. Яна с друзьями во что бы то ни стало решили их послушать.

Поэтисты давали вечер в каком-то старом доме недалеко от железной дороги, и по той слякотной поро стоило больших усилий добраться до места и сохранить наряд в чистоте. Вариант с тем, чтобы одеться во что-то практичное, был отмечен сразу — на такие мероприятия без соответствующих нарядов ходить и смысла-то не было никакого. Старый дом изнутри уже тогда носил следы вьевшегося разрушения и заброшенности, создавая вечеру должную атмосферу. Авангардное искусство при свечах в пустом доме, где по-прежнему жили вздохи и шорохи, воспринималось совершенно по-особому, и больше никогда в своей жизни Яна не ощущала этого потока вселенского текста, этого бесконечного произведения произведений. Именно тогда она впервые ощутила всю важность и всю власть имен в мире, где Имена живы и подобны древним богам забытых религий. Впрочем, забытыми эти религии были лишь для тех, кто страстно хотел забывать, ведь ничего не бывает последним, и стоит лишь вернуться, чтобы забытое превратилось в знакомое.

Возвращаться им пришлось уже почти что в полночь. Они шли вдоль железнодорожных путей к ближайшей остановке электробуса, едва надеясь успеть поймать последний, идущий за Ишму, ведь трамваи тогда уже не ходили, а ночевать по эту сторону реки в такую погоду им решительно было негде. Но на волне полученного ими краткого, но всеобъемлющего вселенского откровения ни у кого не было тревоги, страха или хотя бы сомнения. Еще несколько дней Яна была под этим впечатлением, и мир открывался перед ней новыми смыслами.

Несколько лет спустя, когда она уже окончила Институт и начала работать, Яна оказалась в том районе. Решив поискать старый дом, она обнаружила лишь поросший травой и колючими кустами пустырь. Ничего не осталось от того дома — лишь один одинокий каменный столбик, когда-то исправно служивший частью невысокого забора вокруг. Сейчас, спустя еще несколько лет, Яна подумала, что от того дома осталось еще кое-что — ее воспоминания о единственном вечере, проведенном в нем.

Вот они, причуды их странного мира во всей своей красе: от целого здания осталось одно лишь имя, один лишь образ в памяти. Но чем вот этот немолодой дом, стоящий у самых трамвайных путей, более реален, чем тот дом из воспоминаний? Они делят на двоих одно имя, и выбирать, что именно этим именем именовать, всегда предоставляется конечной точке всякого диалога — адресату, слушателю, читателю.

Но все-таки одно Яна вынуждена была признать безапелляционно. Время вспять не обратить, и разделить тот момент ее жизни и воспоминания об этом моменте Яне-сейчас уже было невозможно. Действительно ли они слышали где-то за спиной будоражащий стук колес электровоза или же это только из настоящего кажется, что стук там был, потому что он просто удачно вписывается в красивое воспоминание? Где проходит граница между оригиналом и отражением оригинала в глазах смотрящего? И есть ли она? Есть ли настоящая Смерть, или же Смерть — это только то, что люди вкладывают в это имя? Что стоит за любым Именем — оригинал, отражение оригинала или же отражение отражения? Ответа у Яны не было, но недаром подобные рассуждения стали точкой отсчета всей философской мысли начала века.

Трамвай окончательно покинул институтскую заимку и неторопливо выстукивал в сторону людных скрещений центра города. Река Ишма разделяла заново отстроенный столетие назад Людлин на две неравные части, вытягивая его исполинским змеем вдоль своих берегов. Город словно бы медленно уползал в сторону от своей прежней оболочки, навеки погребенной под толщей гнилых вод. Дальше Старого Людлина не было ничего на многие мили окрест — лишь густые леса и каменистые холмы, в которых, по старым легендам, все еще дремлют древние воины, когда-то пришедшие сюда от самого Волчьего озера.

Людлинская земля, вспоминала Яна, оказалась в конечном счете точкой пересечения всего многообразия гардвельдских культур. Вроде бы всегда были сильны традиции живших здесь испокон веков альдегов, а вроде бы и северная столичная статья никогда не давала о себе забыть. Ко всему этому примешивались верования ошти, волчьих людей и даже выходцев из Экутара, и в конце все это создало то, что впору называть самостийной людлинской культурой, единовременно похожей и непохожей на породившие ее. Наверное, именно поэтому так ценится здесь искусство — и так ценят искусство здешнее.

Наверное, именно поэтому Яна и любила Людлин — гардвельдский город с альдегским названием, волчьей душой и плохой погодой. Ее любовь, правда, разделяли далеко не все.

У Яны никогда не было сколь-нибудь много друзей — в основном их заменяли сначала одноклассники, затем однокурсники, коллеги. Те, что были, те самые настоящие друзья, с которыми можно было ловить ускользающих поэтистов и убегать от ночного поезда, давно уже уехали из Людлина. А Яна осталась.

У многих это вызывало недоумение и даже обиду. Что вообще можно было ловить в Людлине, затерянном южном провинциальном городе, наполовину буквально ушедшем в болото? Да, здесь был Институт, но что кроме него? Даже родители Яны никак не могли до конца принять ее выбор остаться, а не искать счастья где-то поближе к столице или за границей.

Яна тоже порой задумывалась, только ли из любви к Людлину она выбрала город и Институт вместо слепящего северного блеска. Ответы каждый раз придумывались разные. Яна не знала, какой из них был настоящим. И не хотела, если честно. Правда — зверь с печальным ликом.

Она вынырнула из пучины мыслей и сфокусировала взгляд на вид за окном. Трамвай подъехал к зданию Центрального городского телеграфа, и Яне открылся засыпающий в преддверии зимы театральный сквер. Само здание театра все равно было почти не разглядеть даже с учетом облетевшей листвы, но, судя по неспешно прогуливающейся здесь публике даже в такой нелюдимый день, Императорский театр вновь давал представление. Яна прежде охотно ходила в многочисленные людлинские театры, любовь к ним была привита ей родителями. Когда же она получила докторскую степень, Институт заменил ей и скверы, и театры, и красивые платья.

Легко можно было подумать, что это Институт своей бесстрастной механикой отбирал Яну у города и мира, но это всегда был лишь фасад. Институт всегда был лишь относительно престижным учебным заведением и рабочим местом, не более. Когда она училась, она даже и не знала о существовании каких-то там апартаментов для сотрудников, для занятий со студентами в комплексе были отдельные корпуса. Уже устроившись туда в качестве научного сотрудника, Яна сознательно переехала в Институт и пожелала раствориться в его сплетениях. С годами она даже забыла, как дойти до корпуса, где они когда-то учились. Она периодически видела его из окон, но совершенно не помнила, какие коридоры туда ведут — и не хотела вспоминать. Отгородившись от мира, Яна отчаянно пыталась еще отгородиться и от себя самой, но все попытки оказывались неудачными. Тогда она скрылась с головой в работе, в рекордные сроки написав и защитив диссертацию, и упорно продолжала соперничать в рвении с трудоголиком Ольшанским. Правда, организм мара на такое был рассчитан, в отличие от ее собственного. Когда начались проблемы со здоровьем, пришлось притормозить. Тогда же появились различные ежедневные ритуалы — так было спокойнее и так уходила пустота.

Одиночество, думала Яна, смотря на редкие пока огоньки в сером мареве сонного города, всегда было для нее обоюдоострым клинком. Она не любила людей, не любила быть с людьми, но вместе с тем искала их и стремилась быть с ними, чтобы не быть с собой. Ее терзали тяжелые мысли и тоска по прошлому, постоянно казалось, что она что-то упустила, где-то ошиблась, зачем-то сказала то, что не должна была, но понять, что же пошло не так, ей было тоже не под силу. Здесь тоже выручала работа — делая свою работу и делая ее хорошо, Яна заглушала эту никчемную тревогу внутри себя, убеждая всех и эту прожорливую тварь в первую очередь, что она может делать все правильно. Но работа была холодна и бесстрастна, и Яна все равно срывалась в тоску по прошлому.

Особенно остро она ощутила это в прошлом году на Зимнесвет, когда она все-таки выбралась из Института к родителям. В их доме мало что менялось из года в год, лишь оба они ста-

новились чуть-чуть старше. Но тогда Яну зацепило даже не это. После праздников, когда они убирали украшения, в одной из коробок треснула красивая стеклянная пустельга — ее всегда ставили наверх ели, если была ель, либо сажали на самую большую ветку, если в том году решали обойтись без целого дерева. Треснула вроде бы случайно, просто из-за неудачно прилаженной крышки и слишком поспешной упаковки. И Яна, тогда лишь обронившая «жаль», потом, уже вернувшись к себе в институтскую квартиру, слегка загрустила. Причину этой грусти она попыталась было найти в том, что ей попросту жалко красивую вещь. Но грусть закрыла свои глубокие синие глаза и покачала головой, заставляя Яну признаться, что истинной причиной был сам факт последнего Зимнесвета, когда маленькая стеклянная пустельга, бывшая с ней с самого ее рождения, занимала свое почетное место. Еще один крохотный кусочек прошлого исчез из настоящего, оставив Яне лишь осколки. И хотя она давно уже была достаточно взрослой, чтобы просто говорить «жаль» разбитым игрушкам, наедине с собой она все равно заплакала. Легко не радоваться тому, что всегда с тобой, тяжело не грустить по тому, чего больше не коснешься никогда.

На такой волне Яна вдруг вспомнила о дед. Шесть лет назад все было иначе еще и потому, что был жив дед. Дед у Яны всегда был один, другого она никогда не видела — он, кажется, погиб в войне Первого союза, задолго до ее рождения. Родители Яны все время работали, одна бабушка держала сад и пропадала там целыми дням, другая вообще перебралась к маминой сестре в другой город, и посему значительную часть своего детства Яна провела именно с Дедом, практически с большой буквы — он восхищал Яну настолько, что она находила мягкое «дедушка» не очень подходящим вариантом, а короткое мощное «дед» звучало как позывной настоящего героя.

На той же войне дед был ранен, поэтому сильно прихрамывал на одну ногу, а его лицо выглядело в зеркале слегка перекошенным. Он был худым, с тонкой, почти просвечивающей смуглой кожей, и для тепла дед всегда носил старый жилет из овечьей шерсти каких-то гигантских размеров. Зимой, когда было холодно и плохо топили, он всегда одевал Яну в такой же, и она могла сидеть в нем, будто в шалаше. Дед очень ценил мед и был умелым пчеловодом. В их с бабушкой саду всегда были ульи, а на столе всегда был свежий мед, которым он обязательно угощал Яну. В молодости дед был механиком, и конструкторская мысль не оставляла его до самой смерти. Именно он показывал Яне тонкости работы всевозможных механизмов, часть из которых придумывал он сам. Наверное, во многом благодаря деду Яна до сих пор любила что-нибудь поделывать своими руками и вообще питала слабость к технике, особенно исчислителям. Дед учил Яну мыслить, развивать смекалку и искать нестандартные решения к самым простым задачам. Среди всех благодарностей, что она произнесла на защите своей диссертации, имя ее деда прозвучало одним из первых.

Она по-настоящему его любила, особенно в период своего подросткового бунта, когда и без того не самые близкие ее отношения с родителями стали совсем прохладными. Тогда, наверное, Яна и начала замыкаться в себе, не находя поддержку своих начинаний у вечно занятых отца и матери. Неизвестно, к чему бы это привело, если бы не дед. Дед стал ее лучшим другом, он всегда с удовольствием слушал все ее проекты и помогал в их осуществлении, даже несмотря на все чаще дававшую о себе знать старость. Когда дед стал плохо слышать,

Яна терпеливо проговаривала все медленно и четко, чтобы ему не приходилось чрезмерно напрягать слух. Он все чаще лежал, и тогда Яна обязательно следила, чтобы дед был укрыт своими двумя овечьими жилетами и не мерз.

Однако старость взяла свое, и дед в один из дней начала года мирно скончался во сне. Словно бы по некоему провидению за несколько дней до смерти у них с бабушкой собралась вся семья, и Яна первая оказалась у его постели, но даже она не могла с уверенностью сказать, когда же именно он переступил тонкую грань между жизнью и смертью.

И до сих пор Яну пугал именно факт внезапного исчезновения чего-то очень важного из настоящего. Дед был ее проводником в мир теплых и светлых воспоминаний, вызывающих тот самый ком в горле и то самое пощипывание в глазах, и в какую-то нечестно неуловимую секунду этого проводника вдруг не стало, и мир закрылся навсегда.

Два дня похорон Яна пребывала словно в каком-то механистическом наваждении, действуя подчеркнуто рационально. Осознание пришло уже после, когда она вернулась в опустевший дом, где была лишь заплаканная бабушка. Что-то переломилось тогда внутри Яны, и она впервые по-настоящему взмахнула клинком одиночества, одновременно раня и себя. Смерть деда стала точкой невозврата, сделавшей из Яны-тогда Яну-сейчас.

Она невесело посмотрела на свое отражение в стекле трамвая, который уже почти добрался до моста через Ишму. Это был самый длинный, или один из самых длинных, трамвайный маршрут в городе, сонной артерией связывающий одну городскую быль с другой. И будто бы снова получалось так, что Яна ехала из Института в родительский дом. Путешествие из настоящего, которого не хотелось, в прошлое, которого нет.

Обычно Яна выходила за несколько остановок до конечной, но теперь ее мысли окончательно смерзлись в осознанную цель, пока трамвай осторожно перебирался через старый каменный мост, под которым перетаптывалась хмурыми волнами широкая Ишма. На другом берегу были в основном новостройки, сюда Людлин расширился после затопления старого города, вытесняя леса, хотя многие здешние старожилы когда-то просто построили свои дома на обрывистом берегу. Трамвай оставлял эти будто бы сказочные дома, уходя в обычный городской район, мало чем отличавшийся от любого другого. Проехав на три остановки дальше родительского дома, Яна решительно вышла из трамвая, подняв воротник, укутавшись в шарф и сильнее надвинув шляпу. После теплого вагона промозглость дня ощущалась еще сильнее.

Кое-как справившись с погодой, Яна пошла не к ровно стоящим рядком домам, а в противоположную сторону, за заводскую узкоколейку. Небольшой ширины дорога уводила в лес, где вперемешку росли лиственные и хвойные породы. Вокруг было ни души, и Яну сейчас это вполне устраивало. Что-то кричали в ветвях птицы, наверняка сварливо переговариваясь о погоде.

Среди всех людлинских кладбищ это было расположено в самом тихом месте. Оно словно бы всегда было частью этого леса, подобно затерянным курганам древности в иных краях, и аккуратные надгробные камни, поросшие мхом и усыпанные листвой, дарили всякому посетителю не жутковатый холодок, свойственный всяким кладбищам, но искомое чувство по-

коя. Могила деда была недалеко от второй кладбищенской аллеи, приютившись под тремя соснами.

С последнего визита Яны мало что изменилось. Невысокая темная оградка и гранитный монумент с ветеранской розеттой. Имя и годы жизни. Несколько вечных цветков. Юное деревце, которое оказалось внутри оградки, подросло еще немного за лето, а теперь все усыпало своими листьями. Яна осторожно коснулась имени рукой.

— Здравствуй, дед, — сказала она вслух, удивившись собственному голосу. — Прости, что так долго к тебе не заглядывала. Надеюсь, у тебя там все хорошо, где бы ты ни был. Особенно надеюсь, что не приходится мерзнуть, как мне сейчас.

Яна чуть улыбнулась, подбадривая себя, сглотнула подступивший к горлу ком и продолжила:

— Я... Мне не хватает тебя, дед. Все стало как-то неправильно, знаешь. Опять началась война — и никто не понимает, кто и за что воюет. И мне приходится быть ее частью. Работать на нее, обслуживать ее. Тебе ведь тоже приходилось. Я тогда была маленькая, я сидела у тебя на коленях и просто слушала истории. Они не казались мне страшными или грустными, лишь иногда, я не могла понять тогда, что это такое — работать на войну. А теперь мне вдруг самой пришлось это делать. Когда ты... Когда тебя не стало, я... Когда тебя не стало, во мне что-то словно бы навсегда закрылось. Потерялось? Не знаю, но ты же меня понял, ты всегда меня понимаешь... Понимал. И я тогда ухватилась за работу. И это помогло, да, это и правда помогло. В работе я, наверное, словно бы снова была с тобой — все мое мастерство, все его корни, они же от тебя, хоть ты всегда и отмахивался от этого, говоря, что у меня талант. Но теперь... Теперь моя работа — это обслуживать войну. Приближать смерть других. Ты никогда не говорил об этом, дед, а если и говорил, то я попросту об этом забыла. Не говорил, как тебе приходилось справляться с этим каждый день. Твоя война шла пять лет, моя идет уже четыре, и конца ей не видно. Я до последнего держалась, ты знаешь. Но теперь и я ее часть. Что мне делать, дед? Я ученая. Я доктор. Я должна спасать людей, а не убивать их. Я не верю, что все мы солдаты на этой войне. Но что мне делать, дед? Я не знаю, я правда не знаю...

Яна замолчала. Слезы падали из ее глаз и тут же терялись в дожде. Молчало и кладбище, даже ветер больше не шумел в кронах сосен. По памятнику медленно катились крупные капли.

Предвидение

Черный песок. Почти как на родном Синдвари, но это не его дом. Он очень далеко от дома. На берег накатывают бесцветные волны. Одинокая скала бесстрастно рассекает набегающий холодный океан. Ветер несет запах соли и льда. Координатор Рейнир Ингварссон идет по берегу. Его черная форма покрыта кровью и снегом. Он умирает.

Сквозь его глаза протекает свет. С каждой секундой его становится меньше. Он утекает, словно ручеек песка из разбитых песочных часов. Тихий голос, который так легко спутать с шумом прибоя, шепчет ему:

— Не забывай, ты взял его в долг. Рано или поздно долг этот нужно отдавать. Когда придет время, я буду за твоим левым плечом. Я умею ждать.

— Но еще не время, — отвечает Рейнир, едва размыкая губы. — Еще не время.

— Зачем ты бежишь, Рейнир? Здесь только ты и я, — не сдается тихий шепот. — Иди ко мне, Рейнир. Будь со мной рядом. Разве тебе плохо в моей компании? Я могу стать для тебя кем угодно. Хочешь, я стану Мист? Или Оддвейг? Может, ты сильнее всех скупаешь по Эдель, твоей милой юной Эдель? Воспоминания о любви всегда разжигают дремлющее пламя, чтобы согреть усталого путника и осветить его путь, не так ли?

Рейнир не оборачивается.

— Хотя нельзя жить воспоминаниями, да, Рейнир? Я знаю, кто занимает твои мысли, мой дорогой Рейнир. Я знаю о тебе все, от меня не спрячешь даже то, что ты так старательно прятал от себя. Разве я тебе не нравлюсь? Может, тебе приелось это алое платье? Наверняка гораздо лучше без него, да? Быть может, чуть-чуть волосы подлиннее? Мы же стремимся к аутентичности, верно? Ох, эту полуулыбку так приятно повторять. Ее жесты по-настоящему вкусны, Рейнир, теперь я понимаю, что ты в ней нашел. Другой такой не встретить, ты правильно думаешь. Иди ко мне, Рейнир. Владей мной, Рейнир. Ты все еще медлишь?

Рейнир идет куда-то в сторону далеких скал на горизонте. Силы почти оставили его, но он заставляет себя ответить:

— Я еще пока не твой. Тебе не стоит это забывать.

— Это лишь вопрос времени, Рейнир.

— Еще не время.

— Рейнир, не стоит себя обманывать. Обернись, взгляни в мой равнодушный и пустой зрачок.

Рейнир не оборачивается.

— Сколько еще ты сможешь идти, Рейнир?

— Сколько нужно, — цедит Рейнир.

— Я могу спасти тебя, Рейнир. Зачем страдать? Никого из них не вернуть. Их время пришло.

— А вот мое время еще не пришло, — Рейнир упрямо идет вперед, наперекор ветру. Тихий шепот превращается в тихий смех.

— Я не враг тебе, Рейнир. Во мне нет ничего, чего нет в тебе. Сейчас мы две стороны одной личности, Рейнир.

— Пусть так. Но я не уверен, что эта сторона мне нужна.

— Нельзя выбрать что-то одно, Рейнир.

— До сих пор у меня как-то получалось.

— И посмотри, куда это тебя привело.

Рейнир ничего не отвечает, упрямо продолжая идти вперед. Почему это так похоже на Синдвари? Может, это и правда его родной остров? Но нет, только предсмертный обман израненного восприятия. Рейнир машинально касается перерубленной инсигнии. Он был верен ей до конца, благо, до него недолго осталось.

Даже шепот оставляет его, затихает, сливаясь с насмешливыми уколами ветра. Рейнир по-прежнему не оборачивается, он знает, что никого не увидит за своей спиной, только черный песок и пылающий где-то далеко искореженный остов. Даже пламя здесь словно лишилось тепла и света. Ах да, свет же утекает, словно этот проклятый песок из разбитых песочных часов. Срезанная наискось серебряная инсигния вмерзает в кровь у разбитого сердца.

Упрямство Рейнира удивляет даже его. Он должен был сгореть в бесцветном огне вместе с остальными. Так было бы честнее. Хорошо, что ему не так уж и долго осталось. Упрямство все-таки не бесконечно. Интересно, что тогда сделает его верный шепот?

Может, пришла пора все-таки сдаться? Рейнир останавливается и еще раз задумчиво вертит в изрезанных руках искалеченный знак. Капли крови собираются у сердца, напитывают отяжелевшую черную ткань и срываются вниз, скрываясь в песке. Жаль, что он сейчас все-таки так далеко от дома. Хотелось бы закончить это путешествие где-нибудь недалеко от зарослей ивы и вереска. Или хотя бы лечь в мягкий мох на лавовых полях.

Еще ему жаль, что их прощание вышло именно таким. И вообще жаль, что вышло прощание. Рейнир решает медленно продолжить идти, шепча надменному небу и отстраненному океану чье-то имя — слишком тихо, чтобы можно было различить хоть звук. Другие шепоты не вмешиваются в это последнее одинокое бдение. Рейнир снова совсем один.

Черный песок. Почти как на родном Синдвари, но это не его дом. Он очень далеко от дома. На берег накатывают бесцветные волны. Одинокая скала бесстрастно рассекает набегающий холодный океан. Ветер несет запах соли и льда. Координатор Рейнир Ингварссон лежит на берегу. Его черная форма покрыта кровью и снегом. Он мертв.

Неловкий разговор на полпути между Эгерией и Храйсвельгом

Был поздний вечер, преддверие ночи, «Сокол Империи» вальяжно плыл в эфирной эфемерности, почти полностью выключив двигатели и доверившись мерцающим токам. Большая часть команды мирно спала, и дредноут был погружен в мягкую темноту, лишь кают-компания по-прежнему встречала своих полуночных посетителей полной иллюминацией.

Лиам в одиночестве сидел у иллюминатора, глядя в глубины темной бездны. Ночами в эфире сложно поверить, что здесь рождается истинный свет. Годы назад Лиам увидел в темноте что-то или кого-то, что навсегда поселило в нем смутную тревогу и недоверие к холодному царству переливчатой ночи. С тех пор каждый раз он всматривался в темноту, надеясь вновь увидеть источник своего покоя, но темнота имела свои планы на этот счет.

Всматриваясь в сполохи у бортов дредноута, игривыми змеями вспыхивавшими, когда тяжелый металл рассекал завихрения токов, Лиам не заметил, как в кают-компанию вошла Аглая.

— Неужели оправдываешь стереотипы о руннемарцах и пьешь в одиночестве?

Он отвлекся от темноты и посмотрел на нее, не узнав в первое мгновение. Длинные светлые волосы, освобожденные из косы, мягкое облегли ее лицо и плечи, и даже взгляд Аглаи будто бы смягчился. Свою лепту вносило и то, что она была не в своей координаторской черной форме, а просто в каком-то неброском светлом платье.

— Пью, — честно ответил Лиам. — Меранский чай. Меранцы в общем и целом полные козлы, но вот чай, зараза, у них лучший. Поэтому пью и страдаю.

Аглая улыбнулась и села рядом, тоже сделав себе чашку чая. Лиам почесал загрубевшим ногтем большого пальца себе лоб и как бы вскользь бросил:

— Спасибо, что согласилась подбросить до Храйсвельга. Парню полезно отлежаться немного до спуска вниз.

— Я могла бы вас докинуть прямо до Синдвари, но появление гардвельдского дредноута в воздушном пространстве Унии вряд ли будет положительно воспринято, — заметила Аглая. — Тебе точно больше ничего не нужно?

— Нет, ты и так сделала больше, чем должна была. Спасибо еще раз, Аглая. Ты, может, так и не считаешь, но лично я рад был встретить тебя на Эгерии.

— Не обманывай себя, Лиам, ты все еще прекрасно меня знаешь. Я тоже рада.

Они замолчали, в помещении повисла липкой взвесью неловкая тишина.

— Как Рейнир? — нашла Аглая. — Ему лучше?

— Он беспокойно спит, — Лиам шумно отхлебнул из чашки. — Я не знаю, что происходит в его разуме. Он прав, обычно логосы пробуждаются перед имязречением, но не очень-то похоже, что это тот случай.

— Беспокойно? Ему снятся сны?

— Снились, по крайней мере, когда мы с ним об этом разговаривали. Я стараюсь не тревожить его лишний раз, он и так стал дерганный. Надеюсь, на родине ему станет легче. Синдвари, говорят, тихое место, туда даже война почти не добралась. Ему стоит отдохнуть.

— А ты, Лиам? Не думал вернуться в Руннемару?

Лиам немного нервно постучал пальцами по столу, но все же ответил:

— Без Айлин и девочек мне нечего там делать. Я много раз думал об этом — все пытался заново найти себе место, отстроить свою разрушенную жизнь. Знаешь... Если бы я не стал светоносным, если бы я не убрался сюда, подальше от земли, где они лежат, я бы давно уже погиб на баррикадах в каком-нибудь Байл Кеанне. Я стал полым, Аглая, я всего лишь оболочка без надежды, желаний, и я искренне жду, когда я смогу наконец изречь имя и перестать быть этой оболочкой — и стану никем. Но кому я это все рассказываю. Если бы не это, то мы бы...

— Но даже так, Лиам, пока твоя старая бесполезная тушка все еще принадлежит тебе, а не какому-нибудь Имени, ты не будешь для меня пустым. Я это всегда говорила, я готова сказать это еще сотню раз...

— Я знаю, Аглая. И верю, — перебил ее Лиам. — Но давай не будем снова уходить куда-то в старые и грустные мысли.

Они еще немного помолчали, смотря куда-то в бессолнечную даль.

— Куда ты после Храйсвельга?

— К аналитикам, ты же все верно сказала у Леруа. Доведем Рейнира до дома, а потом отправимся с Хеннингсеном прямиком в Бюро. Пусть выясняют, что это за «январские ивы» и «цвета тишины». Уже и год на исходе, нельзя медлить.

— Думаешь, раз «январские», то что-то случится в начале девятьсот пятнадцатого?

— Возможно. Все возможно. Нас о чем-то предупреждал Сон, тогда, еще в Шепчущем доме, и я все еще пытаюсь понять, что же он заподозрил и как во всем этом замешаны Безымянные. Ты заметила? Резко сократилось число инцидентов. Даже Король в желтом не поднимает носа.

— Я, признаться, и о Черном сотнике давно не слышала. Ты вот сказал, я теперь тоже буду думать, что же это их так напугало. Да Вуотайн вон больше хлопот теперь причиняет, чем Безымянные.

— Неспроста?

— Неспроста.

Замолчали.

— А ты, Аглая?

— Навещу ребят из Консорциума — на них давно жаловались насчет нелегальных поставок новейшего оружия вниз. За одним немного переведу дух в Дельмансе — «Сокол» все

равно уже вызывают в Гардвельд. Император очень уж трясется за свою жизнь, сгоняя к столице войска даже в ущерб задачам на всех фронтах, так что совершенно не удивляюсь тому, что поражения Третьего союза следуют одно за другим. Мне это не нравится — император трус, но трус благоразумный, еще одна проигранная война ему совсем ни к чему. Что-то собирается, наступает со всех сторон, словно вот эта темнота за бортом, и ты даже не можешь дернуться, потому что некуда бежать, оно повсюду.

Лиам взял руку Аглаи и только негромко сказал:

— Давай постараемся не умереть.

Она кивнула. В иллюминаторе полыхнули два огонька, словно чьи-то глаза или далекие маяки. Огни пропали, и эфир замолчал темнотой.

Деловые люди

Огромное здание, в котором размещался центральный офис «Зауэр Машинен», внушало всем своим видом какой-то индустриально-имперский трепет, уходя своими нижними этажами куда-то глубоко вниз, к самым корням города. Увенчанное короной жутковатых статуй, тяжелое, сложенное из темного камня, по которому нехотя катились потоки вечного дождя, оно нависало над всем районом, словно иссушая дома и улицы вокруг. Форнхофт не любил посещать эту часть города. Здесь тоже все напоминало о родном Годенбурге, но о той его стороне, о которой Максимилиан стремился забыть по личным причинам. Нынешний визит был особенно неприятен потому, что Форнхофт шел *просить*. Не договариваться, не торговаться, а именно просить. В любой другой ситуации это Зауэр был бы приглашен для разговора в кабинет Форнхофта в высокой башне, но сейчас Максимилиан покорно вступил в тень огромного машинного собора.

Перекинувшись парой слов с немолодым швейцаром и тем самым дав о себе знать, Форнхофт вошел в здание. Здесь не было цехов, не было шума и раскаленного металла, в Эфире существовали гораздо более дешевые варианты для размещения производственных мощностей, но гнетущее впечатление все равно преследовало с самого порога. Центральный офис определенно служил демонстрацией силы Зауэра и его корпорации: посетитель, попадая в огромное фойе, оказывался один на один с гигантским механизмом, роль деталей которого исполняли здешние клерки. Люди бесконечным потоком стремились во все стороны, куда достигал взгляд визитера, всюду стоял назойливый гул, подобный беспокойному пчелиному улью. Форнхофт едва заметно поморщился. К нему вскоре подошел один из служащих и пригласил пройти к лифтам. Максимилиан сделал глубокий вдох и последовал за ним.

Зауэр вел дела в обстановке крайней, почти некомфортной аскезы. В огромном пустом кабинете с панорамным окном от пола до потолка стоял лишь широкий и массивный стол из темного дерева и два жестких стула — один для самого Зауэра, а другой для его собеседника. Зауэр сидел за столом, за ним водопадом скользил по окну дождь, и темный силуэт в неярком свете расположенных по периметру ламп казался еще одной жутковатой статуей. Служащий механически отрапортовал о прибытии Форнхофта, после чего поспешно удалился, оставив его с Зауэром наедине.

— Максимилиан, рад вас видеть, — нарушил молчание Зауэр, поднимаясь из-за стола и протягивая руку подошедшему Форнхофту. — Как вы добрались?

— Спасибо, Вильгельм, без происшествий, — ответил Форнхофт, пожимая руку. — Но, думаю, мы с вами слишком ценим время друг друга, чтобы обсуждать городские заторы.

Зауэр улыбнулся одним краешком рта, чуть-чуть обнажив белоснежные зубы. Его любимая гримаса — Максимилиан всегда подмечал ее на любом публичном мероприятии. Легкий, почти небрежный жест уверенного в себе хищника. Максимилиан не возражал — пусть будет хищником. Да и глупо отрицать, что на фоне Форнхофта он всегда смотрелся чрезвычайно выигрышно — был статен и высок, его чуть тронутые сединой волосы и аккуратная бородка всегда были подстрижены по последней моде, а очки в дорогой оправе придавали ему шарма, не скрывая при этом глубокие синие глаза, в которых неярко горел истинный свет.

Зауэр был образцом великолепного предпринимателя, и Форнхофт не собирался ему в этом отказывать. Особенно сейчас. Они подошли к расчерченному ручейками стеклу.

— О чем вы хотели поговорить, Максимилиан? — спросил Зауэр, словно невзначай смотря на Форнхофта сверху вниз.

— О ваших поставках, Вильгельм, — ответил Форнхофт, смотря ему прямо в глаза. Зауэр не выдержал и все-таки моргнул.

— И чем же вас заинтересовали мои поставки?

— Геометры не так давно заказали у вас крупную партию, не так ли?

— У меня, Максимилиан, регулярно заказывают крупные партии. Всех клиентов уж и не упомяну, не обессудьте.

— И все же, давайте предположим, что Геометры у вас действительно заказали крупную партию. У этой партии есть сроки поставки, как у любой другой, так ведь?

— Хорошо, давайте предположим. И чем же вам предположительно не угодили эти предположительные сроки?

— Скажем так, я бы с удовольствием узнал бы, если бы эта поставка предположительно произошла чуть раньше.

— Интересная у вас мысль, Максимилиан. Даже и не знаю, почему она могла вас посетить.

— Мы с вами, Вильгельм, те немногие светочные, которые решают проблемы нашего несчастного мира, — Форнхофт снова пристально посмотрел Зауэру в глаза, тот нахмурился.

— И вместе с тем, Максимилиан, мы с вами деловые люди. А такое неуважение к другим клиентам, пусть и сугубо предположительное, не очень-то хорошо для бизнеса, как мне кажется.

Форнхофт ждал этой фразы. Зауэр заинтересовался. Теперь оставалось лишь сторговаться с ним на наименее невыгодных условиях.

— Однако же, Вильгельм, мы с вами оба понимаем, что где-то в плюсе, где-то в минусе, разве нельзя нам с вами предположить, что это дело может подкинуть интересный для вас вариант?

Зауэр сощурился и снова улыбнулся своей странной ухмылкой-улыбкой, искривив рот и блеснув зубами.

— Знаете, Максимилиан, а ведь и правда, было бы весьма интересно и полезно, если бы кто-либо, возможно, присутствующий сегодня в нашем офисе, на очередном совете у кайзера успокоил бы нашего дорогого правителя насчет гипотетических поставок оружия, произведенного некоторой известной нам обоим корпорацией, в Гардвельд неназываемым третьим лицам в обход самого императора.

Форнхофт внутри себя скривился. Зауэр знал, куда бить. Это было не самое худшее предложение лично для Форнхофта, но самое лучшее для Зауэра. Кайзер уже несколько раз угрожал расторгнуть с ним контракты на армейские поставки из-за заигрываний Зауэра с рево-

люционерами в Гардвельде. Зауэр, как и любой неглупый светоносный, понимал, что скоро Годенбург подпишет сепаратный мир, Третий союз издохнет в корчах, после чего окажется, что война проиграна и покупать оружие у Зауэра никто не собирается. Его такой расклад, конечно же, не устраивал, поэтому Зауэру сейчас нужна была своя маленькая война наготове. Своеобразная страховка на случай непредвиденных обстоятельств.

— Что ж, Вильгельм, я думаю, что все возможно, особенно если вдруг окажется, что Геометры вдруг получили свой заказ, скажем, на неделю раньше назначенного срока. Там как раз и прием у кайзера будет под конец года, а ведь это время, когда сбываются самые сокровенные желания. Все возможно, Вильгельм, все возможно.

Зауэр снова неприятно искривил свой рот и сказал:

— Да, Максимилиан, приятно, что у деловых людей вроде нас с вами так часто сходятся мысли. Весьма удобно, не находите ли?

— Не буду с этим спорить, Вильгельм. Сейчас, увы, вынужден буду вас покинуть. Дела не ждут.

— Как вам будет угодно, Максимилиан, — Зауэр все же тактично скрыл свое ехидство, хотя Форнхофт все равно слишком хорошо его знал, чтобы питать какие-либо иллюзии на этот счет. Коротко пожав ему руку, Максимилиан поспешил прочь из до гулкости пустого кабинета.

Вечером того же дня Форнхофт, вернувшийся в свою высокую башню, задумчиво смотрел на карту мира под Завесой. Жадность Зауэра в долгосрочной перспективе могла прибавить проблем, особенно в Гардвельде. Пусть так. Проблемы Форнхофт решать умел.

Возвращение

Эфирный остров Храйсвельг искрился ледяными кристаллами, в которых ночами отражались эфирные токи, по странной прихоти небесной механики несущие в Хаурхейм холодные ветра. Относительно недалеко от Храйсвельга была Кетамадская снеговая линия, и ее даже можно было увидеть в ясную погоду — бесконечный танец коварных осколков.

«Сокол Империи» медленно выходил из оков причальной станции, осторожно двигаясь на реверсе. Уходящая громада открывала вид на «Дыхание севера». Дредноут Хеннингсена чуть-чуть качнуло, когда последний причальный захват отпустил «Сокола», и Лиам включил напоследок радиосвязь:

— Удачи, Аглая.

— Еще свидимся, — раздался в ответ приправленный хрипотцой радио голос Аглаи. — Постарайтесь все не грохнуться вместе с этой посудинкой.

«Сокол» отошел на безопасное расстояние, развернулся и дал полный ход, направившись куда-то в Вышний простор. По льдам Храйсвельга пробежали яркие искры.

— Ну, дозаправимся, загрузимся, можно будет и спускаться, — заметил довольный Хеннингсен, обращаясь к стоящим рядом Лиаму и Рейниру. Лиам согласно покачал головой, Рейнир промолчал. Он был все еще бледен и слаб, но лежать в постели ему уже опостылело, и он предпочел проводить Аглаю и «Сокол» с мостика. Так, по крайней мере, он сказал Лиаму.

«Не думай только, что он тебе поверил», — чужой насмешливый голос нахально раздался где-то в выстуженных чертогах разума Рейнира. Рейнир почти привычно его проигнорировал.

— Погода мне не очень нравится, — пробурчал Лиам, глядя на клубящиеся у горизонта плотные облака. — Скоро тут все затянет метелью, будет еще одна Завеса.

— Я руками поведу, — парировал Хеннингсен, сверкая истинным светом в глазах. — Это же просто рядовой спуск. Все попроще, чем межзавесные маневры на полной скорости. Бедняга Хельгесен в прошлый раз чуть без зубов не остался, когда мы дали свечку, так ему штурвалом прилетело.

— Вам еще счет не выставили за такой расход топлива? — добродушно хмыкнул Лиам в ответ. — Межзавесные маневры они устраивают...

«Что, чувствуешь себя чужим на этом празднике жизни?» — поинтересовался у Рейнира голос.

«Ничего я не чувствую», — отмахнулся от него Рейнир.

«Ну, как знаешь», — не стал спорить голос.

Взгляд Рейнира встретился с хмурым взглядом Лиамы. Лиам сочувственно покачал головой. Рейниру стало немного неуютно. Иногда ему казалось, что все внутренние диалоги он проговаривает вслух.

«Все возможно, все возможно», — встрял опять голос. Рейнир не удостоил его даже коротким ответом, предпочтя упрямо смотреть в далекое марево за бронированным стеклом мостика.

«Все думаешь, а не сходишь ли ты с ума?» — не унимался голос.

«Захлопнись», — бросил Рейнир у себя в голове, твердо решив игнорировать всякие новые реплики. Голос сделал вид, что обиделся.

Рейнир, погруженный в какие-то бесцветные мысли, не сразу услышал, как Хеннингсену кто-то доложил о том, что все готово к спуску под Завесу. Определенно прошло какое-то время, но Рейнир этого также не заметил. Он насилу оторвал взгляд от льда и разрастающихся облаков. Как и предсказывал Лиам, начиналась сильная метель. Хеннингсен лишь улыбался, явно предвкушая нескучное снижение. Пусть даже будучи полковником, он до сих пор не растерял юношеского запала.

— Рейнир, ты останешься на мостике? — потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что это обращался к нему Лиам.

— Да, хватит с меня смотреть в потолок в каюте, — он ведь точно это сказал вслух? Судя по тому, что Лиам остался удовлетворен ответом, все было в порядке. Рейнир облегченно выдохнул. Голос все еще считал себя обиженным, поэтому от комментариев воздержался.

— Экипаж на позиции, — это уже Хеннингсен волевым тоном отдавал по внутренней связи команды. — Подать сигнал на расстыковку.

С причальной станции пришел зеленый сигнал. Хельгесен, занявший привычное место за штурвалом, хрустнул пальцами и негромко бросил в коммуникатор:

— Ребята, отщелкиваемся.

Причальные захваты один за другим начали отпускать «Дыхание». Хельгесен включил реверс на малой тяге, слегка качнуло, и дредноут, подобно своему собрату «Соколу», начал пятиться, выходя в открытый Эфир. Хеннингсен и экипаж начинали пристегиваться ремнями, то же сделали и Рейнир с Лиамом, заняв пару свободных кресел, предназначенных для вспомогательного персонала, который сейчас не требовался.

Закончив процедуру отстыковки, Хельгесен развернул «Дыхание», и Храйсвельг уплыл куда-то вбок, краешком ледяных искр оставшись где-то по правому борту. Хеннингсен переглянулся с пилотом и отдал следующий приказ:

— Экипажу приготовиться. Выходим в чистый Эфир и начинаем снижение. Поныряем, господа.

Дредноут отошел от острова на достаточное расстояние. Вокруг теперь лишь кружила крупными хлопьями метель да бились о крепкий железный борт эфирные токи. Тот самый чистый Эфир.

— Ну, лишь бы не Сурту в задницу, — по привычке сказал на удачу Хельгесен и направил нос «Дыхания» вниз. Хеннингсен уже надел свой причудливый навигационный шлем, похожий на жуткий, искривленный череп мертвого и забытого бога. Окуляры озарились изнутри

истинным светом. Рейнир в первый раз задумался о том, сколько сил отнимает у командиров дредноутов каждая навигация сквозь Завесу.

Завеса никогда не была просто очень плотным слоем облаков, в таком случае не требовался бы опытный светоносный, чтобы летать сквозь нее. Это с земли она казалась лишь облаками, тогда как в Эфире Завеса представляла собой неостановимый калейдоскоп обрывков истинного света, эфирных токов, замершей во времени дождевой воды, летящего вертикально вверх снега, странных призрачных силуэтов невиданных зверей, пугающих картин будущего, туманных картин прошлого, надоедливых шепотов и чьего-то чувства вины. Завеса никогда не была просто атмосферным явлением — но чем именно была Завеса, никто до сих пор понять не мог. Теоретически координаты каждой точки в Эфире должны были совпадать с координатами какой-либо точки в мире под Завесой, иначе были бы невозможны все эти межзавесные маневры, которые так любил Хеннингсен. Но, насколько было известно Рейниру, это случалось не всегда, что вызывало еще больше вопросов. Более того, в некоторых местах Эфира вообще было невозможно прорваться вниз, что отчасти объясняло, почему при таком уровне авиации мир до сих пор не был изучен вдоль и поперек.

Обычно сквозь Завесу дредноуты летали в полуавтоматическом режиме, и большую часть рутинной работы выполняли исчислители, оставляя на откуп командирам и пилотам только корректировку курса. Но в сложных погодных условиях, которые неизбежно сказывались на Завесе, все опытные командиры предпочитали вести свои суда в ручном режиме, так, как делал это Хеннингсен. И только светоносные, пользуясь своим внутри истинным светом, могли уверенно вести дредноут сквозь фантаσμαгорию бушующей Завесы.

— Господа, окончательно покидаем Эфир, — голос Хеннингсена был немного искажен металлическим шлемом. — Тягу на маневровые двигатели, поползли аккуратно.

Рейнир хребтом почувствовал, как дредноут лишился надежной опоры эфирных токов и на мгновение ухнул в пропасть, но мощные двигатели быстро стабилизировали невообразимо тяжелую махину, превратив падение в полет. Вокруг уже начиналась Завеса — искристый туман, в котором начали мелькать странные образы. Голос в голове Рейнира что-то быстро прошептал словно бы сам себе. Рейнир не стал его переспрашивать. «Дыхание» несильно, но ощутимо затрясло. Будь это какой-нибудь глайдер, его бы трясло гораздо сильнее, а потом и вовсе бы разорвало на части. Ни одно эфирное судно легче дредноута Завесу преодолеть не могло.

— Хельгесен, пятнадцать вправо, — быстро сказал полковник, и дредноут покорно ушел вправо, оставляя по левому борту какой-то клубок электрических разрядов. — Держим курс пока.

Они еще несколько раз маневрировали, один раз что-то тяжелое ударилось о борт дредноута, сковав всех липким страхом. Но Хельгесен, не дожидаясь команды полковника, сбросил это нечто, и удушающий ужас миновал. Вскоре исчислители выдали предупреждение о скором выходе из Завесы. Хеннингсен даже немного подался вперед. Последний рубеж всегда был самым опасным элементом любого спуска.

Впереди разрасталась цветная паутина, словно бы воздух раскалывался, и сквозь трещины

пробивался бы чуждые миру цвета. Рейниру защемило сердце. На него нахлынула невообразимая тоска, захотелось плакать, выть, биться о стены. Молотом ударила в грудь перегрузка. Хеннингсен сдавленно прокричал:

— Маневровые на восемьдесят, основные на реверс, тормозимся!

«Дыхание» сдавливало, и Рейнир почувствовал, что силы покидают его.

«Держу тебя. Не бойся, мы с тобой не помрем», — вернулся вдруг голос. Стало действительно чуть легче.

Они вылетели из Завесы, и резкий удар снизу, будто бы дредноут с размаху приложился о что-то твердое, привел Рейнира в чувство.

— Мы так когда-нибудь помнемся, — проворчал Хельгесен, потирая ушибленное запястье. — Опять слишком резкая остановка, полковник. Может, стоит все-таки двигатели проверить?

— Не бойся, Хельгесен, не помнемся. Атмосферные условия просто удружили, — ответил Хеннингсен, снимая свой странный шлем. Полковник был вспотевшим, а вокруг глаз расплзались лиловые круги. Рейнир предпочел не думать, как Хеннингсен выглядел после межзавесных маневров. Они отстегнули ремни, и Рейнир подошел поближе к смотровому стеклу. Внизу расстилалась океанская гладь, а вскоре стало видно и темнеющий на фоне воды остров.

— Мы сядем в Геталейде, Рейнир, — к нему подошел Лиам. — Хельгесен тебя доставит до дома.

— Не надо, Лиам, — покачал головой Рейнир, смотря, как Синдвари становится больше и ближе. — Сам доберусь.

— Точно? — недоверчиво уточнил Лиам.

— Мы и так сажаем целый дредноут в Геталейде. Не хочу привлекать к себе внимание еще и в нашей глухомани.

Аэровокзал Геталейда, расположенный на одном из лавовых полей недалеко от города, был почти пуст. Несколько почтовых дирижаблей лениво покачивались на слабом ветру, пришвартованные к мачтам. Дюжина бипланов альдмаркского производства стояла у ангаров. Получив разрешение, «Дыхание» очень медленно опустилось на одну из трех площадок для дредноутов.

— Тебя проводить, Рейнир? — спросил Лиам.

— Вы разве не сразу улетаете?

— У нас с Хеннингсеном есть еще пара дел с местными Дозорными. Я их также предупрежу, что в случае чего свяжусь с тобой через их люминарный телеграф.

— Я здесь все еще координатор? — скептически поинтересовался Рейнир.

— Ты теперь везде координатор. Только инсигнию не потеряй, — Лиам ткнул Рейнира в грудь. Острый угол инсигнии неприятно врезался в кожу. — Если станет совсем немого, то

мы пробудем здесь до завтрашнего дня, я думаю. Прибегай, заберем тебя обратно в Эфир.

— А если все пойдет по плану, когда ты хотел бы, чтобы я вернулся к своим прямым обязанностям?

— Уже после Высокой полночи. Проведи хотя бы еще один Винтерльюз с семьей.

«Еще бы она захотела его со мной провести», — пробормотал про себя Рейнир.

«У тебя всегда есть я», — отозвался голос. Спорить с ним Рейнир не стал, только сказал вслух:

— Хорошо. В первый день нового года я вернусь в Геталейд. Только не забудьте прислать за мной хоть что-нибудь.

— Не бойся, не забудем, — Лиам пожал ему руку на прощание. Рейнир попрощался с командой дредноута и впервые за долгое время ступил на родную землю.

Поймав какую-то телегу, шедшую на хутор к его отцу, и изрядно напугав несчастного фермера своим грозным видом, Рейнир устроился рядом с ним и принялся наблюдать за наполовину заснеженным Синдвари.

Остров почти не менялся с самого его детства — жизнь здесь всегда была размеренной, подчас даже медленной. Теплые источники не давали зимам здесь особо бушевать, поэтому до сих пор побережье, вдоль которого пролегалa дорога, было свободно от снега — только черные пески, переходящие в поросшие мхом и невысокими кустарниками пустоши. Одно только донимало на Синдвари — бессовестный ветер, твердо решивший сдуть абсолютно все с этого острова. Фермер был тщательно укутан на такой случай, Рейнир же просто поднял воротник своего черного координаторского пальто — светоносным обычно хватало тепла истинного света внутри.

— Вы к нам с проверкой, господин кооператор? — бесхитростно поинтересовался у Рейнира фермер. Рейнир на секунду замешкался. Он так давно не слышал настоящую синдварскую речь, не переведенную ему логосом со множества других языков, что с непривычки даже не поверил. Кое-как подобрав слова, Рейнир ответил:

— Нет, я... Я жил здесь раньше. Недавно. Когда был моложе.

— Ничего ж себе! — искренне удивился фермер. — Никогда б не подумал, что из наших глухих краев могут такие важные люди быть. А неужели вы на хуторе Ингвара жили? Приходитесь ему кем, что ли?

— Я его сын, — с трудом сказал Рейнир. Фермер остановил телегу.

— Рейнир? Рейнир Ингварссон? Вот бывает же! А не узнать, ой не узнать вас, господин Рейнир, совсем непохожи на себя стали. Ох, обрадуется ж старый Ингвар, что вы вернулись!

— Я... Я на время. Служба не позволяет.

— Конечно, еще б она позволяла, кооператорам-то вообще сейчас несладко живется, думается мне.

Рейнир согласно кивнул, не найдя, что еще сказать фермеру. Он, наверное, даже знал, как

его зовут, но упрямая память не хотела выдавать его имя.

«У тебя вообще сейчас сложные отношения с именами», — голос был тут как тут. Рейнир и ему согласно кивнул.

Хутор отца не изменился за те годы, что Рейнир здесь не был. Только на крыше хозяйского дома положили новый дерн. Несколько кур лениво бродили по двору. Старый пес недоверчиво подошел к Рейниру, но, узнав знакомый запах, молча тыкнулся ему в ладонь. Рейнир потрепал его по голове и, набравшись храбрости, направился к дому.

Постучав два раза, Рейнир терпеливо дождался, пока ему откроют. Открыла Сигрюн, его младшая сестра. Увидев на пороге светоносного и не узнав Рейнира, она испуганно сделала шаг назад. Из соседней комнаты, услышав возню у дверей, вышел отец, почти полностью поседевший.

— Кого там принесло, Сигрюн? Эйвар, опять ты пришел просить в долг?..

Ингвар увидел Рейнира и осекся на полуслове.

— Здравствуй, отец, — проговорил Рейнир.

— Рейнир? Ты вернулся?

— Еслипустишь в дом.

— Да, заходи, конечно, — Ингвар все еще недоверчиво смотрел на Рейнира, его затменные глаза, черную форму, серебро инсигнии, рукоять магнитного клинка на поясе. Рейнир про себя горько усмехнулся. Так он это себе и представлял. Вместе с тем Сигрюн начала накрывать на стол. Ингвар с Рейниром присели у окна.

— Какими судьбами, Рейнир? — чуть в более мягком тоне спросил отец. — Я думал, что если стал светоносным, то все, с концами.

— Мне дали увольнительную, — нехотя ответил Рейнир. — А где мама?

— Поехала к Биркиру на хутор за чем-то там. Вернется завтра к вечеру, наверное.

Пили чай молча. В доме тоже мало что менялось, только появились какие-то новые вещи. Наверное, Сигрюн привезла. Отец что-то хмурился, бормотал себе под нос. Рейнир лишь поглядывал в небольшое окошко. За окошком была синдварская идиллия.

— Мы тебе гостевую дадим, не обижайся уж, — прервал неуютное молчание Ингвар. — Твою-то мы переделали теперь, там мама теперь прядет. Все ж шесть лет прошло.

— Да, конечно, отец, — кивнул Рейнир. — Спасибо.

— Вещи-то твои детские мы не выбросили, если что. Они там в коробках лежат. Вдруг что понадобится.

— Хорошо, отец, я посмотрю.

После чая Рейнир действительно решил проведать свою бывшую комнату. Здесь теперь мало что напоминало о нем — мама и правда все перестроила под себя. Посередине стоял большой прядильный станок.

«Дом уже не дом мой», — подумал Рейнир. Он почему-то подумал, что голос обязательно захочет позлорадствовать по этому поводу, но голос молчал. Оказавшись в до боли знакомом окружении, Рейнир ощутил лишь всепоглощающее отчуждение. Он был отсечен от него — временем, местом, безжалостной стеной света. Он мог с точностью спроецировать образ, отпечатанный в его памяти, на это помещение, но это уже никогда не будет его комнатой. Здесь не осталось ничего.

Рейнир подошел к сложенным в углу коробкам, на которых было выведено «Рейнир». Вся его человеческая жизнь уместилась всего-то в один угол.

Открыв первую коробку, он нашел там вперемешку его детские игрушки, какие-то конспекты университетских времен, какое-то поцарапанное и потускневшее колечко, которое он, кажется, хотел подарить Мист, свои наивные детские рассказы в порванной тетради, несколько открыток, на обратной стороне которых можно было найти два разных почерка, но одну и ту же фразу, детский рисунок Маргейра, его школьного товарища, над которым Рейнир очень долго смеялся, самодельный шейный платок, который Рейнир очень хотел носить, будучи в старших классах, но так и не научился его правильно завязывать, и еще много, очень много того, что когда-то было Рейниром Ингварссоном. Старые, несчастные и далекие вещи.

Рейнир подавил ком в горле и закрыл коробку, после чего подумал, что сущность ностальгии обычно воспринимается немного ошибочно, поверхностно. Ностальгируют, как водится, по старым добрым временам, по любимым детским игрушкам, по давним друзьям. Но если задуматься, то окажется, что, предаваясь ностальгии, мы скучаем не по временам, не по предметам и даже не по людям. Мы скучаем по своим ощущениям. Мы скучаем по нам самим. И координатор Рейнир Ингварссон скучал сейчас по беззаботному парню Рейниру с хутора Ингвара Сигмундссона, что близ Геталейда.

Пройдя назад в столовую, Рейнир снова поймал на себе взгляд отца.

— Ты специально сегодня вернулся? Ну, хм, чтобы Сигрид навестить? — спросил Ингвар немного смущенно. К своему стыду, Рейнир только в этот момент вспомнил, что сегодня действительно годовщина.

— Нет, — честно ответил он отцу. — Так просто совпало. Но ты прав. Мне стоит ее навестить.

Небольшой холм, на котором располагалось общее для нескольких окрестных хуторов кладбище, оказался немного дальше, чем Рейнир помнил. Могилу Сигрид он помнил гораздо лучше. Она всегда любила море, и место специально подобрали так, чтобы открывался захватывающий вид на океан.

Рейнир коснулся холодного могильного камня, местами поросшего мхом. Хороший знак, значит, Молчаливые боги ее приняли. Рейнир сел рядом с могилой и посмотрел на горизонт. Горизонт, скрытый синеватой дымкой, отличался от дурманящего цветного танца в Эфире и внушал покой. Покоя Рейниру точно последнее время очень не хватало.

Когда он увидел боковым зрением, что к могиле подошла еще одна фигура, Рейнир почти не удивился. Сигрид была одной из лучших. Умной, талантливой, очень веселой. Ей прочили

блестящую научную карьеру, и Рейнир до сих пор считал, что он ей никогда в подметки не годился, хоть Сигрид и отшучивалась насчет этого. Сигрид любили. И Сигрид помнили.

— Простите, я вам не помешаю? — голос был Рейниру знаком. Он поднялся и обернулся. Ее он в глубине души хотел бы увидеть, но все-таки не ожидал, что так все совпадет.

— Конечно нет, Мист. Это я мог помешать тебе. Ты, наверное, хотела бы побыть с Сигрид одна.

— Рейнир? Это ты?

Рейнир молча кивнул. Мист стала чуть более уставшей, но не менее красивой.

— Тебе идут длинные волосы.

— Что ты здесь делаешь, Рейнир?

— То же, что и ты. Отец сказал, что сегодня годовщина. Я, признаться, почти что забыл.

— Но ты же... Ты же стал светоносным? Разве тебе не место там, наверху?

Рейнир грустно улыбнулся:

— Я уже не знаю, где мне место, Мист. Так получилось, что сейчас я здесь. Место ли мне здесь? Не знаю. Я пойду, наверное.

— Ты же хочешь остаться.

— У светоносных мало прав говорить «хочешь», Мист.

— Поговорим?

— Хорошо, — Рейнир почувствовал себя виноватым, что напросился на беседу. Они с Мист подошли ближе к краю холма. Рейнир спросил:

— Как ты живешь?

— Нормально. Переехали с мужем в новый дом в этом году. Чуть дальше от центра, чем хотелось, но район очень уютный.

— Я хотел бы перед тобой извиниться, раз уж...

— Забудь. Я забыла, и ты забудь. Я тебе слишком много позволяла, ты себе слишком много позволял. И ты, и я из этой истории что-то да вынесли. Все мы совершаем ошибки, Рейнир. Но надо двигаться вперед.

— Надо.

Они постояли молча какое-то время, после чего Мист спросила:

— А ты слышал что-либо об Ари?

— Ари? — переспросил Рейнир. — Нашем Ари?

— Да. Вдруг ты о нем что-то слышал. Его же призвали, как раз в последнюю мобилизацию, когда всех почти брали. Муж мой чудом просто избежал, спасло то, что был на госслужбе. До нас ведь почти не доходят вести о ходе войны. Мы сами их не хотим, наверное, но я вот даже

не знаю, что там с Ари.

— Прости. Я... Я координатор, я почти не занимаюсь делами, которые не касаются светоносных. Я даже не знал, что он сейчас на фронте.

Мист понимающе кивнула, после чего сказала:

— Подумать только, как все поменялось. Всего-то ничего времени прошло вроде бы. Лет шесть, верно? И спустя шесть лет ты светоносный, Ари где-то на фронте, и никто не знает, жив ли он, а Сигрид лежит здесь. И меня такой иногда ужас охватывает, стоит мне только об этом задуматься.

Она вздохнула, после чего продолжила на чуть более оптимистичной ноте:

— Хотя ты мало изменился за эти годы. Только сейчас заметила.

— Я вообще теперь мало меняюсь. Как консервированная селедка, — ответил Рейнир.

— Только не начинай так же пахнуть, и все будет нормально, — улыбнулась Мист. — Какое это?

— Быть светоносным? Одиноко, я думаю. И немного фаталистично.

— Фаталистично? Почему?

— Мы все знаем, как закончится наша жизнь, Мист. Рано или поздно мы должны будем изречь Имя логоса внутри нас. И тогда от нас не останется ничего. Будет только Имя.

— И ничего с этим нельзя будет сделать?

— Увы, нет. Мы заложники обстоятельств.

— Ну, пока жизнь не закончилась, давай просто попробуем ей немного насладиться, — сказала Мист, после чего повернулась к океану. Бриз развеивал ее длинные волосы. Рейнир снова посмотрел куда-то за горизонт.

«Ты не заложник обстоятельств, Рейнир. Ты заложник самого себя», — напомнил Рейниру голос.

Рейнир не стал с ним спорить.

Пустой дом

Адам ждал недалеко от моста, сырой громадиной нависавшего над умирающими домами, за одной из полуразвалившихся лачуг у самого берега болота. Эти дома постигла незавидная судьба: оставшиеся на рубеже старого и нового, мертвого и живого, они медленно угасали, теряя жившие в них семьи и бессильно сдаваясь подступающей воде. За мостом Институт едва проступал сонным колоссом в утренней стене дождя, немногие его освещенные окна подслеповатыми глазами глядели куда-то в невидимый город. Спустившись к берегу, Ольшанский легко обнаружил единственную темную фигуру, рассеянно бродившую туда-сюда в дымчатом полумраке.

— Утро, Адам, — сказал Ольшанский, приближаясь. — Долго ждешь?

— Тридцать семь минут и двадцать одну секунду, — отозвался Адам. — Недолго. Готов?

— Готов, — ответил Ольшанский. — Ты уже прикинул, что могло бы привлечь Полюнь? Какие места нам нужно проверить в первую очередь?

— Даже в моменты прояснений она редко пересказывала свои видения, но по ее рисункам я предположил, что ее очень сильно интересовала Завеса и Эфир. Регулярное указание на некие бесконечные звезды, опять же. И темные фигуры, которые регулярно появлялись в ее рисунках, всегда находились в небе. На основании этого я предположил бы, что ее в первую очередь заинтересовали бы места, связанные с этими темами. Я из таких мест здесь знаю только Институт.

— Институту запретили изучение Завесы и Эфира после гибели Старого Людлина, — покачал головой Ольшанский. — Но есть еще минимум одно такое место. Старая обсерватория. Часть комплекса ушла под воду, когда затопило ту часть города, но кое-какие здания до сих пор остались. Я никогда не был внутри, поэтому не могу сказать, в каком они состоянии, но если где-то и остались еще архивные записи об исследованиях такого рода, то только в тех руинах.

— Этот комплекс далеко отсюда?

— Около часа пути, если не пользоваться городским транспортом. Идем?

— Веди.

Утренний Людлин был тих и пустынен, а дождь скрывал два высоких силуэта от немногих прохожих. В праздничные выходные жители предпочитали тепло и уют своих домов промозглым предзимним рассветам. Несмотря на дождь, рассвет сегодня действительно можно было разглядеть, тощим и бледным багрянцем он карабкался из-за горизонта, едва-едва расцвечивая пустые улицы.

Старая обсерватория когда-то располагалась на нескольких холмах в северо-восточной части города, и поэтому многие ее здания не ушли под воду. Следы разрушения на них снова заставляли задуматься об истинной причине гибели Старого Людлина, но местные жители не очень хотели о ней думать, поэтому старую обсерваторию старались обходить стороной. Дома вокруг, подобно тем, что оставались еще у моста Института, тоже давно были расселе-

ны и заброшены, а новый город старательно игнорировал окрестности обсерватории, отворачивая улицы прочь.

Главное здание обсерватории почти полностью обвалилось, но несколько корпусов поменьше все еще были относительно целы, хоть и несли на себе сильные следы неухоженности и запустения. При приближении маров из одного навстречу им выбежала стая собак, но почуввав запах, собаки испуганно шарахнулись в сторону. Ольшанский остановился у остатков ограды.

— Прибыли, — негромко сообщил он Адаму. — Будем разделяться?

— Хоть зданий и несколько, я бы предпочел, чтобы мы держались вместе на этот раз. Нужно исходить из предположения о том, что Полюнь действительно могла укрыться где-то здесь. В случае приступа в одиночку ни ты, ни я ее остановить не сможем.

— Замечу, что и вдвоем шансы совладать с ней повышаются незначительно.

— Но повышаются. Кроме того, местность мы оба до конца не знаем. Давай не рисковать.

— Разумно. Тогда какое из зданий выбираем?

Адам задумался, после чего указал на дом справа от них:

— Выглядит целее остальных. Лучше подходит на роль укрытия.

Перебравшись через то, что когда-то было забором, Ольшанский и Адам направились к стоявшему чуть поодаль от прочих корпусов небольшому одноэтажному зданию. Неторопливо преодолев грязь и лужи вокруг, Ольшанский осторожно толкнул дверь. Ржавые петли опасно закрипели, но дверь поддалась, и Адам скользнул внутрь.

— Чисто, — сказал он, осмотревшись. — Похоже, это просто пустой дом.

— Бывший кафетерий обсерватории, — добавил Ольшанский, изучая останки мебели и столов. — Или что-то вроде. Всяческие термины слишком быстро сменяют друг друга, чтобы с уверенностью говорить, как называли это заведение его посетители.

Полы черного плаща Адама то и дело поднимали лежащую пыль. Крыша действительно была цела, и дождь остался где-то снаружи. Через разбитые окна дул слабый холодный ветер. Не найдя никаких следов Полюни, Адам с легким разочарованием признал:

— Только пустой дом. Нужно искать ее где-то еще. Предлагаю быстро проверить оставшиеся здания и уходить.

Ольшанский хотел было уже согласиться с Адамом, но его внимание привлек какой-то отсыревший и полусгнивший журнал на одном из столов в углу. Аккуратно взяв его, Ольшанский с некоторым трудом разлепил несколько страниц. Адам подошел ближе.

— Что у тебя?

— Какой-то журнал или книга, — Ольшанский задумчиво перевернул страницу в надежде найти хоть один участок, который все еще можно было прочитать. — Возможно, чьи-то личные записи.

— Есть что-то интересное? — Адам с интересом заглянул в журнал. Ольшанский хотел было уже отрицательной покачать головой, но тут его взгляд упал на уцелевший обрывок фразы.

«..., и это доказывает, что Институт был прав, они существуют», — сообщала сохранившаяся запись.

На этой же строчке на полях чернила плыли, но Адам, зная, куда смотреть, без особого труда увидел кое-что знакомое — шесть темных фигур.

Выстроившись в ряд, их размытые силуэты ехидно намекали марам, что для них все только начинается.

Черные пески

Рейнир полулежал, чуть прикрыв глаза и вытянув ноги, на одном из больших валунов, раскиданных по побережью какой-то природной причудой, и наблюдал, как неторопливо падает серыми хлопьями снег. На Синдвари окончательно пришла зима, превратив остров в царство черного и белого. Рейнир уже и забыл, как это бывает, когда день ото дня за окном все меньше цвета и все больше тишины. На берег лениво накатывали ледяные волны, омывая безразличные ко всему черные пески. Рейнир наблюдал.

Он все-таки не воспользовался предложением Лиама, оставшись на родине. Ничего лучше черных песков Синдвари еще не придумали, чтобы отрешиться от всего вокруг. Почти лишенная цвета узкая полоска между ветром и океаном, прекрасное царство свободы и от мира, и от себя. Раньше Рейнир подолгу гулял вдоль побережья, у самой кромки полотна, что упиралось в линию горизонта, где вода и небо смыкались наконец ехидным прищуром. Сейчас он предпочитал просто устроиться поудобнее и наблюдать, как волны приходят и уходят, оставляя за собой горизонт. Подобно многим светоносным, Рейнир большую часть времени считал, что он не живет, а просто следит за развитием собственной жизни.

— О чем думаешь, Рейнир? — спросил его собственный голос.

— Возьми да посмотри, — ответил Рейнир тем же голосом. — Я сегодня не особо настроен говорить.

— Как хочешь, — голос стал чуть ниже. — Хотя я и так знаю, что ты по-прежнему никак не можешь забыть о той интересной даме.

Рейнир ничего не ответил, только задумался, а не слишком ли быстро он привык разговаривать с самим собой разными голосами. Голос, если и прочитал эту мысль, предпочел оставить свое мнение при себе. Рейнир закрыл глаза. Снова вспомнилось одно из стихотворений Ивинской, услышанное словно бы целую жизнь назад на вечере у Скорби.

*Рассеялась пыль в черноте чулана,
По контурам растеклась.
Нагая весна пробежала ланью
И оседала в нас.
Ты всюду бывал, ты давно изучен,
Выращенный, разбуженный.
Далекое имя звучит невуче
Теплым, пустым оружием;
Путь застывает рекой горячей,
Холодным кружесом.*

*Ты становишься прост у благого дома,
Прозрачен, оберегаем.
Даже смерть, рисуясь в твоей ладони, —
Кроткая, ледяная.
И этот незрячий и смуглый угол
Ты обживешь. Веками
Внимая развязке, отпустишь руку
И сам обратишься в камень.
И деревья вослед уходящей вьюге
Ветвями качнутся к краю,
Едва дыша, говоря друг с другом,
Не умолкая.*

Что-то в этом стихотворении будило в Рейнире смутное чувство тревоги, словно бы перед ночной грозой или сильным штормом. Координатор снял с пояса рукоять магнитного клинка, свою послушную карманную смерть, рассеянно повертел в руках. Что-то в мире было не так, и дело было даже не в войне, состоянии, увы, привычном для Круга Имен. Больше Рейнира беспокоило то, что происходило на фоне этой войны.

С одной стороны, в Эфире начали происходить с удивительной частотой и регулярностью те самые провокации Безымянных. Да, сами по себе провокации никогда не являлись чем-то из ряда вон выходящим, в конце концов, это же Безымянные, однако прежде всегда можно было понять, какие цели преследовали те или иные нападения. Сейчас же загадочные наемники в серебряных масках с очень качественным оружием нападали на, казалось бы, совершенно разных светоносных и без всякой видимой цели. В том, что нападения были связаны, Рейнир и Лиам не сомневались, но связь эта терялась где-то в хитросплетениях интриг и эфирных токов. Была, конечно, надежда, что Лиам что-то узнает при помощи аналитиков Бюро, но почему-то Рейнир был уверен, что даже Бюро на сей раз будет бессильно.

И вместе с тем каким-то совершенно удивительным образом и очень быстро стала популярной эта молодая поэтесса из Гардвельда. Ее стихи звучат везде, на всех языках, ее приглашают на званые вечера сами Старшие Имена. Что такого особенного в этой девушке? Почему ее стихотворения так въедаются в память? Почему именно она?

— Ты задаешь себе вопросы, на которые нельзя получить ответ, если продолжать лежать на холодном черном берегу, — резонно заметил голос.

— Дело не в ответах, — парировал Рейнир. — Дело именно что в вопросах. Сколько песчинок на этом берегу? Подсчитать это точно вряд ли получится, следовательно, ответ на этот вопрос почти наверняка не будет найден. Но разве это делает ненужным сам вопрос? Спрашивая себя, сколько песчинок на этом берегу, человек может изобрести новую систему счета, например. И пусть это не даст ответа на вопрос, пользу это принесет.

— Ты забываешь, Рейнир, что это принесет пользу только в том случае, если так будет угодно какому-нибудь Имени. Проблема познания вашего мира не в его принципиальной непознаваемости. Проблема познания вашего мира в том, что его познаваемость зависит от того, в чьих руках определяющие его Имена.

— Значит, мы просто должны научиться задавать правильные вопросы, — твердо сказал Рейнир, открывая глаза и поднимаясь с камня. Отряхнувшись от снега, он размял ноги и пошел прочь, оставляя свежие следы в черно-белом царстве вокруг.

Черные пески побережья, припорошенные свежим снегом, молчаливо провожали его темную фигуру в надвигающихся сумерках, оставаясь покорно ждать тех самых правильных вопросов.

Диалоги: двое с Синдвари

С моря дул привычный ветер, разнося по заснеженному городу обрывки газет и мятых листовок. Горожане спешили во все стороны. Звенел приближающийся трамвай. Шумел порт. Скорый вечер опускался со стороны океана, укрывая небо полосами тонущего где-то в Завесе далекого заката. Зажигались многочисленные фонари, добавляя зимней синеве теплых оранжевых оттенков. В Кенингстеде заканчивался еще один день.

В припортовом трактире «Достоинство рыболова» становилосьлюдно. Служащие порта любили заглянуть сюда после трудового дня, перекинуться парой-тройкой слов с могучим трактирщиком Эрнестом, которому трактир достался от дяди, пропустить кружку-другую пива, поговорить о море, о войне и о зиме.

Отстраняясь от этого шумного действа, у небольшого окна, выходящего на засыпанную и заспанную тихую улочку, сидели за столом двое — один был уже немолод, наголо брит и носил густую темную бороду, в которой проглядывала легкая седина, второй выглядел несколько моложе, волосы медного оттенка собраны были в косу, а острые углы скул резали неосторожные взгляды на бледное и гладко выбритое лицо. Даже язык, на котором они говорили, отделял их от прочей публики: торопливый альдмаркский вокруг не обращал внимание на неспешную синдварскую беседу. Только Эрнест не забывал о своих гостях:

— Хведрунг, Эйнгинн, еще по одной?

— Спасибо, Эрнест, у нас еще есть, — ответил бородатый по-альдмаркски. Эрнест кивнул в ответ. Бородатый вновь обратился к своему собеседнику, переходя обратно на синдварский:

— Долго мы еще будем торчать в Кенингстеде? Тебе удалось вчера выяснить, где она?

— И да, и нет, — рыжий устало потер лоб. — Это точно Безымянный город, но даже ты, я полагаю, не забыл, насколько велик этот хренов лабиринт. Искать ее там наобум — гиблое дело.

— Если она действительно пророк, то это не мы будем ее искать, а она сама найдет. Законы небесного свода... С ними шутить не выйдет. Впрочем, это не отменяет того факта, что нам нужно попасть в Эфир. Из этого следует, что нам нужно сначала попасть на дредноут, — бородач многозначительно поднял палец к небу. — И вот с этим что-то пока большие проблемы.

— Можно попробовать все-таки дожидаться гражданский грузовик, это было бы безопаснее. В Эфире уже как-нибудь бы разобрались, — заметил рыжий. — Пробраться на боевой будет в разы сложнее. Но в одном ты прав, Дозорные сейчас так или иначе контролируют все межзавесные перемещения на территории Унии, и на любых их судах ни ты, ни я желанными гостями не будем.

— Я бы не стал списывать со счетов еще и тот факт, что истинные размеры сети, раскинутой Судиями, никому неизвестны. Вот уж с ними нам точно до поры связываться не стоит.

Рыжий посмотрел на теплое пятно фонаря в сонливой синеве за окном. Выражение его лица сменилось на какое-то задумчиво-печальное, чего прежде почти не бывало.

— А может, лучше не будет? — спросил он.

— Что ты имеешь в виду? — недоуменно поднял бровь бородатый.

— Ну, даже если нам удастся довести дело до конца, и придет новое поколение Судий, где гарантии, что оно будет лучше? Разве это поколение было изначально злонамеренным? Почему следующее должно быть лучше?

— Это... это так не работает. Когда приходит новое поколение, их суд — это во многом реакция на деяния прошлого поколения. Подведение итогов. Попытка избежать ошибок. Ведь каждое новое поколение рождается в мире, созданном теми Старшими Именами, которые были выбраны их предшественниками. И если нынешнее поколение Судий решило, что при них Война и Скорбь должны быть среди Старших Имен, то это не проявление их злого умысла. Это их суд. Это их приговор — миру, людям, Именам.

— Но сейчас же они уж точно руководствуются злым умыслом! — рыжий взмахнул рукой, чуть не опрокинув кружки.

— В этом я не спорю с тобой. Но их злой умысел сейчас заключается лишь в том, что они препятствуют обновлению. Новый пророк в Круге Имен — верный знак необходимости изменений. Но в том, что они избрали именно такие Старшие Имена, нынешних Судий нельзя винить. В конце концов, они лишь судят, а формируют мир сами Имена — все они, каждое Имя и *каждое имя*, оказывают свое влияние, в большей или меньшей степени. Поэтому не стоит бояться прихода нового поколения. Нужно сделать так, чтобы оно пришло в достойный мир.

— Знаешь, эта задача теперь кажется мне еще более безнадежной, — невесело отозвался рыжий. — Но решимость довести дело до конца во мне только укрепилась.

— Это нас возвращает к проблеме поиска дредноута, — отметил бородатый.

— Вот эта задача менее безнадежна, — рыжий впервые за долгое время отхлебнул из кружки. — Я что-нибудь придумаю.

Бородач лишь молча ему кивнул и посмотрел в окно. Его едва заметное отражение раздраженно полыхнуло ему в ответ расплавленной сталью в глазах. Бородач нахмурился и отвернулся, оставив в стекле лишь послушную темноту, заступившую на свою вахту.

Так к концу подошел еще один день в Кенингстеде.

Январское небо

Последние дни тысяча девятьсот четырнадцатого года пролетели для Рейнира Ингварссона незаметно. Найдя умиротворение в размеренном ритме жизни на хуторе своих родителей, он почти не следил за тем, как декабрь сначала перевалил за середину, а затем начал стремительно заканчиваться. Первый за долгое Винтерльюс, проведенный с семьей, тоже не стал событием. Если сначала Рейнир переживал, что ему больше нет места в старом доме, то впоследствии статус гостя оказался ему даже на руку — и координатор предпочитал проводить время в тишине и уединении. Как и предсказывал Лиам, смена обстановки действительно в некотором смысле положительно повлияла на Рейнира. Пришло умиротворение. Затянулись полученные на Эгерии раны, оставив лишь тонкие бледно-розовые следы. Единственным, что по-прежнему тревожило координатора, оставался голос, но даже он словно бы заскучал, присмирел и редко удостаивал Рейнира своим вниманием.

Меж тем настала Высокая полночь, и новый год вступил в свои законные права, хотя жители Синдвари праздновали к тому времени уже третий день, выйдя на массовые гуляния аккуратно после сообщения о разгроме войск Годенбурга под Стольстадом. Конец войны, похоже, был действительно близок, и даже на далеком Синдвари этой новости не могли не радоваться. Рейнир, почти не разбирающийся в политике мира под Завесой, мог только рассеянно соглашаться с доводами радостного отца о том, как эта победа поможет Унии. Хотя дело было, конечно же, не в чьей-то там победе или поражении. Мир настолько устал от войны, что сам факт ее окончания — пусть хотя бы на время — был уже поводом для празднеств.

Ранним утром первого января тысяча девятьсот пятнадцатого года координатор Рейнир Ингварссон коротко попрощался с родней и отправился пешком с хутора своего отца Ингвара Сигмундссона в город Геталейд на северном побережье Синдвари, повторяя свой путь шестилетней давности. Он шел по дороге, скользящей вдоль черного берега, и на его черных одеяниях оседал слабый снег, гонимый неустанным ветром.

— Вернешься еще когда-нибудь? — поинтересовался у него голос.

— Сюда — вернусь, — ответил ему Рейнир. — К отцу — вряд ли.

— Скалы и ветер тебе милее тепла родного дома?

— Мой дом — Эфир, как и твой, — отмахнулся Рейнир. — И там окажемся гораздо быстрее, если ты перестанешь болтать почем зря.

— Когда ты уже поймешь, что постоянно пикироваться со мной совершенно бессмысленно? Я — это ты.

— Я — это я.

— Софистика, — презрительно бросил голос, но замолчал.

Рейнир достиг Геталейда ближе к полудню, и город к моменту его прибытия уже медленно просыпался и возвращался к привычному ритму. Невысокие здания не закрывали горизонт, и громада дредноута на аэровокзале была заметна издалека. Лиам слово держал.

На «Дыхании севера» были заметны несколько новых следов попаданий, а местами об-

шивка была сильно помята. Не было ли это следствием очередных межзавесных маневров Хеннингсена? Похоже, дредноут принимал активное участие в том, чтобы приблизить завершение войны, особенно раз ни Лиаму, ни Рейниру он не требовался. Поднявшись на борт, Рейнир заметил некоторую суматоху. На дредноуте впервые царила атмосфера всепроникающей тревожности. Координатора это несколько удивило, но он решил пока не делать поспешных выводов.

На мостике полковника он не застал, но зато там были Лиам, еще один координатор, а также третий светоносный в форме Дозорных. Лиам, заметив Рейнира, жестом показал ему идти к ним.

— Координатор Рейнир Ингварссон, — представил Лиам его другим светоносным. — Координатор Александр Падубский, капитан Высокого отряда Эйнар Бьернссон. Господа, если не возражаете, мы оставим вас ненадолго, мне нужно ввести Рейнира в курс дела.

Отойдя к иллюминаторам, Лиам устало потер лоб и сказал:

— Есть, как водится, две новости, плохая и очень плохая. Начну с очень плохой. Пока тебя не было в Эфире, отношения между фракциями обострились до предела, на моей памяти такого еще ни разу не случалось. Почти все координаторы Бюро занимаются теперь только дипломатией, пытаюсь удержать всех от прямого конфликта. Я-то надеялся, что с завершением войны под Завесой мы хотя бы сможем нормализовать обстановку и всерьез заняться Безымянными и их участвовавшими нападениями, но сейчас о таком даже мечтать не приходится.

— Поэтому здесь Дозорный?

— В том числе поэтому. Эйнар один из самых трезво мыслящих капитанов в Дозоре, мы с Александром пытаемся его убедить придержать отряды, находящиеся в Хаурхейме, пока обстановка не станет менее взрывоопасной. Сам же знаешь, даже один отряд Дозорных может навести такого шороху, что даже слухи об их перемещении куда-либо могут еще сильнее дестабилизировать положение. Бюро очень надеется, что сможет удержать Дозорных, тем самым успокоив Орден — с ними, как сам понимаешь, сложнее всего, на них еще давит горечь грядущего поражения в войне.

— В общем, как я понял, вы хотите рассадить фракции по углам и держать их там, пока не успокоятся?

— Именно, — Лиам вздохнул. — Но у нас вряд ли это получится. И так мы плавно переходим к плохой новости. Аналитики выяснили, что такое «Цвета тишины». Такое название носит закрытый женский клуб, в котором состояла Леруа. Похоже, она либо считала, что следующей целью серебряных масок будет кто-то из клуба, либо полагала, что кто-то из состоявших в нем дал наводку на нее. Публичных списков клуба нигде нет, конечно же, но кое-что все-таки удалось узнать, наши аналитики свое дело знают. Конкретно нас в их выкладках интересует то, что в нем состоит наша старая знакомая герцогиня Соммервальд.

— И почему эта новость плохая? Мы же вроде как продвинулись в расследовании.

— Плохая она из-за того, что нам придется договариваться с герцогиней. Или, что более ве-

роятно, торговаться. Если бы не настоящее положение дел, я бы давно воспользовался всеми правами, которые дает мне инсигния, и попросту допросил бы ее. Но если Бюро будет сейчас злоупотреблять своими возможностями, нас быстро запишут в еще одну сторону конфликта, поэтому мы с тобой пойдем сложным путем и воспользуемся дипломатическим подходом.

— Понял. Когда слетаем ее навестить?

— Ты слетаешь. Потому что наши драгоценные аналитики по-настоящему знают свое дело. Они раскопали кое-что и по «январским ивам». Если наши сведения верны, так должен называться сборник Дины Ивинской, той самой сверхпопулярной поэтессы из Гардвельда. Название сборника и авторство произведений в нем хранится в строжайшем секрете, напрямую связать его и Ивинскую почти невозможно. Я хотел бы с ней побеседовать. Узнать, почему узнать подробности личной жизни императора проще, чем выпечить название ее книги. И почему из-за ее книги убивают людей.

Рейнир хотел было что-то возразить, но голос ответил раньше:

— Когда начинаем?

— Как только Хеннингсен разберется с приказами командования. Едва окажемся в Эфире, бери глайдер и Хельгесена, лети к Соммервальд. Заявляться к ней с целым дредноутом как-то невежливо.

— Что делать, если она откажется? — это уже Рейнир вернул контроль над диалогом.

— Лучше бы, чтобы не отказывалась. Строй коммуникацию на том, что нас не интересует, кто и чем занимается в этом клубе, нас даже не интересуют имена. Все, что нам нужно знать, — почему Леруа упомянула клуб перед смертью. Намекни на то, что им всем может грозить опасность. Если совсем ни в какую, возвращайся в Бюро и лишний раз не отсвечивай. Пока все не уляжется, не стоит делать резких движений.

— А оно уляжется? — недоверчиво поинтересовался голос, и Рейнир внезапно был с ним согласен.

— Не знаю, Рейнир, — покачал головой Лиам, всматриваясь в заснеженный остров за окном. Свет в его глазах оставлял блики на стекле. — Но очень надеюсь.

Хеннингсен вернулся ближе к вечеру, растрепанный и злой, после чего сразу отдал приказ взлетать. Координаторы и Эйнар сидели в кают-компании и без особого энтузиазма перекидывались в айры, почти не разговаривая. Вскоре начали подъем, и раздраженный голос полковника велел всем пристегнуться по внутренней связи.

Когда «Дыхание севера» поднялось над Завесой, в Эфире горел раскаленным вольфрамом пронзительный зимний закат. Закончив партию, Лиам и Рейнир пошли на мостик, где уставший полковник отдавал какие-то короткие и жесткие приказы. Холодно зато поздоровавшись с Рейниром, Хеннингсен позвал Хельгесена и сказал тому готовить глайдер.

— Что-то полковник не в духе, — шепнул Рейнир Лиаму. — Ему что, хвост накрутили?

— Полагаю, у него пытаются забрать командование, — ответил Лиам. — Мы летаем на «Дыхании» потому, что Бюро заключило договор лично с Хеннингсеном, а не с Королев-

скими военно-воздушными силами. У командующих дредноутами очень интересный юридический статус: с одной стороны, они, как светоносные, могут принимать самостоятельные решения во всем, что касается Эфира, с другой же стороны, они остаются офицерами своих государств и должны подчиняться их приказам. Если у «Дыхания» поменяется командующий, договор с Бюро на использование дредноута в операциях координаторов потеряет свою силу. Мы останемся без транспорта.

— Дозорные пытаются усилиться?

— Возможно. Поэтому я и Александр будем и дальше обрабатывать Эйнара, чтобы убедил других сидеть ровно и не дергаться. Если Орден узнает, что Дозор стягивает дополнительные суда, нервы у него не выдержат. А нам этого не хотелось бы.

— Будет большая кровь, — пробормотал голос.

— Именно, — согласился Лиам. На мостике тем временем снова появился Хельгесен. — Иди, Рейнир. Пора.

— Удачи, Лиам. Надеюсь вскоре к тебе присоединиться.

— И тебе удачи, Рейнир. Теперь совсем уж настоящий координатор.

— Похоже на то, — улыбнулся Рейнир.

Эфирная резиденция герцогини Соммервальд располагалась на небольшом острове Унди-на в Вышнем просторе. Ундина, как следовало из названия, была знаменита своими водоемами, как естественными, так и искусственными, а также вечной холодной весной — негасимой апрельской свежестью. Почти в самом центре острова располагался изящный замок в неоромантическом стиле, который окружали сады и парки, на севере переходившие в хвойный лес и озера с прозрачной ледяной водой.

Кроме замка, важной достопримечательностью Ундины был большой парк, который большинство хозяев предпочитали именовать садом. Его изящные белоснежные скульптуры пересказывали очень красивое и печальное народное годебургское предание о любви ундины и доблестного безземельного рыцаря. Предание дошло до дня сегодняшнего в двух версиях, и аллея парка, по замыслу архитектора, в какой-то момент послушно превращалась в две тропинки, ведущие к разным берегам пруда, расположенного в сердце парка. Одна из тропинок заканчивалась композицией «Ундина уходит». Другая — «Ундина остается». Гостям сада никогда не говорили заранее, какая тропинка ведет к какой из концовок, и, хоть они всегда потом могли вернуться на развилку, чтобы осмотреть и другую версию, их первый выбор зачастую отзывался в их жизни в дальнейшем, становясь чем-то большим, нежели простым решением выбрать ту или иную тропу.

Но Рейнир ничего этого не знал, и для него Ундина была лишь одним из многих эфирных островов, на которых он побывал за свою бытность светоносным. Его сильнее интересовали «январские ивы», и с герцогиней он хотел закончить как можно быстрее.

— Снижаемся, координатор, — сообщил ему Хельгесен. — Я уже сообщил, что мы из Бюро, так что ожидайте теплый прием.

— Клинок проверил, — с ухмылкой ответил ему голос.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — искренне сказал Хельгесен. — Удачи, координатор.

Рейнир вышел из глайдера и окунулся в прохладный, но вовсе не холодный воздух Ундины. Здесь действительно царил весна в ее полноте — слышалось пение птиц, журчали ручьи, молодая листва на деревьях шелестела на легком вечернем ветру. Впереди был белый легкий замок, к главным воротам которого вела длинная аллея. Недалеко от ворот виднелся вход в парк. Рейнир неторопливо пошел по аллее, на всякий случай расстегнув пальто, чтобы серебряные инсигнии оказались на виду.

Вскоре навстречу из замка вышел камердинер в белой ливрее. Голос про себя усмехнулся, что в этом царстве свежести и белизны Рейнир будет единственным темным пятном. Сам Рейнир никак на это не отозвался.

— Координатор? — уточнил камердинер, цепляясь взглядом за инсигнию. — Мы были проинформированы о вашем прибытии.

— Мне нужно переговорить с герцогиней, — быстро сказал Рейнир. — Я не отниму много времени.

— К сожалению, координатор, это невозможно, — покачал головой камердинер. — Ее Светлость отбыли в Вечный город, не сообщив, когда изволят вернуться. В качестве хозяйки Волькенштайна вас может принять Ее Сиятельство графиня фон Химмельсберг.

«О, это становится все интереснее», — голос зашелся в неслышном смехе. — «Не о ней ли ты грезил все это время, мой дорогой Рейнир? Только не вздумай сейчас все испортить, нам нельзя возвращаться в Бюро с пустыми руками. Давай, если они с герцогиней действительно так близки, как ты себе нафантазировал, то она вполне может знать не меньше Соммервальд. И при этом оказаться сговорчивей».

— Если это не затруднит Ее Сиятельство, буду весьма признателен, — ответил Рейнир камердинеру.

— Прошу за мной, — пригласил его камердинер.

Рейнира отвели в один из просторных кабинетов с большими окнами и дверью, выходящими в сад. Здесь, видимо, принимали всех гостей замка, вне зависимости от цели их визита — обстановка располагала больше к неспешному чаепитию, нежели к решению вопросов государственной важности. Рейнир, устроившись в одном из кресел, нервно облизнул губы. Он не мог понять, что тревожило его больше — необходимость узнать что-либо по делу или же необходимость остаться с Даной наедине. Голос, тихо отсмеявшись где-то на задворках разума, решил, видимо, теперь просто молчать и наблюдать.

Спустя примерно четверть часа в кабинет вошла Дана — в белом платье в пол, с легкой накидкой на плечах, с неизменной полуулыбкой. Ее чуть отросшие волосы едва касались плеч темными волнами, а голова по-прежнему была слегка склонена набок. У Рейнира опять перехватило дыхание и что-то сжалось в комочке где-то в солнечном сплетении.

— Координатор Рейнир, — медленно, мягко и чуть надменно произнесла она. — Не дума-

ла я, что именно вы почтите наш Волькенштайн своим присутствием.

Она подошла поближе и села в соседнее с Рейниром кресло, после чего продолжила:

— Чем я могу быть вам полезна, *Рейнир*?

— Леди фон Химмельсберг, — собрался с силами Рейнир. — В рамках расследования, которое я веду, мне необходимо узнать у герцогини Соммервальд сведения, касающиеся клуба «Цвета тишины». Если вы можете помочь мне в этом, буду вам очень признателен.

Дана на мгновение нахмурилась, словно что-то вспоминая, а затем ехидно переспросила:

— «Цвета тишины»? Это чудное сборище гираянок всех возрастов? Я действительно могу вам помочь, но, право, что в нем могло вас заинтересовать, Рейнир?

— С «Цветами тишины» косвенно связано убийство светоносной Николь Леруа. Бюро Координации Имен в лице меня полагает, что члены клуба также могут быть в опасности. Меня не интересует, кто и чем занимается в этом клубе, меня даже не интересуют имена. Все, что мне нужно узнать, — почему Леруа могла упомянуть клуб перед смертью. Любые предположения также могут помочь расследованию.

— Николь убили, — тихо произнесла Дана. — Вот как. Николь убили.

— Приношу свои соболезнования, — на всякий случай быстро вставил Рейнир. — Если вы хотите, чтобы убийцы понесли заслуженное наказание, я прошу вас дать какие-либо сведения, леди фон Химмельсберг.

— Мне нужно собраться с мыслями. Если не возражаете, пройдемся по саду? — вместо ответа предложила Дана. Выйдя в сад, они скоро оказались на главной тропе, где начиналась история рыцаря и ундины. Они неторопливо прогуливались от одной статуи к другой, незаметно для Рейнира приближаясь к той самой развилке.

— Куда последуем дальше? — спросила Дана, когда они оказались в том самом месте. Вопрос Даны застал Рейнира врасплох, и он махнул рукой на одну из тропинок:

— Давайте сюда.

Вскоре они вышли к пруду, у которого стояла большая скульптурная композиция — рыцарь, собравшийся уже уходить, начинает оборачиваться на чей-то зов, а ундина, чьи длинные волосы едва прикрывают ее нагую красоту, стоит на берегу и протягивает рыцарю руку.

— Как называется эта композиция? — спросил Рейнир.

— «Ундина остается», — улыбнувшись, ответила Дана. — Могу вас поздравить, вы выбрали счастливую концовку этой легенды. Вторая, как вы можете догадаться, — «Ундина уходит». Удивительно, что она дошла до нас в двух столь разных вариантах.

— А какой из них истинный?

— Сложно сказать. С одной стороны, уйти всегда проще, и не в легендах все так и поступают, именно поэтому многие считают его за тот, что ближе к правде. Но мне всегда казалось, что такая история должна заканчиваться иначе — ведь остаться вопреки миру, вопреки обстоятельствам, вопреки себе требует гораздо больших сил и гораздо большей любви. Такой

любви, какая достойна быть запечатленной в легенде.

Дана предложила присесть на скамейку, услужливо расположенную у самого берега пруда. Рейнир предложение принял.

— А вы можете рассказать о Бюро? — вдруг спросила Дана. — Раз уж у нас с вами сегодня такой вот день разговоров.

— Отчего же нет. Что вас интересует?

— Давайте с самых основ.

— Координационное Бюро Имен, оно же Бюро Координации Имен, оно же просто Бюро главным образом занимается сбором доступных данных по всем известным Именам, отслеживанием прошлых и нынешних воплощений известных Имен, расчетом появления тех или иных Имен среди различных фракций, для чего и собираются все эти огромные массивы информации, и, как вы уже могли заметить, также поиском и отловом Безымянных. Мы также занимаемся различного рода расследованиями щекотливых ситуаций разного рода, когда могут быть затронуты интересы нескольких фракций.

— Бюро — еще одна фракция? — задала наводящий вопрос Дана, на что Рейнир, немного подумав, ответил:

— Координаторы Бюро не считаются другими светonosными за отдельную фракцию. Мы ближе всего к особому рода независимому арбитражу. По сути своей и прямому назначению Бюро является тем связующим звеном и тем сдерживающим фактором, который не дает фракциями перегрызться между собой. Отчасти мы еще и дипломаты, порой только координаторы могут заставить наиболее радикальных представителей разных фракций хоть о чем-нибудь договориться.

— И как же вы, Рейнир, оказались в рядах координаторов?

— Мне предложил стать его ассистентом мой коллега. Но технически любой светonosный может подать прошение на становление ассистентом действующего координатора. Если тот его примет, то ассистент должен всячески способствовать деятельности своего учителя.

— И после этого вам выдают эту замечательную серебряную подвеску?

— Инсигния координатора присваивается не менее чем пятью действующими координаторами за какие-либо конкретные действия ассистента. Кроме этого, в случае гибели координатора при исполнении своих обязанностей, что среди тех, кто противостоит Безымянным, случается, увы, не так уж редко, то его ассистент вправе временно принять инсигнию для осуществления возмездия за смерть наставника. После этого его ждет стандартная процедура присвоения ранга. Но, насколько мне известно, в существующей практике успешно доведший такое дело до конца ассистент всегда получал ранг координатора.

— И все это ради небольшой подвески? — притворно изумилась Дана. Рейнир, увлекшийся собственным рассказом, подвоха не заметил:

— Инсигния и ее номер — то, что делает координатора координатором, леди. Мы лишаемся права занимать какие-либо другие должности, получать какие-либо другие звания, носить

какие-либо иные титулы. Надев черное, мы принимаем то, что к нам с этих пор всегда обращаются только как «координатор».

— Спасибо, что просветили, *координатор*, — Рейнир только сейчас заметил, что они с Даной сидят гораздо ближе, чем ему казалось. — Теперь я готова ответить на все ваши вопросы.

— Я... — замешкался Рейнир, ощутив, как его сердце начинает биться сильнее. — Я хотел вас...

«Да ты и сейчас хочешь», — то ли голос ответил ему, то ли он сам себе в этом признался.

— Вы же стали координатором за действия, а не за слова, Рейнир, — улыбнулась Дана. — *Чего же ты ждешь?*

— Нужно сказать моему пилоту, что я задержусь, — пробормотал он, снимая с нее накидку и легонько кусая ее в шею. Она скользнула ему под рубашку, чуть руки приятной прохладой коснулись разгоряченного тела.

— Я уже передала камердинеру, он все устроит.

— Как будто ты знала...

— Как будто ты не знал?

Он постелил пальто на скамейку и уложил на него Дану. Она жадно поцеловала его и стянула рубашку, впившись своими острыми коготками Рейниру в грудь. Он не заметил, как ее пальцы аккуратно сняли с него инсигнию, увлеченный ее бездонными затменными глазами.

И пока Дана и Рейнир с каждым прикосновением становились все ближе, на Ундине окончательно вступал в свои законные права вечер, и они вдвоем скрылись от январского неба у гостеприимных рыцаря и ундины в всепрощающих тенях садах, раскрашенных цветами тишины.

Да не судимы будете

Ночь опускалась в дождливом плаще на Безымянный город и центральный офис «Зауэр Машинен». Механизм здания медленно останавливался, и людской гул постепенно затухал. Вильгельм Зауэр заканчивал свои дела, когда за огромным панорамным окном его кабинета промелькнули бледные огни, тут же угаснув в пустоте. Зауэр обернулся, но ничего не увидел в приближающейся ночи. Еще раз недоверчиво бросив взгляд в сырое небо за окном, Зауэр продолжил собираться.

— Зауэр! — прогрехотал чей-то голос в унисон с громким стуком, который жалобно издали двери кабинета, распахнувшиеся от удара. В кабинет, тяжело стуча остро заточенной костяной ногой, вошел огромный мужчина, чье лицо с двумя немигающими желтыми глазами и изношенная старая армейская форма были покрыты тонкой коркой инеистого льда. — Зауэр! С тобой хотят поговорить!

Вильгельм непроизвольно сделал шаг назад, когда стук костяной ноги приблизился к нему, но сохранил спокойное выражение лица и негромко ответил:

— А, это ты, Полый Скрипач. К чему такая спешка? Моя аудиенция должна состояться в конце этого месяца.

— Ты неправильно понял, Зауэр, — Скрипач обдал Вильгельма ледяным дыханием, обнажив черные зубы в подобии улыбки. — С тобой *хотят* поговорить.

Скрипач схватил Зауэра за руку, но тот вырвался:

— Не надо. Я пойду добровольно.

Но Скрипач снова с силой взял его за плечо:

— Извини, Зауэр, у меня не было времени причаливать.

Вильгельм лишь успел набрать воздуха в грудь, прежде чем холод межзвездной пустоты навалился со всех сторон, сдавливая и обволакивая мысли и тело. Когда стало казаться, что Зауэр обречен навечно висеть в ледяном плену, пустота отпустила, и Вильгельм пришел в себя уже на мостике «Духа мщения». Скрипач криво усмехнулся и, стуча ногой, занял свое место среди серебрящихся кристаллами льда стен, велел отправляться. Команда, тоже покрытая изморозью, послушно увела дредноут прочь от города, после чего на Вильгельма снова обрушилось дыхание пустоты — «Дух мщения» странствовал в совсем иных пространствах.

Когда хватка ослабла, впереди уже жег глаза нестерпимый свет — огромное светило занимало весь горизонт, испепеляя тощие силуэты и тени ажурных конструкций, окружающих его. Зауэр нервно сглотнул. Скрипач, пристукнув к нему, положил тяжелую ладонь на плечо и сказал:

— Не заставляй ждать тебя сверх необходимого, Зауэр. Мы в зримых широтах, ты можешь сойти.

— В отличие от тебя, — не удержался и бросил Зауэр напоследок. Скрипач яростно зашипел, и Вильгельма обожгло холодом. Полый Скрипач ненавидел, когда ему напоминали о его

проклятии.

Впрочем, положение самого Вильгельма порой казалось ему схожим с положением Скрипача, только вот бессмертия и жуткого дредноута ему не выдали.

Зауэр вступил на одну из легких металлических платформ, окружавших слишком яркое светило широким кольцом. Он заслонился от света рукой, но это не особо помогало. Свет проникал везде, даже сквозь плотно сомкнутые веки. Вильгельм покорно опустил на одно колено, пряча себя от света бортиком платформы.

Вскоре от светила отделился пылающий шар и неторопливо подлетел к Зауэру. Повисев какое-то время над Вильгельмом, шар преобразился в высокое подобие человеческой фигуры, лохматые языки пламени служили фигуре вместо одежды. В том месте, где должна была быть голова, проступили грубые черты человеческого лица.

— Зауэр, — медленно произнесла фигура трудно поддающимся описанию голосом, заставившим Вильгельма вжаться в бортик. — Ты прибыл.

— Всегда рад вам служить, — почти прошептал Зауэр. — Повелитель... Прошу вас...

Фигура, кажется, издала что-то, похожее на смешок, но сияние и жар утихли. Зауэр смог подняться и даже вернуть себе немного достоинства.

— Догадываешься ли ты, Зауэр, зачем мы призывали тебя?

— Н-нет, мой повелитель, не смею знать.

— Ты здесь, Зауэр, чтобы напомнить себе о недопустимости проволочек в реализации нашего плана, — фигура подняла руку, и Вильгельма снова вжало в платформу, он скривился от всепожирающей боли. — Почему уже более месяца не совершено ни одного деяния?

— Повелитель, возникли сложности, — попытался было вставить слово Зауэр, но фигура прервала его новым взмахом руки, и Вильгельм сжал зубы от новой порции боли. Когда приступ прошел, он продолжил: — Мне пришлось изменить сроки. То, что было подготовлено, я был вынужден отдать его Геометрам. Я... Я должен вести дело, повелитель, прошу вас понять...

Вильгельм не удержался, и подумал о том, что Форнхофт сдержал свое обещание, и Зауэр решил сдержать свое. Даже нынешняя боль была приемлема — у работы на перспективу всегда есть определенные издержки. Когда он вспомнил, с кем говорит, то быстро пресек всякие размышления о перспективе. Им о перспективе знать не стоит.

Новая порция мучений.

— Нас не интересуют твои сложности, Зауэр. И что касается твоих дел, то мы можем и прекратить снабжать тебя истинным светом, если ты перестанешь быть нам полезным. Пожалуй, тебе стоит поучиться правильной расстановке приоритетов, Зауэр.

Еще боль. Кажется, сломалось несколько ребер.

— Это было последнее предупреждение, Зауэр. Устрани каждого. Если потребуется, устрани и всех, кто встанет на пути. И не забывай, *кто тебе судья*.

Фигура, ярко вспыхнув, вновь превратилась в пылающий шар и устремилась к светилу. Зауэр осторожно лег на спину, прислушиваясь к срастающимся костям. Его логос старательно приводил тело в порядок, но после такого разговора даже логосу требовалось некоторое время. Ребра еще не срослись, когда рядом простучала костяная нога, и ледяное лицо Скрипача, искрящееся в свете, нависло над ним.

— Вставай, Зауэр. Дела не ждут.

Вильгельм закрыл глаза, но нестерпимый свет жег их даже сквозь плотно сомкнутые веки.

Караульный

Ветер с севера беспрестанно дул уже третьи сутки, и у Эрика Густафссона кончались ругательства для описания того, как же ему надоело столбом стоять на этом ветру и пялиться в серую поземку, которая скрывала все интересное. Однажды вечером он издали видел стаю волков, но волки, задумчиво побродив рядом, решили, что им тоже здесь совершенно нечего делать, после чего затрусили куда-то дальше по своим волчьим делам. С тех пор на горизонте не было ровным счетом ничего, и Густафссон с удовольствием променял бы свою промозглую вахту на землянку в лесу или, чем Сурт не шутит, даже и палатку в лагере. Но ни землянки, ни палатки у него не было, только холодная караулка с маленькой задыхающейся печкой и еще не одна вахта впереди.

В караулке тем временем отсыпался Ари. После госпиталя их взвод благополучно раскидали по всяким не особо важным объектам в тылу вместо возвращения на фронт, раз уж война уверенной поступью подходила к концу. Ари, Эрику и еще несколькими неудачниками досталось охранять заброшенный военный аэровокзал в глуши на границе Альдмарка и Свартриге, на котором памятниками собственному былому величию покоились старые военные дредноуты, давно списанные из-за возраста и повреждений. Огромные остовы, занесенные снегом, медленно ржавели, покинутые всеми, кроме проклятого Суртом ветра и въевшихся в леса снегов.

Эрик Густафссон громко чихнул и принялся прыгать, чтобы хоть как-то согреться, попутно пытаясь придумать новую характеристику этой погоде, и не сразу заметил, как в поземке промелькнули истрепанные тени, скрывшиеся за одним из многочисленных сугробов. Когда тени мелькнули во второй раз, Эрик краем глаза все-таки различил движение, но не придал этому никакого значения. Мало ли какая живность пытается выжить здесь, среди всей этой смертной зимы. А у самого Густафссона еще ругательство не было придумано, так что пусть бегут, куда бежали.

Правда, скоро Эрик, все-таки лениво поглядывающий за перемещениями силуэтов в снегах, поймал себя на мысли, что бежали они напрямиком на летное поле, к заметным дредноутам. Что-то здесь не складывалось.

— Эй, кто идет? — не очень-то уверенно окликнул белизну Эрик. Ответа, конечно, не последовало, и Густафссон снял с плеча винтовку, напряженно пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в летящем в лицо кусачем снеге.

Один из дредноутов тем временем заскрипел и загудел изнутри, что-то в нем заскрежетало и забурлило, и тут Эрик понял, что дело плохо. И словно в подтверждение его мыслей прямо перед ним выросли две фигуры, одна из которых занесла над ним какую-то палку. Густафссон машинально спустил курок, больше от неожиданности, чем от профессионализма, и громкий выстрел на мгновение пересилил вой ветра. Пуля ушла в никуда, но двое нападавших упустили момент, и Эрик отработанным движением нанес штыковой удар ближайшему. Удар, впрочем, прошел мимо цели, и тогда Густафссон вспомнил о великой силе слова:

— Стоять на месте, подкрепление уже в пути, любое ваше действие может привести к по-

вторному предупреждению!

— У тебя в караулке спит один худой солдат, сам ты устал и продрог, а подкрепления нет и не предвидится, — спокойно заметил один, отряхивая снег со своей густой темной бороды. — Зачем тебе гробить свою жизнь? Мы предлагаем тебе просто постоять в стороне, погреться, пока мы разберемся с вашей охраной дредноутов.

Второй, более худой и с длинной рыжей косой, согласно кивнул и аккуратно отобрал у Эрика винтовку. Густафссон даже не стал сопротивляться, поскольку пытался поймать одну очень важную мысль, которая никак не могла сложиться до конца. Только когда оба незваных гостя пошли к бухтящему дредноуту, с которого местами уже опала снежная пелена, мысль догнала замерзшую Эрикову голову, и он крикнул им вслед, наплевав на всякую возможную секретность доверенной ему информации:

— Но у нас ведь нет никакой охраны дредноутов!

Двое остановились и недоуменно переглянулись, после чего обернулись к Эрику. Рыжий подошел к нему и переспросил:

— У вас нет охраны дредноутов?

— Вся охрана этих дредноутов — это мы с Ари, в общем-то, — подтвердил Эрик. Рыжий посмотрел снова на своего спутника и недоуменно пожал плечами, после чего вернул Густафссону винтовку:

— Пойдешь с нами?

Эрик кивнул, и троица возобновила свой путь к клокочущей машине. Раструбы сопел двигателей медленно разогревались, выплевывая первый жар. Бородатый с еще большим удивлением заметил на ходу:

— На этих дредноутах же не должно было быть истинного света.

— А его и нет, — кивнул Эрик, медленно осознавая всю невозможность того, что он наблюдал своими глазами. — Погодите-ка, вы, значит, не хотели угнать дредноут?

— Нет, дредноут-то мы угнать, конечно, хотели бы, — с лукавой улыбкой заметил рыжий. — Но для угона дредноута нужно, чтобы он хотя бы был в рабочем состоянии.

— Так зачем вы тогда вообще сюда полезли? — с еще большим удивлением поинтересовался Густафссон.

— Навигационные схемы, — коротко ответил бородатый. — Старые навигационные схемы. С указанием пути до Кольца Аусгрима.

— Кольцо Аусгрима? — спросил Эрик, но вопрос остался без ответа. Они дошли до пробуждающегося дредноута. Рыжий осторожно подошел к трапу, на котором виднелась цепочка свежих следов. Бородатый нахмурился и, велев Эрику смотреть в оба, медленно начал подниматься на борт, за ним последовал рыжий. Густафссон вздохнул, но деваться особо было некуда, к тому же, в нем проснулся азарт. Да и до конца его вахты была еще уйма времени, так что все благоволило раскрытию тайны дредноута.

Они не успели пройти и нескольких метров, когда резкий удар швырнул их в стену. Рыжий, поднявшийся первым, безошибочно понял, что произошло, и нерадостно сказал своему бородатому спутнику:

— Знаешь, похоже мы все-таки попадем в Эфир на этой посудине.

Бородатый ответил ему лишь угрюмым блеском глаз цвета расплавленной стали.

— Мы что, взлетели? — встрял тем временем Густафссон, пытаясь опереться на винтовку и подняться. Кое-как встав и потеряв ушибленный бок, Эрик приковылял к ближайшему ил-люминатору.

Заметенный снегом аэровокзал, мертвые тела дредноутов, маленькая караулка посреди лесов и белого ветра медленно уменьшались, оставаясь где-то внизу. Эрик Густафссон летел в Эфир.

Лихие пришли времена

Мертвые воды вокруг Института были покрыты коркой грязного льда, чуть присыпанного нетронутым снегом. Изломанные крыши домов чернели бесприютными провалами. Яна задумчиво пила полуостывший чай, глядя на людлинскую зиму в не самом ее ярком обличье. Вскоре к ней присоединился Ольшанский, на его белом халате темнели несколько пятен — Яна надеялась, что чернильных. Присев рядом, Ольшанский машинально поправил бакенбарды, которые, впрочем, так и остались топорщиться, после чего положил на стол толстую пачку машинописных листов и негромко сказал:

— Пришли отчеты.

— Ты же знаешь, я не люблю их читать, — ответила Яна, мельком бросив взгляд на первую страницу. — Сплошной канцелярит в худшей его разновидности.

— И все равно это не повод не гордиться результатами своего труда, — заметил Ольшанский. — Первые испытания показали прекрасные результаты.

— То, чем мы вынуждены заниматься, лично мне дает мало поводов для гордости, — раздраженно сказала Яна, постукивая пальцем по кружке. — Это постыдная необходимость, с которой просто приходится мириться.

— Мы ученые, Яна. Совершенствуя твою работу сейчас, мы сможем в дальнейшем сделать гораздо больше. И спасти больше людей. Такой работой следует гордиться.

— Хорошо тебе рассуждать о перспективе, — Яна все же осталась при своем мнении. — Меж тем перспективы-то у нас, похоже, особо и нет, Ольшанский. Война идет не очень-то хорошо для нас и наших союзников, это даже мне очевидно.

— Ты, верно, имеешь в виду Райнское кольцо?

— Я не запоминаю, как все эти бесконечные битвы называются. Но зато я понимаю, что сейчас война фактически проиграна. Ты не замечал? Дирижаблей над институтом становится все меньше и меньше. Институт никому не будет нужен, когда эта война закончится позорным миром.

— Ты полагаешь, у нас заберут финансирование?

— Я почти в этом уверена. Наше с тобой исследование целиком и полностью спонсируется армией, а доказывать возможность его гражданского применения мы будем еще долго.

— Из-за этого ты сегодня не в духе?

Яна замолчала, снова посмотрев на Старый Людлин. Ей хотелось бы, чтобы проигранная война и перспектива потерять деньги на исследование были единственным, что тревожило ее. Нервно постучав длинными тонкими пальцами по чашке, Яна вместо ответа на вопрос сама спросила Ольшанского:

— Ты помнишь падение Старого Людлина?

— Я не настолько стар, Яна, — покачал головой Ольшанский. — К тому же, значительную часть своей молодости я прожил во Влахыни. Когда я обосновался в Людлине, город уже

оправлялся от той жуткой катастрофы.

— Каково оно было? Твое первое впечатление о Людiline?

Ольшанский на пару мгновений закрыл глаза, доставая из аккуратной картотеки своей памяти тот день:

— Май. Пахнет близкой грозой. Небо перекачивает свинец. День, но темно, будто ночью. Я иду по главной улице города, ловлю любопытные взгляды. Здесь мало маров, думаю я, здесь к нам не привыкли. Здешний язык кажется мне одновременно знакомым и незнакомым. Это не Влахынь, понимаю я. Весь путь я никак не мог осознать эту мысль, и только сейчас она вспыхнула в сознании. Становится немного не по себе, но чувство быстро проходит. Я здесь по делу, мне нужно встретиться с одним ученым. Я подхожу к мосту, ведущему в Институт. Смотрю на его величие. Я видел много величественных зданий, но Институт почему-то вызывает во мне какое-то иное чувство, которое не могу сразу назвать. Я замираю на несколько минут, пытаюсь подобрать ему правильное имя, после чего ловлю взглядом полузатопленный дом, и имя этому чувству находится: это предчувствие одиночества. Два свидетеля былого и грядущего, стоящие друг напротив друга по странной прихоти судьбы в молчаливом понимании своего лишённого времени, естественного и знакомого одиночества. Я закрываю глаза. Начинается дождь.

Ольшанский замолчал и посмотрел на Яну. Та по-прежнему смотрела на мертвый город.

— Предчувствие одиночества, — рассеянно сказала Яна. — Но тебе же не бывает одиноко?

— Это немного разные вещи. Я ощущаю одиночество как факт бытия, но оно не вызывает во мне тот спектр эмоций, что вы вкладываете в слово «одиноко». Это игра в имена, как и все в нашем мире.

— Предчувствие одиночества, — повторила Яна. — Да. Вот что меня тревожит. Скребущее ощущение, что что-то меняется в мире вокруг, и это грозит отнять у меня все. Зима обещает быть очень жестокой.

Ольшанский взлохматил пятерней седые волосы и, осторожно взяв руку Яны, сказал:

— Даже если мир отнимает у тебя все, ты у себя остаешься. И этого вполне достаточно, чтобы в конечном счете выйти из этой схватки победителем.

— Спасибо. Мне, пожалуй, стало чуть спокойнее. В который раз я безгранично рада знакомству с тобой, Ольшанский.

К Яне и Ольшанскому тем временем подошел адъютант Тополевского, пригласив обоих к полковнику. За последние месяцы это стало чем-то рутинным, поэтому Яна допила наконец совсем уже холодный чай, и они втроем направились в крыло к военным.

Тополевский как обычно встретил их в своем кабинете, только на этот раз большая часть ламп была выключена, и огромный шкаф топил помещение в тени. Тополевский пригладил свои пышные усы и поднял на Ольшанского и Яну усталые немолодые глаза.

— Оставим формальности в стороне, если позволите, хотел бы сразу перейти к делу. Наши неудачи на фронте вскоре приведут к выходу Гардвельда из войны, что, как вы тоже прекрас-

но понимаете, отрицательно скажется на Институте, поскольку армия больше не сможет его финансировать в должном объеме, и напрямую повлияет на возможность продолжать ваше исследование. Однако не только армия Гардвельда заинтересована в ваших услугах, доктор.

В дверном проеме появилась высокая фигура мара с густой темной бородой с модным клинышком.

— Адам? — с недоверием и удивлением спросил Ольшанский. Но Адам не сказал ни слова и только сделал шаг вперед, вставая рядом с Ольшанским.

На пороге стоял невысокий мужчина в круглых очках, с зачесанными назад тонкими волосами, в аккуратном сером костюме. Но Яна и Ольшанский сразу обратили внимание на то, какие за стеклами очков были глаза. Светоносный вошел в кабинет и закрыл за собой дверь, после чего произнес на чистом гардвельдском с легким годепбургским акцентом:

— Максимилиан Форнхофт к вашим услугам.

В кабинете резко вспыхнули лампы, и все осветилось.

Сумерки светоносных, часть 1

Дождь Безымянного города стучал по стеклянному куполу Виктория-холла, неприятно отдаваясь в ушах. Несмотря на то, что свод был очень высок, изнутри главное помещение холла все равно давило своей монументальностью и заставляло ежиться от холода и ощущения собственной ничтожности. Аглая, на секунду подняв взгляд к залитому потоками воды потолку, вновь хищно вцепилась в собравшихся, одновременно нащупывая рукоять клинка.

— Слишком много делегатов, — шепнула она Падубскому, который подошел к ней. — И слишком мало нас.

— Это дипломатическая встреча, Аглая, — развел руками Александр. — На территории Ордена, к тому же. Здесь и так в два раза больше координаторов, чем положено по регламенту.

Аглая нахмурилась, но ничего не ответила, лишь взмахнула косой и подошла ближе к одному из столов с закусками. Оркестр начинал играть какой-то меранский вальс, но танцевать никто не спешил. Несколько десятков светоносных лишь негромко переговаривались, рассредоточившись на небольшие группы по собственной важности. Аглая насчитала здесь шесть фракций — сам Орден, разумеется; его союзников Геометров; последнее время сочувствующих им Утопистов; вездесущих Цареубийц, любителей всяких подковерных игр; Алый синдикат, который вложил в эту войну немало денег и теперь очень хотел бы получить их обратно, и Консорциум, которому, кажется, Орден что-то обещал в случае своей победы. Поскольку выходило все с точностью до наоборот, Консорциуму тоже нужны были ответы. Герцог Палмерстрон, один из высокопоставленных членов Ордена, был наименее нелюбим среди прочих фракций, поэтому нелегкая честь отстаивать интересы Ордена в этой щекотливой ситуации выпала ему.

— Вот уж счастье-то меранскому лорду прикрывать задницы опозорившихся годебуржцев, — сказал Аглае незнакомый ей смуглый координатор, оказавшийся рядом. — Но герцог держится молодцом, его дипломатический талант был известен и до того, как он стал светоносным.

— Он с дочерью? — удивленно спросила в ответ Аглая, заметив девочку лет десяти в бело-голубом платье рядом с лордом Палмерстроном. — Здесь?

— Юная мисс любит такие мероприятия, а одно ее присутствие смягчило не один острый разговор, — смуглый координатор пригладил подстриженную на элленцийский манер бородку. — Палмерстрону сейчас нужны все козыри, включая собственную дочь.

Аглая нахмурилась еще сильнее. Атмосфера в зале ей очень не нравилась, и она протиснулась еще ближе к герцогу и другим главам делегаций. Стоя в их кругу, Палмерстрон вкрадчивым, но твердым тоном говорил:

— К сожалению, господа, в сложившихся условиях Орден будет вынужден пересмотреть часть взятых на себя обязательств по отношению к нашим союзникам. Военные действия Третьего союза в отношении Унии не достигли своего результата, в связи с чем мы должны скорректировать наши цели, как краткосрочные, так и долгосрочные.

— Не сказал бы, что я удивлен, — равнодушно заметил один из представителей Алого синдиката. — Нас о подобном предупреждали, герцог. Вопрос только в том, готов ли Орден гарантировать нам возврат заемных средств. Если вы не готовы, то мы также вынуждены будем пересмотреть наши условия.

— Предупреждали? — несколько удивленно переспросил герцог, словно бы и не расслышав слова о долге. Его дочь подошла ближе, Палмерстрон машинально положил руку ей на плечо.

— Предупреждали. И не только Синдикат, — добавил глава делегации Геометров.

— А, вот почему вы закупили такую большую партию оружия, — отозвался ему молодой цареубийца. — Весьма дальновидно с вашей стороны.

— Простите? — герцог неожиданно начал терять контроль над разговором и почувствовал себя крайне неудобно.

— Не думайте, что мы не понимаем, к чему вы клоните, герцог, — продолжил цареубийца. — Партия Ордена идет очень неудачно, а мы знаем, как вы обычно поступаете при таком раскладе. Слишком хорошо знаем, герцог.

— Орден учел критику предыдущих решений, — Палмерстрон мягко попытался снизить градус напряженности. — Уверяем вас, наше нынешнее руководство придерживается совсем иной политики.

— Извините, герцог, но и мы тоже придерживаемся на этот раз иной политики, — холодно заметил геометр, и выхватил что-то, что в несколько секунд сложилось в однозарядный револьвер. Аглая почти сразу же заметила это, но драгоценные мгновения были съедены собиравшимся лезвием его магнитного клинка, и когда она швырнула оружие, выстрел уже был сделан, после чего в холл ворвалась зловещая тишина.

Дочь лорда Палмерстрона медленно начала оседать, по ее лбу текла тоненькая струйка крови, вмиг остекленевшие глаза навсегда застыли в испуганном удивлении. Смертельно раненный герцог, тяжело дыша, опустился на одно колено, подхватив тело дочери. Из уголка его рта начала течь кровь, но его взгляд был прикован только к бледнеющему лицу девочки. Клинок Аглаи насквозь пронзил сделавшего выстрел геометра, так и не стерев ухмылку торжества с его лица.

Застывшая на мгновение картина трагедии треснула вместе с крышей Виктории-холла. Холодные потоки дождя хлынули вниз, заливая все. Началась паника, а вместе с паникой началась и резня. Геометры, к которым подоспело подкрепление с воздуха, резали делегатов Ордена и координаторов, Алый синдикат остервенело пробивался к выходу, убивая всех, кто попадался на пути, Консорциум взорвал какую-то бомбу, уничтожившую большую часть Утопистов, чтобы поскорей убраться отсюда, цареубийцы последовали в образовавшуюся брешь за ними.

Координаторы, которые отчаянно пытались остановить хаос, один за другим падали, сраженные оружием Геометров. Аглая, вернувшая себе клинок, пробивалась к окруженному Падубскому. Перед ней разорвалась очередная бомба, смуглому координатору с бородкой

оторвало ноги, и он, воя, ползал по полу, и кровь из обрубков смешивалась с алым океаном дождливой смерти, медленно наполнявшим некогда прекрасный холл. Аглая попыталась было ему помочь, но чуть было не лишилась жизни, когда по ней открыли огонь из бронебойных винтовок. Она думала, что ее не зацепило, но потом ощутила, как жгучая боль в области живота толкнулась раздраженной кочергой. Сжав зубы, Аглая рванулась вперед, зажимая рукой рану, сквозь которую утекала горячим ручьем жизнь. Ее мысли скрутил ужас окружающего безумия: мертвый лорд и его невинная дочь, кричащие и стонущие калеки в некогда дорогих нарядах, льющаяся по полу кровь, злой дождь, конечности, тела, смерть, смерть, смерть! Она добралась до Падубского. Его шея была разворочена взрывом или пулей, он едва мог дышать и говорить, зажимая рану обеими руками:

— Бегхи, Агхлая, — прохрипел он. — Нужшно доложитх... Гхеометхры... Вхойна.

— Нам с тобой нужно выбираться обоим, — сказала Аглая, пытаясь помочь ему подняться, но Александр с трудом покачал головой:

— Нетх, Агхлая, мой логхос с этхим ужше не справитхся. Уходхи, скхорей...

Аглая, проглотив непрошенные слезы, оставила умирающему Падубскому несколько запасных батарей для клинка, после чего поспешила к проделанной Консорциумом брешии. Нужно было как можно скорее добраться до «Сокола». Как можно скорее предупредить Бюро. Если началась война фракций, все координаторы в городе были под ударом. Включая Лиама.

Осознав это, Аглая сжала зубы, сильнее прижала рану на животе и поспешила к причалам.

***

Рейнир чуть застонал от наслаждения и откинулся на спину. Разгоряченная Дана, не в силах пошевелиться, лишь блаженно улыбнулась и, шумно дыша, спросила:

— Воды?

Вместо ответа Рейнир потянулся за кувшином, где была лимонная вода со льдом. Достав один кубик, он коснулся им обнаженной груди Даны, от чего она захихикала. Рейнир коснулся губами ее лба, после чего прошептал ей на ухо:

— Я не хочу уходить.

— Не уходи, — прошептала Дана в ответ и легонько куснула его за ухо.

— А если придется?

— Не придется.

Рейнир перевернулся на живот и задумчиво посмотрел на пруд за окном. Дана одними кончиками пальцев пробежала по его спине.

— Я люблю тебя, — сказал Рейнир, неожиданно даже для себя. — Люблю твою полуулыбку, люблю твои пальцы, твой изящный наклон головы, твои ямочки на щеках, твои волосы, заговорщицкий блеск в глазах, твой голос, люблю тебя всю. Моя жизнь отчетливо поделилась теперь на «до» и «после». Даже если это все закончится, как прежде уже не будет. Но я не

хочу, чтобы оно заканчивалось.

Дана посерьезнела и немного нахмурилась, после чего проговорила:

— И все же это закончится. Ты координатор, Рейнир. Упрямый координатор. Выбирая между долгом и мной, ты выберешь долг.

— А выбирая между ей и мной?..

Дана закрыла глаза и ответила:

— Я тоже тебя люблю, Рейнир. Это мой выбор.

— Это и мой выбор, Дана.

— Разве я не права?

— Даже если и права, не думай, что я не попытаюсь тебя вернуть.

— Получится ли? — задумчиво прошептала Дана. Рейнир встал с кровати и пристальнее взглянул на пруд.

— Говорят, в Эфире есть места, где законы времени и пространства отступают перед могуществом небесной механики. Где мгновение может длиться вечность.

Дана встала и, качнув бедрами, подошла к Рейниру и положила голову на плечо.

— Хочешь сказать, что где-то среди небесной тьмы у нас есть свое собственное никогда?

— Да. И я обещаю вернуться в наше личное никогда.

Хрупкую идиллию нарушил бесцеремонный стук в дверь. Дана раздраженно спросила:

— Что у вас, Андреас?

— Срочная люминарная телеграмма, леди! Адресована координатору Рейниру Ингварсону и господину Хельгесену.

Рейнир нахмурился и поспешно принялся одеваться. Дана разочарованно потянулась за одним из шелковых халатов. Едва отыскав инсигнию, Рейнир кое-как привел себя в порядок и, прокашлявшись, вышел к камердинеру.

— Что в телеграмме, Андреас?

— Не могу знать, координатор. Телеграмма пришла с отметкой «лично в руки».

— Могу я?

— Прошу вас, координатор, — камердинер протянул Рейниру телеграфную ленту, после чего коротко поклонился и ушел. Координатор сощурился, разбирая запись.

«Сов сек война фракц безым город беспоряд лиам исчез встреч срочно вольф сол аглая».

— Что-то произошло, — обеспокоенно отозвался голос. — Что-то очень серьезное. Не медли, Рейнир.

Это был один из редких моментов, когда Рейнир действительно был полностью с голосом согласен. Он посмотрел на вышедшую к нему Дану.

— Что там такое, Рейнир? — спросила она тревожно.

— Долг, — хмуро ответил Рейнир. — Смотри на горизонт, Дана. Я обещаю вернуться.

Дана вздохнула, но ничего не сказала в ответ. Рейнир еще раз ее поцеловал и силой заставил себя прервать этот долгий поцелуй и пойти к Хельгесену.

Глайдер был готов к отлету спустя всего лишь полчаса. Хельгесен, несколько удивленный поспешностью отбытия, вопросов, тем не менее, не задавал, кроме одного:

— Куда летим, координатор?

— Вольфрамовое солнце, Хельгесен.

Присвистнув, пилот быстро поднял глайдер в воздух, и вскоре Рейнир и Хельгесен, подхваченные эфирными токами, уже спешили к величайшему творению светоносных — искусственному светилу в сердце Сияния, Вольфрамовому солнцу.

Леди Дана фон Химмельсберг проводила темный силуэт глайдера из окна.

— Ты думаешь, он вернется? — спросила она кого-то.

Ответ, если он был, остался по ту сторону стекла. Вечная весна Ундины не особо горевала о потере исчадия января, коим был координатор Рейнир Ингварссон.

***

В Людлине сгущался зимний вечер, чуть более уютный, нежели обычно, даже в Институте светилось больше окон. Адам сидел в лаборатории Ольшанского, Яны не было, и мары впервые за некоторое время могли обсудить все в спокойной обстановке. Ольшанский закончил корректировать очередной коэффициент, налил себе чай и спросил:

— Кто вообще этот Форнхофт? Как он на тебя вышел?

— Форнхофт — довольно влиятельный светоносный, насколько мне известно. Я узнал о нем, когда пропала Полюнь, на меня вышли его агенты и предложили пообщаться. Пообщались. Форнхофт предложил мне помочь, — пожал плечами Адам.

— И вот так просто ты согласился? Чем он отличается от любого другого светоносного, Адам? Все они преследуют лишь свои цели, ты же не думаешь, что этот Форнхофт вдруг взял и сделался альтруистом. Чем он тебя заманил?

— У него есть некая идея, концепция. Как все изменить. Для всех. Тем и заманил. Его не устраивает нынешнее положение дел, при этом у него достаточно власти, влияния и ресурсов, чтобы начать ее менять.

— Все равно звучит слишком идеалистично, — недоверчиво покачал головой Ольшанский. — Нельзя, чтобы счастье всем, даром, чтобы никто не ушел обиженным. Мир так не работает.

— Он тоже не питает этих иллюзий. Форнхофт живет по принципу меньшего зла, но в масштабах, которыми он мыслит, меньшим злом вполне может быть геноцид целого народа. Форнхофту нельзя доверять, но он и не требует доверия.

— Только быть частью его плана, в который он никого не посвящает. Ни ты, ни я, ни Яна, ни даже полковник не знаем, зачем мы понадобились ему. Что же это тогда, если не доверие? Вдруг однажды меньшим злом окажется твоя или моя смерть?

— Вы с Яной ему понадобятся в связи с какими-то событиями, которые вот-вот должны начаться в Эфире. Или уже начались. Но в наших с тобой условиях, брат мой, особо выбирать и не приходится. Помимо всего прочего, именно Форнхофт помог мне отыскать след Полыни. За это я готов прислушаться к его словам.

— Он остается светоносным, Адам. Ты знаешь, нам нет места в их мире. Что бы ни говорил Форнхофт, мары и светоносные никогда не смогут ужиться.

— Форнхофт считает, что Полынь может с этим помочь, — Адам серьезно посмотрел на Ольшанского. — И готов всячески нам поспособствовать в ее поисках.

— Почему он предложил это только сейчас?

— Он предложил сразу. Я отказался, полагал, мы сможем обойтись своими силами. Сейчас так уже не считаю. К тому же, наше открытие в старой обсерватории так или иначе тоже связано со светоносными. Форнхофт может быть нам полезен.

— Пока мы полезны ему, — Ольшанский вздохнул. — Мне это не нравится, Адам. Очень не нравится.

— Это все ради Полыни, брат мой. Ты знал, что она хранила то твое письмо все это время? Мне даже слегка было завидно, что ее ты всегда любил называть сестрой, а вот меня братом так и отказываешься признавать.

Ольшанский поджал губы. Полынь... Ради Полыни он был готов даже нырнуть в пучину Вольфрамowego солнца. Если Адам так уверен в целях Форнхофта, то и с ним он сможет сотрудничать. Не ради себя, не ради Адама, не ради целей этого опасного светоносного, только ради Полыни. Ольшанский еще раз глубоко вздохнул и негромко ответил:

— Пусть будет по-твоему, Адам. Если это поможет, пусть будет по-твоему. Мы должны ее отыскать, *брат*.

***

Эрик Густафссон осторожно выглянул из-за угла и, убедившись, что коридор чист, подал своим вынужденным спутникам сигнал. Первым осторожно перебежал рыжий, назвавшийся Хведрунгом, за ним последовал бородатый Эйнгинн. Эрик собрался было идти к следующему повороту, но Эйнгинн его придержал.

— Сюда идут, — тихо сказал он. — Дай винтовку и не мешайся под ногами.

Вскоре Эрик тоже услышал нестройные шаги. Когда из-за поворота показались двое, Эйнгинн молниеносным приемом оглушил обоих, которые не успели издать ни звука. Кивком головы указав своим спутникам на лежащих без сознания, чтобы те их оттащили в менее заметное место, Эйнгинн пошел дальше, перехватив винтовку поудобнее.

С самого взлета они медленно продвигались к мостику, стараясь не привлекать лишнего

внимания. Во многом их спасало то, что дредноут, пусть и был меньше нынешних, все равно оставался достаточно просторным, а в захватившей его команде вряд ли нашлось бы больше полутора десятков человек, многие из которых даже не были светоносными, что легко определял опытный Хведрунг.

Густафссон, отошедший от первоначального шока, довольно быстро втянулся в это вынужденное приключение, в котором вновьгодились какие-никакие армейские навыки. Эйнгинн и Хведрунг обладали, безусловно, некой силой светоносных, но старая добрая винтовка и грамотная разведка еще никому лишними не были. К тому же, рассуждал Эрик, ему было поручено охранять дредноуты, а коли уж дредноут взял и полетел, охранять его приходится вот так, в воздухе.

Когда до мостика оставалось меньше половины переходов, Хведрунг вдруг повалил Эрика на пол, прошипев держаться за что-нибудь. Сам Хведрунг растопырился во все стороны, уперев руки и ноги в стены, Эйнгинн, снова полыхнув своими металлическими глазами, просто с нечеловеческой силой вцепился в одну из переборок. Дредноут ощутимо начало трясти.

— Проходим через Завесу, — объяснил Хведрунг Эрику. — Сейчас может быть не очень, терпи.

Эрика действительно словно бы вдавило в пол, а сверху еще словно бы и начали постукивать по нему кузнечным молотом. В глазах потемнело, и, кажется, он даже на какое-то время отрубился, потому что, когда вернулось зрение, первым делом он увидел обеспокоенное лицо Эйнгинна. Убедившись, что с Эриком все в порядке, они с Хведрунгом помогли ему подняться, после чего продолжили путь.

На мостике дежурило пятеро, включая пилотов и командира. Для такого старого дредноута, где еще не было исчислителей, а стояли только громоздкие разностные движки, команда была явно недостаточна для полноценного управления, но осторожно вести дредноут по курсу была способна.

— Бери живыми, — напомнил Хведрунг Эйнгинну, оценивая ситуацию, после чего посмотрел на Эрика. — А ты следи, чтобы никто не сбежал.

Эйнгинн только хмыкнул в бороду, после чего стремительным вихрем ворвался на мостик, в пару приемов раскидал ничего не успевших понять охранников, вцепился в горло командир, швырнув его через весь мостик, а подоспевший Хведрунг быстро разделался с пилотами.

— Эрик, свяжи их чем-нибудь. — бросил Эйнгинн, усаживаясь в командирское кресло. Хведрунг уселся на место пилота и быстро пробежался по курсовым установкам.

— Мы летим на Вольфрамовое солнце, — удивленно сказал он.

— К Вольфрамовому солнцу? — подумав, что не расслышал, уточнил Эйнгинн.

— Нет, Эйнгинн, именно что на Вольфрамовое солнце. Этот дредноут должен был бы в него врезаться.

— Эрик, занимай место второго пилота, — отдал короткую команду Эйнгинн. — Хведрунг, скорректируй курс, чтобы мы не разбились, а так продолжаем движение в Сияние.

— Ты хочешь посмотреть, что там за заварушка, перед тем, как лететь к кольцу Аусгрима?

— Если эта штука действительно должна была врезаться в Вольфрамовое солнце, то не удивлюсь, если весь, так сказать, свет Эфира тоже будет где-нибудь неподалеку. Это вполне может быть то самое, Хведрунг.

Густафссон, оказавшись перед штурвалом, чем-то напоминавшим таковые в аэропланах, мог лишь послушно его вертеть, куда скажут. Но он не мог сказать, что это приключение ему не начинало нравиться.

***

«Сокол Империи» скрывался в тени огромных рукотворных колец Вольфрамового солнца, периодически чуть корректируя свое положение вслед за их движением. Хельгесену пришлось даже немного петлять, прежде чем он отыскал дредноут. Заведя глайдер в ангар, Хельгесен вместе с Рейниром отправились напрямик на мостик.

Там обнаружилась раненая, но уже весьма бодрая Аглая. Рейнир заметил в ее светлой косе свежую седую прядь. Заметив направление его взгляда, Аглая невесело улыбнулась и сказала:

— Иногда даже собственный логос бесплатно не лечит.

— Что случилось? — спросил Рейнир.

— Случилось худшее, — покачала Аглая головой. — Началась полномасштабная война фракций, Рейнир. Скоро весь Эфир будет ей охвачен. Я видела страшные вещи в Безымянном городе, Рейнир, многие координаторы погибли. Мы теперь на осадном положении, Бюро уже отзывает всех своих координаторов в поле, особенно тех, что действовали на подконтрольной фракциям территории. Все настолько плохо, что я надеюсь уже на Дикую Охоту, представь себе. Или даже на Безымянных.

— Ты написала, что Лиам пропал.

— Он был в Безымянном городе, когда все это случилось. Разыскивал какую-то поэтессу. Мы с ним смогли увидеться мельком, я занималась вместе с... с Падубским этой треклятой встречей. Саша был мне другом, Рейнир, — в сердцах сказала Аглая. — Понимаешь, Рейнир, он был мне хорошим другом. А теперь его нет. И многих других нет. Среди них были даже дети, Рейнир. Началось форменное безумие.словно сам Война спустя сто лет взял и вернулся в этот мир, будь он проклят.

Аглая зажмурилась, успокаиваясь. Рейнир лишь легко коснулся ее плеча. Он хотел было добавить что-то еще, но его отвлек Хельгесен:

— Координатор, смотрите! Там дредноуты. Много дредноутов.

Аглая и Рейнир, а также многие из тех, кто были на мостике, поспешили к смотровому стеклу. К Вольфрамовому солнцу действительно со всех сторон, сколько охватывал взгляд, приближались дредноуты.

— Странно, часть из них очень старые, — сказал командир «Сокола». — На таких еще мой отец летал.

— Куда они летят? — спросил кто-то.

— На солнце, — вдруг понял Рейнир. — Они летят на солнце! Они собираются таранить солнце!

— Мы можем что-то сделать? — быстро спросила Аглая. Переглянувшись с пилотами, командир отрицательно покачал головой. Им всем оставалось лишь наблюдать, как один за другим дредноуты врезались на полной скорости в огромные кольца Вольфрамового солнца, орошая их пламенем мощнейших взрывов. Кольца держали удары, но вот одно из них треснуло и разорвалось. Всплеск истинного света тут же вырвался из недр солнца, и Аглая чудом успела крикнуть:

— Опустить щиты на стекла!

Даже с плотными щитами всех на мостике обдало жаром. Не рискуя поднимать щиты, они только слышали, как в эфирной тишине режут взрывы и скрежещут раздираемые кольца, после чего волна за волной на дредноут накатывал безжалостный истинный свет. Рейнир потерял счет времени, но все в итоге стихло. Медленно приоткрыв щиты, координаторы и команда застыли в изумлении.

На месте Вольфрамового солнца было теперь лишь громадное кладбище обломков, медленно плывущее в холодной цветной тьме.

По Эфиру вкрадчивым змеем расползлся мрак и холод.

Сумерки светоносных, часть 2

Сон стоял у самого края бездны, задумчиво смотря в мерцающий мрак Дальнего Эфира. Вскоре к нему присоединились его сестры.

— Война возвращается в мир, брат мой, — в унисон сказали они. — Кто бы мог подумать.

— Не по своей воле, сестры мои, — ответил Сон. — И не только он.

Смерть и Жизнь обратили свои взоры, куда указал Сон. Едва различимая среди неярких эфирных токов истинно черная тень ворочалась беспокойным змеем.

— Если ты прав, брат мой, сумерки могут превратиться в ночь, — вновь хором заметили сестры.

— А ночь — мое время, — заключил Сон.

***

Прогремел очередной взрыв, и обломки засыпали улицу, скрывая под собой изувеченные тела Геометров. Уцелевшие ответили ожесточенным огнем, вытесняя отряд Ордена на соседнюю улицу. Кто-то пронзительно закричал, все стихло. Дождь прибил поднявшуюся пыль, смешав ее с кровью и копотью.

Дина Ивинская не слышала взрывов и криков. Безымянный город был слишком велик и слишком безразличен к своим обитателям, чтобы так быстро разносить дурные вести. И все же на душе у Дины было беспокойно, она тревожно шептала строчки из последнего черновика:

*Язык оригинала распознать — услышать
земную проповедь, она про своевременность
и сон людей, про кровь размякших вишен
и грусть вещей, полуживых, утерянных.*

Вихрем в гущу сражающихся влетели фанатики Вознесения, под ударами их жутких клинков падали все новые и новые светоносные, Орден и Геометры медленно отступали, пока откуда-то не появилась малая пушка Грейса, и фанатиков размазало по мостовой, а в соседних домах вылетели стекла.

*Всё движется на звук — и нас влечет куда-то,
рассыпанных под старым белым небом;
земная речь гудит, а мы её придаток,
её словесный неуклюжий слепок.*

Бой снова закипел на узкой улочке, беспристрастный дождь остужал дымящиеся останки и заглушал крики ярости, боли и отчаяния, словно бы сам Безымянный город старался изжить из себя войну фракций, как нечто ему чуждое, отторгнуть ее вместе с искалеченными улицами, домами и площадями, не дать ей выплеснуться раскаленным котлом и утопить город в

крови до самых его корней.

Дина все перебирала записи. Тревога не оставляла ее.

*И ты, твердит, окажешься в плену
лесов очередных, заиндевевых,
снегов гремящих, пеструю луну
смыкающих с землею осовелой.
на прежний лад грядущее воспеть
тебе, твердит,
едва ль теперь удастся,
и вместо заверения во сне —
жемчужный сор впотьмах,
Иное царство.*

На улицах начали возводить баррикады. От разрушенного Виктория-холла до главной резиденции Ордена было всего ничего, и Геометры надеялись занять все выгодные точки, чтобы никто из Ордена не смог бы покинуть город живым. Но Орден не собирался так просто сдавать свои позиции, надеясь продержаться достаточно до прибытия подкреплений из Внешних Небес. Среди воюющих расползались слухи, что они спешно пытались заключить сделку с самим Черным сотником и его наемниками. Менее активно курсировали слухи куда более пугающие: будто бы руководство Ордена собиралось в качестве мести уничтожить нынешнее воплощение одного из Старших Имен, поддерживающее Геометров. Шаг это был поистине беспрецедентный, и даже в Ордене надеялись, что это были всего лишь слухи.

*Очнешься нераспознанным, навек
снимаемым победами большими,
и я, твердит, увижу первый свет,
впивающийся в пышные вершины;
неясную дремотную звезду,
безжизненно нависшую над ними.
И взор, кивает, свой не отведу,
покуда шаг твой ворошит звенящий иней.*

Последняя остервенелая стычка расплескалась новым кровавым морем, и все вновь затихло, и даже дождь будто бы капал все реже. В непривычной тишине кто-то удивленно поднял голову к облачному небу, которое стремительно наливалось темнотой.

На Безымянный город, слабо кружась на легком ветру, медленно падал первый в его истории снег.

***

Относительно узкое скалистое кольцо, окружавшее бездонный провал ледяной бездны колодца Арнгейра, с трудом вмещало все собравшиеся здесь дредноуты. Эйнар Бьернссон такого на своей памяти еще не видел: почти весь Дозор собрался сегодня в их главной твердыне на тинг. Повод был самый что ни на есть тревожный: несколько дредноутов, на которые под давлением Унии были поставлены новые командиры, пропали бесследно, а вместе с ними и несколько опытных офицеров Дозора.

— Если они дезертировали, то почему никто о них ничего не слышал? — возмущенно говорил Биркир, капитан Медвежьего отряда. — Их было не один, не два, как могли они вот так взять и исчезнуть вместе с судами? Почему никто не видел эти дредноуты в Эфире?

— Надо спрашивать с короля! — предложил капитан Соколиного отряда Снорри. — Если командиров поменяли из-за приказа короля, то с него и надо спрашивать!

— А если король не знал? — была чья-то реплика.

— Да как это король не знал?! — тут же был ответ.

— Бойтся король связываться со светоносными! Не стал бы он самовольно что-то нам указывать! — крикнул кто-то еще.

— Ты на что намекаешь?! Что это кто-то из нас?! — раздалось сразу с нескольких мест.

— Не из нас! — оправдался кто-то. — Но короля обманули светоносные!

— Король доверяет только Дозору!

— Значит, эти светоносные прикинулись Дозорными, — вступил Эйнар. — И уже поздно об этом спорить.

— Тогда что будем делать, Эйнар? — поинтересовался Ульфар, самый старый из капитанов, предводитель Воронового отряда. — Такое нельзя оставлять без ответа.

— Я считаю... — начал Эйнар, но его прервал вбежавший юноша:

— Капитаны! Срочные известия! В Сиянии уничтожено Вольфрамовое солнце!

По залу собрания прокатился гул удивления, возмущения и недоверия. Со многих сторон послышались крики: «Да быть такого не может!», «Вольфрамовое солнце невозможно уничтожить!», «Кто на такое вообще способен?!». Эйнар успокоил капитанов и дал юноше продолжить.

— Вольфрамовое солнце было уничтожено в результате тарана несколькими десятками дредноутов. Накопленный истинный свет начисто выжег несколько грузовых судов. Серьезно повреждены несколько дредноутов, находившихся рядом. Наши разведчики докладывают, что среди обломков были обнаружены части обшивки «Морозной поступи» и «Молота Альдмарка».

В зале вновь поднялся шум, и теперь на помощь Эйнару пришел еще и Ульфар. Вдвоем они смогли утихомирить остальных, и Эйнар взял слово:

— То, что мы узнали сейчас, чудовищно. Мы впервые столкнулись с таким серьезным актом агрессии в отношении Дозора. И впервые столкнулись с тем, что Дозор хотят обвинить в гораздо более жутком деянии. Мы не должны допустить, чтобы наше имя стояло в одном ряду с теми, кто уничтожил Вольфрамовое солнце.

— Война! — закричал кто-то, и его крик подхватили остальные: — Война! Война! Вой-на! Вой-на!

И даже обычно спокойный Эйнар, и мудрый Ульфар поддержали своих боевых товарищей. Просто иногда время дипломатии уходит, и приходит время войны.

***

«Сокол Империи» медленно шел, сильно кренясь на правый бок, истрепанный предсмертным криком Вольфрамового солнца. Рейнир нетерпеливо ходил туда-сюда по мостiku в ожидании ответа Хеннингсена. Координатор уже начинал думать худшее, но в итоге зашифрованная люминарная телеграмма все же пришла. Внимательно изучив ее, Рейнир сразу же отыскал Аглаю.

— «Дыхание севера» будет ждать нас недалеко от Безымянного города, ближе к Пределу туманов, — сообщил он. — Но на дредноуте туда идти опасно, поэтому мы с Хельгесеном возьмем наш глайдер и незаметно проскочим мимо всех.

— Ты уверен, что тебе не нужна моя помощь?

— Спасибо, Аглая. И я знаю, что ты тоже переживаешь за Лиаму, но будет лучше, если я найду его один. Не нужно рисковать сверх необходимого. К тому же, «Сокол» поврежден, а ты все еще не отправилась до конца от ранения.

— В Безымянном городе найди Альберта с Фонтанной улицы. Он мой связной. Отличишь по серебряной броши в виде листа клена. Покажешь инсигнию, объяснишь в общих чертах, что тебе нужно, он выведет на нужных людей.

— Еще раз спасибо, Аглая.

— Возвращайтесь оба.

Простившись с Аглаей, Рейнир отыскал Хельгесена, и скоро их небольшой глайдер покинул ангар «Сокола» и устремился к границе с Пределом туманов.

«Дыхание севера» найти было не так просто, Хеннингсен спрятал дредноут в одной из многочисленных туманностей на границе Предела и Сияния. Опасаясь лишней раз выходить на радиосвязь, Хельгесен и Рейнир немного поплутали среди туманов, пока опытный глаз пилота не заметил знакомую бортовую иллюминацию. Наконец-то вернувшись на родной дредноут, Рейнир вздохнул с облегчением.

— Я вижу, вы вернули мне моего лучшего пилота, координатор, — поприветствовал его Хеннингсен. — И я рад, что вы к нам вернулись.

— Вы в курсе случившегося, полковник?

— Только в общих чертах. Я знаю об уничтожении Вольфрамового солнца, знаю о беспо-

рядках в Безымянном городе. Еще какие-то новости?

— Беспорядки переросли в открытую войну фракций, полковник. Бюро теперь не очень-то жалуют. И Лиам пропал. И мне нужна ваша помощь. Только, боюсь, это может пойти вразрез с целями Унии.

— Я отказался передавать командование «Дыханием», координатор, — заметил Хеннингсен. — В Унии я, полагаю, теперь в лучшем случае военный преступник, угнавший целый дредноут. Поэтому в нынешнем моем положении ее цели меня мало волнуют. Если вам нужно «Дыхание», у вас будет «Дыхание».

— Тогда берем курс на Безымянный город, полковник. Поищем там одного загулявшего руннемарца.

***

С ночи на Людлин обрушилась сильнейшая снежная буря, какой даже старожилы не могли упомянуть. Город оказался практически парализован, и Яна в очередной раз порадовалась, что ей даже не нужно было выходить на улицу лишний раз. Вместе с Ольшанским они разбирали первые материалы, полученные от Форнхофта. Пока что в них было мало смысла, словно Форнхофт сознательно предоставил им только разрозненные кусочки общей картины. Ольшанский, наверное, видел в этом его злой умысел, но Яна полагала, что просто у самого Форнхофта еще не было тех самых недостающих кусочков. Возможно, те самые загадочные события в Эфире, о которых он неоднократно упоминал, и должны были стать ключом к этой информации. Оставалось наблюдать. Заметив, как хмурится Ольшанский, Яна спросила:

— Ты не доверяешь Форнхофту?

— Нет, — прямо сказал Ольшанский. — Как не доверяю всякому светоносному. Ты, полагаю, тоже ему не доверяешь. Адам, впрочем, считает, что с ним можно работать. Адаму я верю, поэтому и я смогу с ним работать. Об этом тебе не нужно беспокоиться, никаких эксцессов не будет.

— А можно тогда вопрос?

— Полагаю, он заключается в том, почему я отрицательно отношусь к любым светоносным? Ответ будет простым: светоносные и мары — явления взаимоисключающие. Истинный свет убивает нас. Стоит блоку питания исчислителя немного пропускать, я легко заработаю ожог. Именно поэтому мары не могут становиться носителями логосов. И если у нас есть светоносные, узурпировавшие в сути своей технологический прогресс и значительную часть экономики, и есть мары, которые как вид не могут приспособиться к миру, который светоносные пытаются построить, то никакого резона поддерживать комфортные условия для маров у светоносных нет. Светоносные не видят нас в прекрасном новом мире, который они и Имена пытаются построить. Ты, наверное, слышала о «Вознесении»? Прекрасная фракция, открыто сообщающая о своих планах устроить всем марам геноцид. Это, конечно, пример фанатиков и радикалов, но в глубине души любой светоносный предпочел бы мир, где нас нет. Форнхофт не исключение, пусть Адам и утверждает обратное. Все же не во всем же мне с Адамом соглашаться.

— А кто он тебе? Я слышала, что он называет тебя братом, хотя ты настаиваешь, что вы не братья. Тогда кто вы?

— Мы из одной линии. Или строки. Или стиха. Переводить можно по-разному, сущность линии от этого не изменится. Тебе, вероятно, известно, что мары осмысляют мир немного иначе, нежели люди. Мы считаем, что миропорядок обеспечивается не отдельными Именами, но целыми историями, нарративами. И мары, рожденные в определенных обстоятельствах, в определенном месте, времени, при определенных событиях, составляют в мировом повествовании одну линию. Или слагают один стих. Принадлежность к линии определяется скорее интуитивно, нежели рационально, и это во многом обуславливает характер отношений внутри линии. Линия — ближайшее, что у маров может быть к понятию семьи или клана. Биологические родители значат для мара гораздо меньше, чем мары одной с ним линии. Живущие среди людей мары, например, мы с Адамом, часто имеют склонность отождествлять отношения внутри линии с таковыми между родственниками у людей. Я стараюсь этой подмене понятий не поддаваться, но Адам в чем-то прав, называя меня своим братом. Я для него действительно ближе всего к тому, кто у людей называется «старшим братом». Адам — один из самых ближайших мне маров моей линии. Я уважаю его мнение, но все же мы порой расходимся и во взглядах, и в характерах.

— И все же ты утверждаешь, что одинок?

— Одинок, Яна. Так, как только мар может быть одиноким.

Яна ничего не ответила Ольшанскому, но по-прежнему осталась при своем мнении на этот счет.

***

Рейнир редко бывал в Безымянном городе. На него, уроженца Синдвари, город давил своей рукотворной хтоничностью, нависал стоглавым титаном, запутывал лабиринтами улиц и сумраком подворотен. Отыскать Фонтанную улицу в южной части города оказалось гораздо сложнее, чем координатор предполагал, и постепенно наполнявшая город тревога делу не помогала. Рейнир на всякий случай спрятал инсигнию и сменил свое координаторское пальто на более нейтральный серый плащ, но даже с такими мерами ему было не по себе в тени городских громадин. Он почти не убирал руку с послушно дожидавшейся своего часа рукояти клинка, спокойнее ему от этого не становилось.

Альберт, потертый и неказистый пропитой мужик неопределенного возраста, отыскался, как Рейнир и предполагал, у местного кабака. Узнав его по небольшому серебряному листу клена, довольно дико смотревшемуся на его замызганном пальтишке, Рейнир уверенно пошел к нему.

— Альберт?

— Кто интересуется? — нехотя отозвался он. Рейнир огляделся по сторонам и достал из-под плаща инсигнию. Альберт тоже быстро глянул налево и направо, после чего кивнул и поманил Рейнира чуть в сторону, за кабак.

— Что нужно, координатор?

- Аглая сказала, вы можете помочь с делами в городе.
- Не со всеми, координатор, не со всеми. Но с некоторыми могу.
- Мне нужно отыскать светоносного, который пропал в городе несколько дней назад.
- О, тогда вам к Ясноглазой Мэй. Пойдемте, координатор, здесь недалеко.

Минут пятнадцать Рейнир вслед за Альбертом плутал по новым и новым закоулкам города и всерьез начал бояться, что сейчас окончательно заблудится в его переплетениях. В конце они оказались у невысокого кирпичного дома, нагло втиснувшегося между двумя грозными зданиями в раннем гетическом стиле. Альберт постучал в дверь. Ее открыла тощая, словно иссохшая ива, женщина, которую еще нельзя было назвать старухой, но чья зрелость уже давно стремилась к увяданию. Длинные седеющие волосы ниспадали пепельно-серебристым водопадом, но внимание Рейнира приковали очки с очень темными синими стеклами. Альберт представил Рейнира и добавил:

- Координатору нужно найти светоносного. Он пропал где-то в городе.
- Задача ясна, — улыбнулась Мэй. — Проходи, дорогой, не стесняйся.

Альберт откланялся, и Мэй закрыла за Рейниром дверь. Внутри ее дома оказалось тоже довольно темно и пыльно.

— Что, дорогой, твой логос чувствует себя неуютно? — тем временем бестактно спросила Мэй, ткнув его в грудь. — Зря ты не даешь ему выговариваться. Твой логос много чего интересного о тебе может рассказать, если уметь слушать. Сейчас, например, он тоже, как и ты, пялится на мои очки. Хочешь узнать, что под ними?

Мэй немного зловеще улыбнулась и сняла очки, под которыми оказались лишь пустые глазницы, покрытые старыми рубцами. Рейнир от неожиданности шумно сглотнул. Мэй тонко засмеялась и объяснила:

— Когда моя несчастная набожная мать впервые увидела, как в моих глазах зажегся истинный свет, она в припадке ужаса выколола — или выжгла? — мои глаза раскаленным ножом. Но свет логоса так просто нельзя погасить. И с тех пор мои глаза всегда ясны, как солнце, что встает над руинами. Так вот и повелось, что я Ясноглазая Мэй. И я вижу истинным светом, а это, дорогой, очень интересный опыт. Светоносных, как ты понимаешь, я вижу очень, очень отчетливо. Давай посмотрим, где он наследил. Садись и попроси свой логос подумать о нем. Вот, хорошо, вижу его. Мм, тоже координатор. И даже руннемарец! Давно я со своими земляками не пересекалась, ой давно. Итак, где же координатор Лиам был не так давно...

Мэй замерла, потом повернула голову сначала в одну сторону, затем в другую, сделала несколько шагов вперед, повернулась направо, сделала еще несколько шагов, повернулась вокруг, после чего твердо сказала:

- Твой Лиам был в шпиле Лукреция. Встречался с какой-то герцогиней. Тебе туда, дорогой.
- Спасибо, — выдавил из себя Рейнир. — Что я вам должен?

— Ничего, дорогой. Все, что мне было интересно, я уже узнала, — снова немного зловеще улыбнулась Мэй и вновь спрятала свои ясные глаза за очками.

Отыскать шпиль Лукреция оказалось проще, чем найти Фонтанную улицу: высокая башня была заметна из многих районов города, и Рейниру оставалось лишь не терять ее из поля зрения. Иногда он видел дым над кварталами, но пока война фракций не выходила за границы их территории. «Пока», — справедливо добавил слегка уязвленный голос.

Швейцар шпиля вежливо поинтересовался целью визита, Рейнир вместо ответа предъявил ему инсигнию. Швейцар быстро все понял и без лишних вопросов пропустил координатора в здание.

Герцогиня Sommerwald занимала апартаменты на одном из верхних этажей, и Рейнир порадовался наличию в шпиле лифта. Швейцар, похоже, предупредил герцогиню о госте, и Рейнира встретила открытая дверь. Осторожно ее прикрыв, координатор медленно прошел вглубь помещения в поисках герцогини, но та окликнула его из столовой.

Sommerwald сидела в неброском темном платье с бокалом красного вина, ее волосы, тоже густые и темные, как у Даны, свободно легли ей на плечи. Неуловимое сходство между зрелой красотой герцогини и расцветающей красотой Даны укололо Рейнира болезненным острием ревности, но чувство быстро сменилось чем-то сродни страху. Истинную природу отношений Даны и герцогини он так и не решился выяснить, но само иррациональное ощущение, что Sommerwald *знает*, как именно он провел время на Ундине, заставило Рейнира неприятно поежиться.

— Координатор, — поприветствовала его герцогиня. — Уже второй координатор приходит ко мне с визитом за последние дни. Что же *вас* интересует, господин координатор?

— То, что интересовало моего коллегу, герцогиня.

— «Цвета тишины» и убийство Николь? Как я уже говорила, никакой по-настоящему ценной информацией я не располагаю, но все, что я знала, я изложила. Правда, в последнее время я мало уделяла времени клубу. Ваш коллега также интересовался Максимилианом Форнхотом, но Максимилиана давно уже нет в городе. Ваш коллега был несколько разочарован, но расстались мы мирно. У вас есть еще какие-либо вопросы ко мне?

— Нет, герцогиня.

— Тогда не возражаете, если я вас ненадолго задержу?

Sommerwald достала второй бокал и налила Рейниру вина. Координатор в этот момент впервые пожелал оказаться в гуще схватки вместо этих уютных апартаментов.

***

Первым словом, которое Эрик Густафссон изрек при виде облака обломков в темноте на месте Вольфрамового солнца, было самое грязное ругательство, какое он только смог вспомнить. В завихрениях эфирных токов плыли смятые пластины и искореженные детали разорванных дредноутов, в холоде неторопливо вращались мертвые тела, останки гигантских колец смертельными молотами сминали все, чему не повезло оказаться между ними.

Эйнгинн и Хведрунг вместе подошли к смотровому стеклу. Хведрунг проследил за траекторией одного крупного обломка, разбившегося о фрагмент кольца, после чего спросил скорее самого себя, чем своих спутников:

— Кому это могло быть выгодно?

— Безымянным? — предложил Эйнгинн.

— Не Безымянным, — покачал головой Хведрунг. — Безымянные любят хаос, по себе знаю. Но они любят управляемый хаос, а разрушение Вольфрамового солнца ведет к хаосу неуправляемому.

— Это не может быть выгодно и Судиям, — продолжил рассуждать Эйнгинн. — Потеря такого количества истинного света серьезно ударила по их ресурсам.

— Остается третья сила?

— Вот только третьей силы нам сейчас не хватало.

— Не хочу отвлекать, — встрял Эрик. — Но тут к стеклу пристал труп.

— Как пристал, так и отстанет, — отмахнулся Хведрунг.

— Все хорошо бы, но труп-то моргает, — ткнул пальцем Эрик. Эйнгинн недоверчиво взгляделся туда, куда указывал Густафссон. У стекла действительно болталось тело в черном одеянии, в котором Эйнгинн признал координаторскую форму. И это тело действительно медленно моргало заиндеветыми ресницами.

— Он еще жив! Надо его втянуть внутрь, — крикнул он Хведрунгу, устремляясь к одному из люков. Несколько минут спустя Эйнгинн уже оказался снаружи, а вскоре вернулся вместе с выброшенным в Эфир координатором. Осторожно уложив его на пол, Эйнгинн аккуратно коснулся его рукой, сверкнув глазами. Иней на коже координатора вмиг превратился в пар, а сам координатор резко глубоко вдохнул, после чего закашлялся, но в итоге пришел в норму. Оглядевшись, он удивленно спросил:

— Кто вы?

— А ты кто? — бесхитростно спросил в ответ Эрик.

— Лиам, — от неожиданности ответил спасенный. — Координатор.

— Ну, Лиам, добро пожаловать в лучшую команду, которую ты только можешь сейчас найти среди этих обломков, — протянул ему руку Хведрунг. Лиам ухватился за нее и поднялся, после чего недоуменно спросил:

— Обломков?

***

«Королевство слез» привычно скользило вдоль Кетамада, отражая на своих антрацитовых бортах токи Дальнего Эфира. Король былого и грядущего столь же привычно меланхолично взирал в любимый цветной мрак, попутно слушая записанное на фонограф стихотворение Дины Ивинской.

*Окно зацвело слепое
Рассветной блажью –
Выведи нас с тобою
На снег лебяжий.
В раннюю рану утра –
Пускай нашепчет
На смоляные кудри
Размякший жемчуг.*

У этой молодой поэтессы действительно был *потенциал*. Вопрос был только в том, насколько ей дадут этот потенциал реализовать.

*Пусть не тверёзым станет,
Осветит наледь,
Лишь бы на вьюжный танец –
Окошком алым.
Лишь бы земную фугу
Зима пропела,
Лишь бы вести друг друга,
Сливаясь с белым.*

Идиллическое созерцание было прервано неприятным резким скачком: «Королевство» на считанные мгновения лишилось всех систем, погрузившись во мрак и нырнув на очередной эфирной волне. Но Короля бывшего и грядущего в этот момент встревожил отнюдь не сбой систем дредноута. В момент полной тьмы его бирюзовые глаза встретились взглядом с чем-то или кем-то, что перешагнуло в ту секунду границу Дальнего Эфира, и Король бывшего и грядущего впервые за долгое время испытал настоящий ужас.

Конец первой книги.